

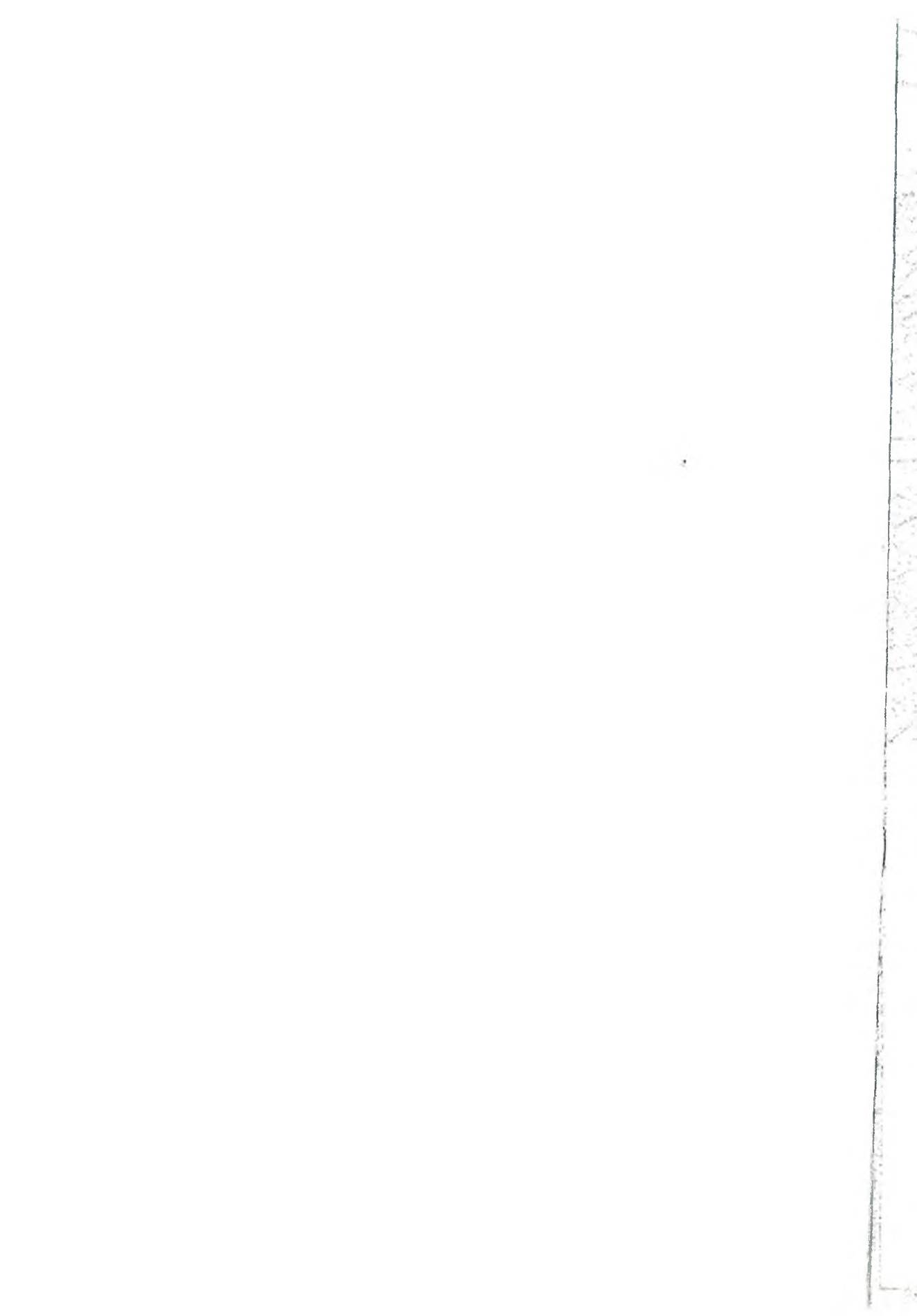
JHC-877
2009:3

UZBEKISTON

HISTORY OF UZBEKISTAN
TARIXI

3/2009

3
2009

Ўзбекистон Республикаси Fanlar akademiyasi

ЎЗБЕКИСТОН ТАРИХИ

Илмий журнал

Мундарижа

- Ю. Буряков. Қадимда ва ўрта асрларда Ўрта Осиёда христинлик 3
Н. Зиёмов. Ўзбекистон диний экстремизми барта- раф этиш йўлида 13

Тарихшунослик, манба ва тилқин

- Д. Отажонова. Ўрта Осиё ва Европа хунарманд- чилик рисоалари 22
У. Абдурасулов. Сўнги ўрта асрлар Ўрта Осиё дип- ломатикаси намуналарининг нашрларига доир 29
Н. Мустафаева. Маданий ислохот – тараккий ва та- маддун асосидур (жаидларнинг асарларида миллий маданият ривож масалалари) 37
Ф. Шомукарамова. Самарканд ёдгорликларини ўр- ганиш ва асрашда В. Л. Вяткиннинг роли 46
А. Хўжасв. Қадимги давр Хитой манбаларида Тош- кент ҳақидаги маълумотлар 52

Ёш тадқиқотчи минбари

- А. Турсунметов. Инглиз-америка тарихшунослари Туркистон жадидларининг XX аср бошидаги ижти- жисий фаолияти тўғрисида 67

Тақид ва тақриз

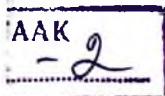
- кснинг нўрин мутобикаси 74

Тарихчи кутубхонасига

- Н. Р. Маҳкамованинг «Социальная тва на территории Узбекистана: формации (конец XIX в. – 30-е го- рафиясига тақриз 82

Илмий ҳаёт

- демик Яхё Ғуломов номидаги «Ўз- г давлатчилиги тарихи» республика винг «Хоразм цивилизацияси шакл- сланишининг тарихий жиҳатлари» илиши ҳақида 85
Ўзбекистон пойтахти – Тошкент усиддаги халқаро илмий конферен- 86
ва. «Мирзо Улугбекнинг жаҳон ига кўшган хиссаси» мавзусиддаги нференция ҳақида 89

Содержание

Ю. Буряков. Христианство в Средней Азии в древности и средневековье	3
Н. Зиямов. Из истории противостояния Узбекистана религиозному экстремизму	13
<i>Историография, источники и комментарии</i>	
Д. Атаджанова. Ремесленные уставы Европы и Средней Азии	22
У. Абдурасулов. О публикациях образцов среднеазиатской дипломатики позднесредневекового периода ..	29
Н. Мустафаяева. Культурная реформа – основа прогресса и цивилизации (вопросы развития национальной культуры в трудах джадидов)	37
Ф. Шамукарамова. Роль В. Л. Вяткина в изучении и сохранении памятников культуры Самарканда	46
А. Ходжаев. Сведения о Ташкенте в китайских источниках древнего периода	52
<i>Трибуна молодого исследователя</i>	
А. Турсунметов. Англо-американские исследователи о социо-культурной и политической деятельности туркестанских джадидов в начале XX века	67
<i>Критика и осмысление</i>	
Неуместность параллели двух исторических личностей	74
<i>В библиотеку историка</i>	
Г. Ахмеджанов. Рецензия на монографию Н. Р. Махкамовой «Социальная структура общества на территории Узбекистана: традиции и трансформации (конец XIX в. – 30-е годы XX в.)»	82
<i>Научная жизнь</i>	
Г. Агзамова. О заседании Республиканского научного семинара «История узбекского народа и его государственности» им. академика Яхё Гулямова на тему: «Исторические аспекты формирования и развития Хорезмской цивилизации»	85
С. Тиллабоев. О Международной научной конференции «Столице Узбекистана – Ташкенту 2200 лет» ..	86
Ф. Шамукарамова. О Международной научной конференции «Мирзо Улугбек и его вклад в развитие мировой науки»	89

Тахрир хайъати:

Дилором Алимова
(бош мухаррир)
Мируэрт Абусентова
(Қозоғистон)
Омонулла Бўриев
Алишер Дониёров
Доно Зияева
Ўткир Исломов
Мирсодиқ Исҳоқов
Элёр Каримов
Зоя Орифхонова
Эдвард Ртвеладзе
Ильза Сиртаутас (АҚШ)
Рустам Сулаймонов
Маргарита Филинович
(бош мухаррир Ўринбосари)
Темур Ширинов
Нозим Ҳабибуллаев
Шонра Асадова (масъул котиб)
М. Сандова
А. Минхерёва
(мухаррирлар)
Т. Гез (мукова дизайнери)

Манзилимиз:

100170, Тошкент,

И. Мўминов кўчаси, 9-уй.

Телефон: 262-38-73.

Журнал Ўзбекистон матбуот
ва ахборот агентлиги томонидан
22.12.2006 йилда рўйхатга олинган
Гувоҳнома № 0051.

Теришга берилди 11.09.2009.
Босишга рухсат этилди 13.10.2009

Қозғоз бичими 70×100/16.

Таймс гарнитур.

Офсет босма. Офсет қозғози.

Шартли босма т. 7,42.

Ҳисоб-нашриёт т. 5,0.

344 нусха. 209-буюртма.

Келишилган нарҳда

Ю. Буряков

ХРИСТИАНСТВО В СРЕДНЕЙ АЗИИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Средняя Азия – страна древней яркой и самобытной культуры. Ее цивилизация формировалась в условиях географических и климатических контрастов. Высокогорные системы с ледниками, окружающие страну с востока и юга, содержат в своих недрах запасы цветных и благородных металлов, уголь, строительные и поделочные камни, драгоценные самоцветы, которые с давних пор стали объектом добычи и средством широкого обмена со всеми странами Евразии.

В долинах могучих рек Окса и Яксарта – Амударьи и Сырдарьи и некоторых менее крупных с глубокой древности складываются цветущие оазисы земледельцев, хозяйство которых базировалось на искусственном орошении. С севера и запада их замыкает обширный пояс степей и жарких пустынь, служивших базой различных форм скотоводства. В силу своего благоприятного положения Средняя Азия оказалась на перекрестках торговых трасс, связывающих земледельческие и животноводческие экономики различных ближних и дальних стран Евразии, получивших в науке название «Великий шелковый путь» по одному из важнейших товаров. Средняя Азия оказалась в центре этих связей.

По этим трассам шли не только товары, но и информация о новейших достижениях науки, техники и культуры, об идеологии. Вместе с посольствами и купцами, учеными и ремесленниками, художниками и танцорами в составе караванов были и адепты различных культов, миссионеры как официально в составе дипломатических миссий, так и в качестве последователей гонимых сект, покидающих свои земли в поисках новой родины.

Страны на торговых путях становятся ареной жарких философско-теологических споров, разгоравшихся и в караван-сараях, и в селениях, и в кочевьях, и при дворах крупных правителей. И нередко происходило так, что яркие талантливые провозвестники новых идей попадали в круг приближенных двора, собирая вокруг себя общины своих конфессий.

Средняя Азия с менталитетом открытости и дружелюбия ее жителей служила одним из регионов, где соседствовали адепты различных идеологий. Не случайно она оказалась на скрещении встреч, а в некоторых случаях и местом оформления крупнейших мировых религий – зороастризма, буддизма, ислама. Активную роль сыграло христианство, широко распространившееся и у оседлых народов, и среди кочевников степи.

В крупных городах Средней Азии вплоть до Кашгара возникли общины и митрополии христианства и других религий, которые сохранялись здесь и при утверждении ислама.

Христианство – одна из мировых религий, широко распространившихся в странах Востока и Запада. Сформировавшись в восточных провинциях Рима, оно в силу своей духовной широты стало идеологией, притягательной и для передовых умов, и для широчайших масс угнетаемого населения Римской империи. Новое вероучение быстро привлекло самые различные социальные группы народов, различавшихся и по способу хозяйства, и образу жизни, и расово-этническому составу. С первых же столетий своего появления христианство активно распространяется на Восток. Здесь проповедники обращаются к пестрой разноязычной общине населения малоазиатских городов, и глубокая убежденность носителей нового учения, их проповеди производят сильное впечатление. А вслед за этим идет дальнейшее продвижение христианских миссионеров на Восток – в Иран и Среднюю Азию, где новое учение также находит благоприятную почву.

Традиционно в научной среде считалось, что становление христианства начинается в Средней Азии с III в. н. э.¹ Однако в последнее десятилетие востоковедами и археологами получены новые интересные материалы, заставляющие по-иному взглянуть на этапы становления христианства. В первую очередь среди них можно назвать документальные свидетельства о деятельности Мервской общины, первой получившей статус митрополии миссионерской деятельности апостолов в среднеазиатских землях. Уже само формирование общин и митрополий на широкой территории от Мерва до Самарканда, а затем до Кашгара в III в. н. э. дает основание для утверждения о более раннем проникновении в эти регионы нового учения.

Активное распространение этого учения связывается со страстной проповеднической деятельностью апостолов сразу же после смерти Спасителя. В Евангелии от Фомы мы слышим призыв: «То, что ты услышишь твоим ухом, возвещай другому уху с ваших кровель. Ибо никто не зажигает светильника (и) не ставит его в тайное место». По традиции, апостолы, свято исполняя завет: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие», двинулись в разные страны. Наиболее трудная миссия выпала на долю апостола Фомы Близнаца – одного из двенадцати избранных. «Когда апостолы разделили по жребию земли, Фоме было предназначено идти к индийцам». По другому тексту: «Фома по четвертому

¹ См.: Богомолов Г. И., Буряков Ю. Ф. и др. Христианство в Средней Азии // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1994. С. 6-9.

жребию должен был благовестие возгласить парфянам, мидийцам, персам, гирканцам, бактрийцам и маргианцам». В любом случае путь его пролегал через Среднюю Азию – Парфию, Маргиану, вероятно, уже в рамках I в. н. э. Нельзя забывать и о том, что на берегу озера Иссык-Куль в Кыргызстане в христианском армянском монастыре находилась могила апостола Матфея. Все это – свидетельства раннего проникновения христианства в Среднюю Азию.

Активному распространению новой религии в Средней Азии способствовали не только апостольские проповеди среди местного населения, но и жестокие гонения на христиан в Римской империи и в Сасанидском Иране. Можно отметить несколько этапов активного подъема жизни общин, связанных с политическими событиями и с внутрирелигиозной борьбой. Источники отмечают, что Шапур I расселил на восточных землях много пленных римских солдат. Сюда же устремляются сторонники Восточной церкви. По сведениям согдийских и арабских источников, прекрасный врач и проповедник владыка Бар Шаба обратил в христианство даже жену и детей шахиншаха Шапура. Сосланный из столицы Ирана в Мерв, он открыл там митрополию, отстроил крепость, караван-сарай, дома и сады в Серахсе и Абаршахре, Мерверруде, Балхе, Герате. Во всех крепостях и селениях он открыл божьи дома и поставил пресвитеров и диаконов, чтобы они заботились о людях и исполняли божественную службу. «И они начали с воздаяния милости Божией, благодаря авторитету и власти, которую они получили от благочестивого владыки Бар Шабы. Они стали священниками, и сильным стало христианство»².

Усиление христианства стало казаться опасным для господствующего в Сасанидском Иране зороастризма. Верховный зороастрийский жрец Картир во второй половине III столетия провел реформу, нетерпимую к другим религиям. Это привело к изгнанию из страны огромных масс иноверцев, в том числе христиан. Однако изгнания, вероятно, вскоре прекратились, так как христиане Восточной церкви были враждебны Римской империи – противнику шахиншаха.

В III столетии наблюдается активное движение христиан из Римской империи. Первоначально христианство было еще ортодоксальным учением, сторонники которого считались государственниками, в источниках они зачастую известны под названием мелькиты (от мульк – государство). Наиболее сильная община их долгое время господствовала в северных районах Средней Азии, в частности, в Хорезме. Расцвет хрис-

² Документ № 48 // Древний Мерв в свидетельствах письменных источников. Ашгабат, 1994. С. 85-89.

тианства, активное продвижение и миссионеров, и масс адептов относятся к первой половине I тыс. н. э. Вдоль трасс формируются пункты, связанные с обслуживанием караванов торговцев, развитием ремесел, здесь расселяются ремесленники и торговцы восточных общин Римской империи.

Источники не случайно делают акцент на ремесленно-торговый состав общин ранних христиан. Согласно деяниям апостолов, Павел из Коринфа – делатель палаток, в числе активных приверженцев упоминается женщина, торговавшая тканями. Сама пресвятая дева Мария известна как искусная пряжа. Критики христиан II в. н. э., обращаясь к миссионерам, презрительно говорили, что успешные проповеди ведутся ими среди мужланов-кочевников, ткачей, валяльщиков шерсти, т. е., в основном, среди ремесленного люда.

Между тем в то же время в среде христиан складывается круг просвещенных деятелей: известные ученые, искусные врачи, люди, которые, благодаря своим способностям, достигли больших успехов и популярности при дворах правителей.

Христианство приобретает большое влияние и в самой Римской империи. На Первом Вселенском Соборе, созванном в 325 г. византийским императором Константином I, оно было объявлено государственной религией. Однако наряду с успехами в самом учении проявляются большие противоречия, приведшие позднее к расколу церкви.

На первых порах наиболее ведущими были арианство на Западе и несторианство на Востоке. Несторианство, названное так по имени константинопольского патриарха Нестория, создавшего одно из учений о соотношении божественного и человеческого в Иисусе Христе, поначалу входило в состав ортодоксального христианства и вместе с арианством сыграло огромную роль в пропаганде общих идей христианства в новых странах. Но по мере усиления религии в целом столкновения внутри нее становятся все непримиримее. Одни течения признаются правильными, другие – еретическими, сторонники которых изгоняются из общин и государства, уходят к своим единомышленникам в другие страны.

В V в. после Эфесского, а затем Халкедонского Соборов происходит осуждение в пределах Византийской империи несторианства как еретического течения, а затем окончательное отделение от Константинопольской православной церкви Восточной Сирийской (несторианской) церкви, владыкой которой стал епископ Селевкии-Ктесифона. Несториане активно хлынули в Иран и Среднюю Азию и стали здесь ведущим толком, хотя здесь же обосновались и монофизиты (якобиты), и мелькиты, причем последние даже имели свою митрополию.

Послания апостолов, легенды и письменные источники дают интересные материалы о ранних центрах становления христианства в Средней Азии. Мерв упоминается в качестве области благовеста апостола Фомы и активной деятельности владыки Бар Шабы, который, как отмечалось, построил здесь большое количество церквей, приписал им денежные средства, виноградники и другое добро. Упоминания о Бар Шабе показывают, что уже ко времени его приезда здесь, вероятно, сложилась большая христианская община. Исследования позволяют отнести его деятельность ко времени не позднее царствования Шапура I (240-272).

При Бар Шабе в Мерве была открыта первая в Средней Азии митрополия. Епископы Мерва пользовались большим авторитетом в Восточной церкви. Они участвовали во многих церковных соборах. Илья – епископ Мерва, назван в одном из списков среди участников Никейского собора 325 г. Достоверными считаются сведения об участии мервского епископа Фарумана в Соборе Синода Мара Акакия в 486 г. Епископ Иоханнон участвовал в Соборе 497 г. в Селевкии, где шла теоретическая дискуссия несториан и монофизитов, осужденных на нем как еретики³.

Ведущую роль в распространении христианства играли церкви и монастыри. Кроме святого Бар Шабы, открывшего в Мерве церкви и приходы, источники сообщают о святом Мар Георгисе Марвазайя. Упоминается и монастырь блаженного Мар Давида бар Наутара⁴.

При археологических исследованиях в Древнем Мерве на холмах периферии древнего ядра Гяуркалы был вскрыт и некрополь. Первые захоронения здесь осуществляли в пределах зданий, которые считаются церковными, построенными в период, предшествовавший сложению некрополя. Самые ранние погребения датируются монетами II – III вв. н. э. Значит, появление самих церквей можно отнести к I – II вв. н. э. III – IV века нашей эры характеризуются ростом общины. Это прослеживается в массовых захоронениях по христианскому обряду в одном из церковных зданий, превращенном в мавзолей. Возможно, культовый центр разраставшейся общины переносится в жилые кварталы⁵. Эти материалы подтверждают расцвет в Мерве христианства, объясняющий образование здесь в IV в. епископии.

³ Документ № 48 // Древний Мерв в свидетельствах письменных источников. Ашгабат, 1994. С. 85-89.

⁴ Документ № 42 // Древний Мерв в свидетельствах письменных источников. Ашгабат, 1994. С. 75

⁵ Д р е с в я н с к а я Г. Я. Некрополь Старого Мерва // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1989, Т. XIX; У с м а н о в а З. И. Христианские памятники Туркмении // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1994. С. 29-31.

В самом городском ядре открыт возведенный на платформе монастырь овальной формы с внутренним двором и 33 изолированными комнатами-кельями вокруг него. Выделяются помещения около входа с культовыми нишами-абсидами. На стенах некоторых келий были выпцарапаны изображения креста, вечного дерева, в них найдены халцедоновая печать с изображением креста, амулет с изображением льва, который считался одним из символов христианства. Керамические изделия из комплекса характерны для V – VI вв. н. э.

Помимо Мерва, по источникам, можно отметить храмы и школы в его области, в частности, возведенные святым Мар Георгисом Марвазайя в селении Зарб (Зира) к востоку от Мерва. Здесь он «возвел шатер», жил сам, обосновал общину и был погребен в церкви. Селение Зарб и монастырь Марвазайн мы считаем возможным отождествить с памятником Хороба Кошук, руины которого возвышаются к северу от Мерва на окраине пустыни вдоль торгового пути на Хорезм. Это крупное здание – однефный зал с делением на несколько анфиладных секций, перекрывавшихся куполами и сводами. Юго-восточное завершение оформлено ступенчатой абсидой с поперечными нишами и небольшими комнатками по углам. Размеры сооружения свидетельствуют о возросшей численности посещавших его членов общины. Планировка типична для христианской церкви⁶.

К числу интересных находок, связанных с христианством, следует отнести керамическую литейную форму для отливки несторианских крестов из цитадели Древнего Мерва – Эркалы⁷, клад христианских золотых бляшек и медальонов из Геоктепа⁸ и некоторые другие находки.

Второй крупной областью раннего христианства в Средней Азии был Согд, куда несториане продвинулись, как и в Бактрию, вероятно, по Великому шелковому пути, благодаря миссионерской деятельности и в силу религиозно-политических событий в Византии и Иране.

В начале V в. оформляется христианская митрополия в столице Согда – Самарканде. Возможно, с этого времени формируется, а затем и интенсивно разрастается, судя по археологическим материалам, христианское селение Вазгирд в горном рустаке Шавдар к югу от Самарканда в современном селении Ургут. Местность эта славилась здоровым клима-

⁶ Пугаченкова Г. А. Хороба Кошук // Известия АН Туркм. 1954. № 2.

⁷ Логинов С., Симсон О. Дж. Раскопки в Мерве на городище Эркала в 1992-1993 гг. // Тезисы докладов научной конференции «Мерв в древней и средневековой истории Востока». Мары, 1994. С. 51.

⁸ Массон М. Е. Клады раннесредневековых бляшек и медальонов из Геоктепе // Известия АН Туркм. 1956. № 5.

том, отличалась высокими урожаями и была благодатным местом, привлекавшим христиан. Здесь отмечается храм несториан, функционировавший вплоть до X в.⁹ К северо-востоку от селения на скалах обнаружены сирийские надписи и изображение креста¹⁰, а в обрывах сая – захоронения в оссуариях, среди которых встречаются погребальные ящички с крестообразными прорезами.

Недалеко от Ургута на холме Коштепа археологами вскрыты руины христианского храма. В одном из помещений найден венчик крупного сосуда – хума с изображением двух мужских фигур. Один из персонажей в длинном парадном одеянии и в высоком головном уборе, стоя в полный рост, держит в руках книгу и высоко поднятый крест. Второй – также в парадном одеянии, преклонил колени. Можно предположить, что это – изображение обряда крещения. Интересно, что в этом же храме, помимо христианской символики, раскрыт алтарь огня¹¹. Не исключено сосуществование здесь двух культов – христианского и манихейского, использовавшего христианскую символику.

К югу от Самарканда близ Пянджикента было обнаружено погребение девочки с бронзовым нательным крестом и захоронение в хуме, на стенке которого был изображен наклонный крест¹².

Об активном распространении христианства в Согде свидетельствуют предметы с христианской символикой, монеты с христианскими знаками, в частности, в Бухарском Согде, Усрушане¹³.

К середине I тыс. христиане активно продвигаются на восток в Чач, Исфиджаб, Фергану, вплоть до Кашгара, в котором, по крайней мере с V в. н. э., функционировало епископство. Епископ Кашгара Марайя упоминается среди участников собора Синода в 424 г. в Маркабте¹⁴, а епископ Абайя – в важном Соборе в Селевкий в 486 г., принявшем нес-

⁹ Бетгер Е. К. Извлечения из книги «Пути и страны» Абулкасыма ибн Хаукаля // Труды САГУ. Археология Средней Азии. IV. Ташкент, 1957. С. 18.

¹⁰ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. М., 1963. Т. 1. С. 145.

¹¹ Исхаков М. И., Ташходжаев Ш. С., Ходжаев Т. К. Раскопки Коштепе // ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977. С. 88-97.

¹² Маршак Б. И., Распопова В. И. Согдийцы в Семиречье // Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек, 1986. С. 128.

¹³ Иванчик И. Д. Христианская символика в Согде // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1994. С. 64-70; Neimark A. Christians in Preislamic Bukhara: numismatic Evidence // Annual Central Eurasian Studies Conference. Blumington; Indiana, 1996. P. 11-13.

¹⁴ Документ № 46 // Древний Мерв в свидетельствах письменных источников. Ашгабат, 1994. С. 81.

торианский символ веры¹⁵. На территории Чача и Ферганы были найдены и отдельные предметы христианской символики (от фигурок Иисуса Христа до христианских знаков на предметах погребального культа, керамике, изображения на стенах и поделок для обрядовых действий)¹⁶.

В более северных районах, в частности в Таразе, найден интересный сосуд с сирийской надписью¹⁷. Христианство в восточных районах переплеталось с другими культурами. Так, на городище Канка – древней столице Чача был раскрыт храм IV – VI вв. н. э., где после пожара сохранились обгоревшие в огне глиняные буллы, которыми, вероятно, опечатывались дары храму. В надписях на них палеолингвистом В. А. Лившицем прочтено имя Аспасак Каватенак (Аспасак переводится как епископ или диакон, т. е. христианский духовный сан).

В Бактрии раскрыт пещерный храм в Айвадже на склоне правого берега Амударьи. Это монастырский комплекс V – VIII вв.¹⁸, одно из помещений которого имело купол, украшенный выпуклым крестом.

Активно распространяется христианство среди тюркских кочевых народов, принимавших новое учение вместе с главами своих родов. Источники сообщают, в частности, об активной деятельности христианского патриарха Тимофея, обратившего в несторианство многих тюрков во главе с их каганом¹⁹.

Нам кажется, широкое распространение христианства в тюркской среде нельзя не связывать с активными экономическими и политическими связями Каганата с Византией по новым трассам Великого шелкового пути в обход Сасанидского Ирана. По этим трассам в тюркские районы шли не только миссионеры, но и целые группы христиан – ремесленников и земледельцев, которые несли свое учение, культуру.

Арабское завоевание привело к значительным изменениям в идеологической политике в захваченных странах, в том числе и в Средней Азии. Арабы активно насаждали ислам, уничтожая литературу, в пер-

¹⁵ Документ № 47 // Древний Мерв в свидетельствах письменных источников. Ашгабат, 1994. С. 81.

¹⁶ А н б о е в И. А. Древний несторианский клад в Ташкенте // Известия АН Уз. Общественные науки. Ташкент, 1959; Б о г о м о л о в Г. И. О христианстве в Чаче // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1994. С. 71-78.

¹⁷ Б о р и с о в А. А. Сирийская надпись на сосуде из Тараза // Известия АН Каз. Археология. Вып. 1. Алма-Ата, 1948.

¹⁸ А т а х а н о в Т. М., Х м е л ь н и ц к и й С. Г. О работе Шаартузского археологического отряда в 1966-1970-е годы // Археологические работы в Таджикистане. Вып. 10. М., 1973. С. 187-204.

¹⁹ Б а р т о л ь д В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. Соч. М., 1964. Т. 2 (II). С. 275.

вую очередь, культовую. Это касалось, главным образом, зороастризма и манихейства, как идолопоклонничества. Храмы иноверцев или разрушались, или превращались в мечети. Несколько иным было отношение к иудеям и христианам, которые считались «людьми писания», более близкими к исламу, благодаря монотеизму.

Общины их могли сохраняться в Халифате, но должны были платить особый выкуп «джизию». «Джизия подлежала взиманию со всего населения зимма-городов, населенных иудеями, христианами, магами, сабиями, самаритянами, не считая только христиан из племени таглиб и населения Наджрана»²⁰.

Христианские храмы также страдали от завоевания. Наршахи в своей «Истории Бухары» сообщает, что в ней близ ворот Аттарон вместо христианской церкви была возведена мечеть арабского племени бенаханзала, а позже, по преданию, построена крупнейшая пятничная мечеть Калан. Мусульманские храмы на местах христианских соборов строятся и в Мерве в Хорасане, и в Таразе на восточных границах Халифата.

В то же время ислам, впитавший многое из божественных культов мировых религий, в частности иудаизма и христианства, признает Иисуса Христа одним из Пророков.

Христиане в Халифате имели своего избравшегося общиной и утверждавшегося халифом духовного главу, который представлял в государстве их интересы и решал религиозные и юридические вопросы.

Арабо-и персоязычные источники сообщают о теологических диспутах при дворах правителей, в которых участвовали и христианские проповедники. Они состояли на службе у халифов, его наместников, в частности, в Средней Азии, и пользовались большим влиянием в городах Халифата²¹. Крупнейшими центрами христианства были Мерв, Самарканд и их округа. В Хорезме, в основном, исповедовалось христианство мелькитского толка.

Мерв после арабского завоевания в VIII – IX вв. был столицей Хорасана, а в IX в. в правление халифа Маъмуна сына халифа Харун ар-Рашида – столицей всего Халифата. Ал-Маъмун был меценатом для многих ученых Средней Азии, составивших затем ядро академии в Багдаде. Мерв был крупным хранителем духовных ценностей, куда приезжали учиться и трудиться многие известные впоследствии ученые, врачи, поэты.

Высокой популярностью пользовалась в Мерве христианская семья Раббан. Ее основоположник Сахл был известен как медик, математик,

²⁰ Абу Иусуф. Китаб-ал-Харадж. Каир, 1352 г. х. Изд. 3-е. С. 122. Цит. по кн.: Хрестоматия по истории Халифата. М., 1968. С. 19.

²¹ М е ц А. Мусульманский Ренессанс. М., 1972. С. 38-58.

педагог, заслужив почётное прозвище Раббан – «Наш Учитель». Он перевёл «Альмагест» Птолемея, заслуживший высокую оценку современников. Его сын Али ибн-Сахл был блестящим врачом, владевшим и восточной, и греческой наукой. Выдающимся врачом считался и работавший в городской лечебнице Мерва в IX в. христианин ибн-Маса, фармакогностик и ботаник, занимавшийся проблемами режима питания²².

Христианские общины продолжали функционировать и в Согде, где расцветает как центр торговли Самарканд, куда собирались купцы из разных стран, в том числе и христианских. Не случайно в этот период разрастается христианское селение Вазгирд, в котором историк X в. отмечает процветающий храм несториан²³. Интересно хранящееся в Эрмитаже найденное здесь бронзовое кадило с изображением сцен Нового Завета, датируемое некоторыми исследователями VIII – IX вв.²⁴

Христианские общины функционируют и в восточных пределах Маварауннахра, свидетельством чему служат и отмеченные арабскими географами в Чаче и Семиречье поселения и храмы, а также открытые археологами некрополи с христианскими сирийскими надгробными надписями²⁵.

Всплеск христианства происходит в караханидский период, когда даже ханы принимали крещение, а в восточных пределах вновь основывается митрополия Кашгара и Невакета. Но после татаро-монгольского нашествия церковь пришла в упадок.

Ю. Буряков

Қадимда ва ўрта асрларда Ўрта Осиёда христианлик

Мақолада археологик материаллар ва ёзма манбалар асосида эрамизнинг I асрларидан XIII аср бошларига қадар Ўрта Осиё худудларида христианлик дини ёйилишининг баъзи жиҳатлари ёритилган. Ўрта

²² Булгаков П. Г., Вахабова Б. А. Средневековые ученые из Мерва // Труды ЮТАКЭ. М., Т. XVI. С. 44- 47.

²³ Бетгер Е. К. Извлечения из книги «Пути и страны» Абулкасыма ибн Хаукаля // Труды САГУ. Археология Средней Азии. IV. С. 18.

²⁴ Залесская В. Н. Сирийское бронзовое кадило из Ургута // Средняя Азия и Иран. Л., 1972. С. 57-60.

²⁵ Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. Соч. М., 1964. Т. 2 (II). С. 287-288; Джумагулов Ч. Язык сиро-тюркских (несторианских) памятников Киргизии. Фрунзе, 1971.

Осиё христианлигининг йирик марказлари сифатида Марв, Самарқанд шаҳарлари алоҳида қайд этилиб, бу ердаги митрополияларнинг Шарқ христианлик черкови шаклланишидаги роли кўрсатилган.

Yu. Buryakov

Christianity in Central Asia in the Ancient and the Middle Ages

In article on the basis of archaeological materials and the written sources are considered some aspects of distribution of Christianity in the regions of Central Asia since the first centuries A. N. till the beginning of 13th century. The large centers of the Central Asian Christianity, especially Merv, Samarkand are allocated. The role of their mother countries for the formation of East Christian church is defined.

Н. Зиямов

ИЗ ИСТОРИИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ УЗБЕКИСТАНА РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ

Проблема борьбы с религиозным экстремизмом в 80-е годы XX века стала актуальной и для среднеазиатских республик бывшего Союза. Это объяснялось появлением здесь исламских организаций, агрессивно пропагандирующих политизированные фундаменталистские взгляды, что, в свою очередь, было связано с планами международных религиозно-экстремистских центров по усилению своего влияния в регионе в условиях нарастающих национальных движений за независимость, ослабления советского тоталитарного государства и начавшегося процесса его распада.

Идеи религиозного фундаментализма проникали сюда из Афганистана, Ирана и Пакистана. Ярким представителем фундаментализма является движение «Талибан» в Афганистане, основанное в Пакистане на учении салафизма (от выражения ас-салаф – ас-солих – праведные предки). Идейную же основу салафизма составляют труды таких средневековых, крайне радикальных религиозных деятелей, как Ибн-Кудам, Аль-Кисаи, Аль-Куртуби, Ибн-Таймия и др., которые основным средством очищения ислама от различного рода новшеств, привнесённых в рели-

гию в период после VII в., обеспечения правоверности всех мусульман считали «джихад», подразумевая под этим насилие¹.

Большую активность в политизации ислама проявляет Всемирный совет пятничных имамов с центром в Тегеране, который подчёркивает единство и неразрывность религии и политики².

Возникшие в середине 80-х годов XX в. в Узбекистане ваххабитские религиозные кружки³ при активной финансовой и иной помощи извне в конце 80-х годов XX в. сформировались в организованные группы. На их базе в Наманганской области были созданы крайне радикальные религиозные организации типа «Ислом лашкарлари» (воины ислама) и др.⁴, активно выступавшие против традиционно сложившихся в регионе религиозных норм ханафитского⁵ толка, сформировавшихся веками похоронно-поминальных обрядов, почитания святых мест, против официального духовенства в вопросах религии. В 1988-1989 гг. под различными предложениями им удалось сместить имамов некоторых мечетей в городах Намангане, Андижане, Денауском районе. На эти должности они стремились выдвинуть своих сторонников⁶.

В отличие от представителей традиционного ислама ваххабиты обсуждали в своих мечетях не только религиозные темы, но и политические, экономические и социальные проблемы, формировали по ним свои позиции, которые затем оформляли в виде ультимативных политических требований к властям. Экстремисты отрицали светскую государственность, цивилизованное законодательство, вели деятельность, направленную на создание теократического государства. В стремлении к своей цели использовали силовые методы, проявляли нетерпимость к политическим взглядам других. В декабре 1991 г., во время пребывания Президента Узбекистана И. А. Каримова в городе Намангане, они требовали от него, чтобы он немедленно объявил о создании исламско-

¹ И г н а т е н к о А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. Швеция. 2000. № 2 (8). С. 112-128.

² «Исламский фактор» в международных отношениях в Азии (70-е – первая половина 80-х годов). Сб. ст. М.: Наука, 1987. С. 42.

³ Члены этих кружков являлись сторонниками ваххабизма – религиозно-политического течения в исламе, возникшего в XVIII в. в Центральной Аравии, выступали с позиции исламского фундаментализма, т. е. возврата мусульман к религиозным нормам периода Хулофий – Рашидуна (праведных халифов). – Примечание автора.

⁴ См.: К а р и м о в И. А. Выступление на XI сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан первого созыва. Ташкент: Ўзбекистон, 1999. Т. 7. С. 53.

⁵ Ханафизм – течение в исламе. – Примечание автора.

⁶ Справка идеологического отдела ЦК КП Узбекистана «О некоторых тенденциях развития ислама в республике» от 19 марта 1990 г.

го государства, исламской республики, на что получили решительный отказ⁷.

Соответствующую своим целям работу ваххабиты проводили и с молодежью. Под предлогом изучения староузбекской графики, арабского языка они организовывали изучение экстремистской литературы, распространяли видео- и аудиокассеты, содержащие религиозно-экстремистские и националистические записи. Подобного рода работа ими велась и в мечетях, где были организованы группы детей, якобы для изучения Корана. Современная видеотехника использовалась ими и для шантажирования, дискредитации руководителей государственных органов. В некоторых городах и районах Ферганской долины они диктовали людям устраивающий их образ жизни, ограничивали права и свободы граждан. Например, в городе Намангане они добились того, что свадьбы, похоронно-поминальные мероприятия стали проводиться по устраивающим их нормам, женщины не могли появиться на улицах города без головных платков и т. д.

С 1990 г. религиозно-экстремистские организации начали проявлять активность в вопросе создания Исламской партии возрождения. С этой целью они организовывали различные митинги и собрания, на которые приглашались их сторонники из областей Узбекистана, некоторых соседних республик региона. В январе 1991 г. их представители обратились в Ташкентский городской исполнительный комитет Совета народных депутатов для получения разрешения провести свой республиканский учредительный съезд в столице Узбекистана. Ташгорисполком отказал им в этом обращении⁸.

В 1991 г. Верховный Совет Узбекистана принял Закон «О свободе совести и религиозных организациях». Он был призван регулировать отношения между государством и религиозными организациями. В Законе было указано, что религии и религиозные организации в Узбекистане отделены от государства и не допускается создание и деятельность какой-либо партии религиозного характера⁹.

В 1992-1993 гг. предводители религиозно-экстремистских организаций за свои действия, угрожающие безопасности населения и общественно-политической стабильности, были привлечены к уголовной ответственности. Однако, спустя несколько лет, усилиями ушедших от

⁷ Каримов И. А. Выступление на XI сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистана первого созыва. Т. 7. С. 53.

⁸ Кому и зачем понадобилось создание «исламской партии»? // Правда Востока. 1991. 1 февраля.

⁹ Правда Востока. 1991. 2 июля.

ответственности отдельных их организаторов и при активном содействии внешних сил были созданы новые религиозно-экстремистские организации типа «Товба», «Нур», «Таблиг», «Хизб-ут-Тахрир», так называемое «Исламское движение Узбекистана» и др.¹⁰ Все они, как и предыдущие, также ставили своей целью насильственное свержение конституционного строя, создание исламского государства, пропаганду идей религиозного фундаментализма, обострение внутрирелигиозных отношений.

Учитывая это, Парламент Узбекистана в 1998 г. принял Закон «О свободе совести и религиозных организациях» в новой редакции. В Законе указано, что «недопустимо использование религии в целях антигосударственной, антиконституционной пропаганды, возбуждение вражды, ненависти... Запрещается деятельность религиозных организаций, течений, сект и других, способствующих терроризму»¹¹.

Фундаменталистские, религиозно-экстремистские организации и группы пополняют свои ряды за счет незрелых в духовном и политическом отношении людей. Президент Узбекистана И. Каримов в 1997 г. отмечал: «Необходимо ясно себе представлять, и особенно нашей молодежи, что те, кто следует за популистскими, заманчивыми, но в целом

¹⁰ «Товба» – религиозно-экстремистское движение. В Узбекистане оно проявилось в 1991 г. Члены этой организации поддерживают ваххабитов, ведут деятельность против существующего конституционного строя, подготовку боевиков для осуществления терактов. В Узбекистане многие её члены обезврежены и движение прекратило своё существование; «Нур» – религиозное течение, возникшее в Турции. Основной своей задачей считает подготовку из числа верующих людей, готовых выступить против существующей власти, способствует распространению религиозного фундаментализма; «Таблиг» – религиозная секта. Его члены осуществляют действия, направленные против ханафитских норм в исламе, утвердившихся в Центральной Азии, что может привести к религиозным конфликтам; «Хизб-ут-Тахрир ал-исломий» – неформальная религиозная партия, созданная в 1953 г. в Израиле. Члены этой организации, как и ваххабиты, выступают за свержение светской государственной власти и учреждение исламского государства в виде халифата. Свои задачи они видят в овладении сознанием людей, особенно незрелой части молодёжи, дестабилизации общественной жизни, в том числе экономического положения в стране, провоцировании межнациональной и межрелигиозной розни; «Исламское движение Узбекистана» – религиозно-экстремистская организация, созданная в 1997 г. за рубежом, также преследует свержение конституционного строя в Узбекистане. См.: Х у с н и д д и н о в З. Ислам: йўналишлар, мазҳаблар, оқимлар. Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси Давлат илмий нашриёти. 2000. 91-107, 110-116-бетлар; Центральная Азия в системе международных отношений. Сб. ст. М., 2004. С. 230-231.

¹¹ Закон Республики Узбекистан «О свободе совести и религиозных организациях (новая редакция)» // Народное слово. 1998. 15 мая.

крикливыми и беспочвенными лозунгами фундаменталистов о справедливости, становятся заложниками чужой воли, которая в конечном итоге распоряжается не только их умами, но и судьбами... Самым тяжёлым последствием становится раболепие, скованность и закрепощенность личности, полное ограничение свободы мысли, действий и инициативы, всего того, без чего немислимо наше движение к прогрессу»¹². В конечном итоге фундаментализм приводит к экстремизму и терроризму, которые направлены против национальной безопасности Узбекистана.

Как известно, религиозные экстремисты, прошедшие подготовку за рубежом, участвовали в гражданской войне в Таджикистане на стороне незаконных вооруженных формирований объединенной таджикской оппозиции, в убийстве ряда работников государственных органов Наманганской области в 1997 г., в организации серии взрывов в городе Ташкенте с целью покушения на Президента Узбекистана в феврале 1999 г.¹³

В целях создания теократического государства религиозные экстремисты стремятся дестабилизировать общественно-политическую ситуацию в стране, ухудшить межконфессиональные и межнациональные отношения, внедрить своих сторонников в государственные структуры. Они не только распространяют литературу, видео- и аудиокассеты с материалами экстремистского толка, но и обучают своих людей подрывным методам работы в обществе, ведут информационную войну, в том числе через Интернет. Результатом именно такой их деятельности стали террористические акты в Узбекистане в 2004 г., а также трагические события 2005 г. в Андижане, спровоцированные акромийцами¹⁴. За преступления, совершённые во время этих событий, многие члены экстремистских организаций были задержаны, привлечены к уголовной ответственности и осуждены Верховным судом республики на длительный срок лишения свободы.

В конце 2007 г. были привлечены к ответственности и некоторые активисты ячейки религиозно-экстремистской организации «Таблиг» в городе Актобе Республики Казахстан, которые занимались вербовкой новых членов. Под предлогом содействия в устройстве на строительные

¹² К а р и м о в И. А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса // К а р и м о в И. А. По пути безопасности и стабильного развития. Ташкент: Ўзбекистон, 1998. Т. 6. С. 55.

¹³ Февраль вокеалари. 1999 йил 16 февраль. Тошкент: Ўзбекистон, 1999, 5-16-бетлар.

¹⁴ Акромийцы – религиозно-политическое движение, возникшее в Ферганской долине в 1997-1999 гг. В качестве основной программной задачи ими определено устранение конституционной власти путем «переворота». См.: Х у с н и д д и н о в З. Ислом: йўналишлар, мазхаблар, окимлар. 107-110-бетлар.

работы они обманным путём вывозили в Казахстан некоторых жителей Хорезмской области Узбекистана и затем принуждали их к участию в деятельности запрещённой организации. В 2008 г. в Ташкенте была разоблачена подпольная группа запрещённой «Хизб-ут Тахрир», предводитель которой тесно сотрудничал с зарубежным экстремистским центром в одной из арабских стран¹⁵.

Распространению в регионе религиозно-политического экстремизма способствуют, наряду с другими факторами, и действия некоторых геополитических сил, направленные на усиление своего влияния в Центральной Азии, разный подход отдельных государств региона к проблеме религиозного экстремизма. К примеру, в связи с неприятием в Кыргызстане серьёзных мер против подобных организаций территория этой страны стала своеобразным региональным плацдармом для последних. В 2006 г. в Кыргызстане осуществляли свою деятельность более 5000 членов «Хизб-ут-Тахрир»¹⁶. В мае 2009 г. именно с этой территории произошла вылазка бандитов, которые осуществили вооружённое нападение на блок-пост милиции при въезде в город Ханабад Андижанской области, но получили решительный отпор¹⁷.

Исходя из задач обеспечения национальной безопасности, учитывая вопросы борьбы с терроризмом, экстремизмом в своей внешней политике, Узбекистан активно сотрудничает в этом с международными организациями – ООН, СНГ, Евросоюзом, Шанхайской организацией сотрудничества, Организацией договора коллективной безопасности, многими государствами, в том числе с Россией, Китаем, Индией на двусторонней основе, со странами, расположенными на южных рубежах Центральной Азии, и мн. др.

Так, выступая на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, названном «Саммитом тысячелетия», в 2000 г. Президент Узбекистана И. Каримов особо подчеркнул, что «мы сможем совместными усилиями противостоять терроризму и экстремизму только в том случае, если будет организована борьба не только с их проявлениями, но и прежде всего с теми международными центрами, которые, располагая большими финансовыми и другими возможностями, организуют, направляют и обес-

¹⁵ Новости. В Ташкенте разоблачена подпольная группа // <http://www.interfax-religion.ru/uz/?act=news&div=25398>.

¹⁶ Абулхасан Н. О тенденциях развития угроз международного терроризма, религиозного экстремизма и фундаментализма на настоящем этапе // <http://news.uzreort.com/andijan.cgi?lan=&id=10400>.

¹⁷ Сообщение пресс-службы Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан // Правда Востока. 2009. 27 мая.

печивают террористов самыми современными средствами и оружием»¹⁸. Большое значение в противостоянии терроризму, совместной борьбе с религиозным экстремизмом имело подписание в 2000 г. странами Центральной Азии соглашения о взаимодействии в данном вопросе. В соответствии с этим соглашением правоохранительные органы Узбекистана и Таджикистана в 2000 г. арестовали свыше 100 членов «Хизб-ут-Тахрир», которые вели подрывную деятельность¹⁹. Узбекистан увязывает укрепление отношений с южными соседями с прекращением какой-либо поддержки экстремистским группировкам и организациям, нелегально действующим в Центральноазиатском регионе. В 2000 г. президенты Узбекистана и Ирана подписали соглашение о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, организованной преступностью и контрабандой наркотиков. Выстраивая свои отношения с Пакистаном в русле добрососедства, Узбекистан определил приоритетность таких аспектов отношений, как экономическое сотрудничество и взаимодействие в урегулировании ситуации в Афганистане²⁰.

После распада бывшего Союза и образования в Центральной Азии новых независимых государств проявляют активность здесь и различного рода миссионеры. Деятельность миссионеров подпитывается из-за рубежа финансовыми средствами и соответствующей литературой. Так, по данным Государственного таможенного комитета Узбекистана, только за шесть месяцев 2008 г. среди изъятой на таможне 650 наименований запрещенной к ввозу в республику религиозной литературы значительную часть составляла литература миссионерского характера²¹. Среди миссионеров представлены и проповедующие христианство, стремящиеся вовлечь в свою религию представителей других конфессий. В частности, такой деятельностью занималась евангелистская церковь «Самарканд», в которой работали южнокорейские миссионеры. В течение последних лет они активно проводили религиозное обучение групп населения в рамках проекта так называемой всеобщей евангелизации, фактически являющегося примером миссионерской деятельности прозелитизма – обращения представителей других конфессий в про-

¹⁸ Каримов И. А. За процветание Родины – каждый из нас в ответе. Ташкент: Узбекистон, 2001. Т. 9. С. 102-103.

¹⁹ Информационное сообщение // Независимая газета. 2000. 23 ноября.

²⁰ Мукимджанова Р. Политика Узбекистана на южных рубежах Центральной Азии // Центральная Азия в системе международных отношений. Сб. ст. М., 2004. С. 234, 236.

²¹ Новости. В Узбекистане изъято 650 наименований запрещенной религиозной литературы // <http://www.interfax-religion.ru/islam/?act=news&div=25318>.

тестантскую веру. В 2008 г. решением органов юстиции Самаркандской области свидетельство о регистрации этой церкви аннулировано²².

Имеются и такие, которые, заявляя о том, что в период советского режима, тотального атеистического прессинга мусульмане бывших советских республик региона были лишены возможности исповедовать свою религию, считают необходимым «помочь» им вернуться в лоно исламской религии. Конечно, это их стремление трудно объяснить только благими пожеланиями, ибо при этом ими преследуются, на наш взгляд, и другие цели. К подобным миссионерам можно отнести и представителей школы Фетхуллага Гулена из Турции, которые активизировались в Центральноазиатском регионе в 1990 г. В 1992-1993 гг. они организовали свои первые лицеи «Нур» на территории Казахстана, а затем и в Узбекистане. Свою задачу они видели, во-первых, в том, чтобы помочь учащимся в овладении современными знаниями, во-вторых, в приобщении их к исламу. Отношение к представителям этой школы в Узбекистане изменилось в 1999 и 2000 гг. и их лицеи прекратили свою деятельность²³. В принципе это объяснимо, ибо вмешательство в религиозные процессы, вопросы свободы совести в суверенном государстве следует расценивать как нарушение действующего законодательства этой страны, вмешательство в её внутренние дела.

Миссионерство, как правило, приводит к обострению межконфессиональных, межнациональных отношений. В Узбекистане, где представлены около двух десятков конфессий, такая деятельность может привести к серьёзным негативным последствиям в обществе. Исходя из этого миссионерство в Узбекистане запрещено законом «О свободе совести и религиозных организациях».

Таким образом, во-первых, религиозно-экстремистские организации, возникшие в Центральноазиатском регионе, в том числе и в Узбекистане, в 80-е годы XX столетия, не имеют ничего общего с историей, культурой узбекского народа, традиционным исламом. Их возникновение здесь связано с подрывной деятельностью международных религиозно-экстремистских центров, стремящихся вопреки воле народов региона создать теократическое государство, навязать им устраивающий их образ жизни. Во-вторых, многонациональный народ, религиозные организации, правительство Узбекистана, распознав истинные замыслы этих сил, сумели противостоять религиозному экстремизму и терро-

²² Новости. В Узбекистане лишили регистрации баптистскую общину // <http://www.interfax religion.ru/uz/?act=news&div=24057>.

²³ B a v r a m B a l s i. Orta Asya'da Islam misyonerleri. Fethullah Gulen okullari. Istanbul, 2005. – 274 p.

ризму, что стало важным фактором в укреплении нашей духовности и нравственности, построении демократического правового государства. В-третьих, в Узбекистане осуществляются все меры для укрепления в многоконфессиональной республике межрелигиозного согласия, гарантирована свобода совести всех граждан.

Н. Зиёмов

Ўзбекистон диний экстремизмни бартараф этиш йўлида

Мақола диний экстремизмга қарши курашга бағишланган. Унда Ўзбекистонда диний фундаменталистик, экстремистик ташкилотларнинг пайдо бўлиши, уларнинг мақсадлари ва конституцион тузумни зўравонлик билан ағдариш, диний давлатни барпо этишга қаратилган фаолияти ёритилган. Республиканинг бу кучларга қарши олиб борган кураши ўз ифодасини топган. Шу билан бирга, мақолада миссионерларни Ўзбекистонда олиб бораётган ғайриқонуний фаолияти ва уни чеклаш борасидаги чоралар кўрсатилган.

N. Ziyamov

Uzbekistan on the way to get over religion extremism

The Doctor in history Nizomiddin Ziyamov's article devoted to the Uzbekistan counteraction against religion extremism. In this article uncover questions of arising extremistic and fundamentalist religious organizations in Uzbekistan, detected their points and aspirations for violent overthrow of the constitutional order and creation on the base theocratic state, exposed republic resistance against destructive power. In the article adducing of instances describing different kind of missionaries lawlessly activity and suppression measures of such activities in Uzbekistan.

Тарихи нунослик, манба ва талқин

Д. Атаджанова

РЕМЕСЛЕННЫЕ УСТАВЫ ЕВРОПЫ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Как на Востоке, так и на Западе существовали цеховые объединения, где каждый род деятельности регламентировался специальным профессиональным уставом. При этом необходимо учитывать, что классические цеха Европы и их уставы отличались от цехового устройства Востока и их уставов, но в целом можно проследить общие черты.

На сегодняшний день имеется ряд работ, в которых осуществлен сравнительный анализ ремесленных цехов России и Европы. Исследователями было выявлено несколько общих аспектов, характерных как для русского, так и для западноевропейского цехов¹.

Е. Ю. Ванина в исследовании, посвященном ремесленным кастам Индии, осуществляет их сравнительный анализ с деятельностью европейских цеховых организаций², выявляя при этом некоторые общие аспекты. Так, например, городские ремесленники Индии подобно ремесленникам Европы, испытывая конкуренцию со стороны сельских ремесленников, пытались не допустить посторонних в свои цеха. Другой исследователь С. А. Егиазаров сопоставляет цеха Закавказья с европейскими и приводит ряд общих черт³.

Отечественный исследователь И. М. Джаббаров одним из первых предпринял попытку сопоставления цехов Хорезма с западноевропейскими, отметив, что цеховой строй Средней Азии стремился защитить интересы ремесленников, но оказался необычайно устойчивым, продолжая существовать вплоть до 1920-х годов (По словам Е. М. Пешеревой, среднеазиатские цеха (касаба) существовали еще в 1930-х годах⁴). И. М. Джаббаров отметил, что цеховые уставы Европы сильно отли-

¹ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 729-776.

² Ванина Е. Ю. Средневековое городское ремесло Индии (XIII – XVIII вв.). М.: Наука, 1991. С. 146.

³ Егиазаров С. А. Городские цехи. Организация и внутреннее управление закавказских амкарств // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. Кн. XVI. Вып. 2. Казань: Типография Императорского Университета, 1891. С. 68.

⁴ Пешерева Е. М. Городское гончарное производство Средней Азии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 310-370.

чались по содержанию от среднеазиатских, в последних, в основном, регламентировались лишь религиозные идеи⁵. Такого же мнения придерживается О. А. Сухарева, считая, что ремесленные уставы рисола отличаются от цеховых уставов Европы тем, что в них меньше наблюдается связь с производством, их основная задача – идейное влияние на ремесленников, они насквозь проникнуты религиозным духом⁶. Здесь важно помнить тот факт, что в прошлые столетия именно религия являлась неотъемлемой частью общества, в связи с чем основы цехового строя как Средней Азии, так и Европы, были проникнуты религиозным мировоззрением. Считалось, что любой вид деятельности находится под покровительством Бога, святых, пиров. Ремесленник воспринимал свое ремесло не как источник дохода, а как нечто святое, что переходит от пира и оберегается им. Священные книги – Библия, Евангелие, Коран, Хадисы – вот основные источники, откуда уставы черпали морально-этические, нравственные и правовые нормы.

Европейские уставы содержат сведения о правах и обязанностях мастера, ученика, подмастерья, регламентируют количество учеников, подмастерьев, оплату труда, однако в них нет сведений, относящихся к техническому регулированию⁷. В свою очередь, среднеазиатские уставы – своеобразные своды этико-правовых и практических норм поведения в том или ином цеховом объединении ремесленников. Они в известной мере способствуют расширению современных знаний об устройстве ремесленных цехов и существовавшей внутри них иерархии, инструментарии, сырье, некоторых приемах технологии производства.

Возникает вопрос – откуда же берут свое начало средневековые европейские и среднеазиатские уставы? Исследование европейских уставов показало, что фундамент их был заложен еще в период Римской империи. Так, Ордонансы Льва VI (Византийский император, 866-912 гг.) имеют много общего со средневековыми уставами. Например, мяснику не разрешалось продавать мясо за пределами рынка, а торговцу рыбой запрещалось скупать у рыбака рыбу до тех пор, пока старшина корпорации не установит надлежащую цену для продажи. Иной пример, мас-

⁵ Джаббаров И. М. Ремесло узбеков Южного Хорезма в конце XIX – начале XX в. // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. III. Л.: Наука, 1971. С. 121-146.

⁶ Сухарева О. А. Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960. С. 30-31.

⁷ Moscarelli L. The guilds reappraised: Italy in the Modern period // The return Guilds Utrecht. Utrecht University, 5-7 October, 2006. P. 5.

теру, изготавливающему мыло, запрещалось обучать кого-либо, кто не входил в цех⁸.

Что касается среднеазиатских уставов, то время их первоначального возникновения установить практически невозможно. Изучение различных рисол показало, что основная часть их – наставления и советы для мастеров, подмастерьев и учеников. Это позволяет предположить, что фундаментом для рисола могла послужить литература назидательного характера, существовавшая в Средней Азии еще в X в.⁹ Общеизвестно, что древнеегипетские тексты составлялись в форме наставлений¹⁰. Древнеуйгурские тексты буддийского содержания носят форму своеобразного изложения в виде наставлений о совершении добрых дел во избежание попадания в ад, предотвращении болезней, бед и несчастий¹¹.

Согласно ремесленным уставам Средней Азии и Европы, ремесло традиционно носило наследственно-семейный характер; правила, секреты ремесла передавались из рода в род, чаще всего старшему из сыновей мастера. (Если же у мастера не было сына, тогда он выдавал свою дочь за лучшего из своих учеников¹². Одно из условий уставов гласит, что если ученик, достигнув совершеннолетия, не обзаведется семьей, он не будет уважаем окружающими¹³).

Согласно мнению И. П. Петрушевского, на Востоке первые цеховые объединения возникли еще в III в. Иранский ученый К. Мехди¹⁴ считает, что еще до проникновения ислама на территорию Востока ремесленники и торговцы объединялись в своего рода коллективные организации,

⁸ Roman Law in the later Roman Empire. Byzantine guilds professional and commercial. Ordinances of Leo VI by Edwin Hanson Fresh field. Cambridge: University Press, 1938. P. 69; D a m b r u n e J. Representation and investments strategies in the Early Modern Guild word: a comparison between the South and the North of the Low Countries // Guilds and association in Europe, 900-1900. London, 2006. P. 103-121.

⁹ Б е р т е л ь с Э. Е. Кабус-наме. М., 1958; В о р о ж е й к и н а Н. Тухват ал-мулук – средневековый свод нравственных заповедей // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежедневник. 1973. М.: Наука, 1979. С. 11-25.

¹⁰ Т у р а е в Б. А. Египетская литература. М., 1920. Т. I. С. 76.

¹¹ Т у г у ш е в а Л. Ю. Уйгурская рукопись из собрания ЛО ИВ АН СССР // Письменные памятники Востока / Историко-филологические исследования. Ежедневник. 1969. М.: Наука, 1972. С. 315-339.

¹² П е щ е р е в а Е. М. Городское гончарное производство... С. 346; S i d n e y J. A., C h u r c h i l l M. V. O., C y r i l G. E. B u n t. The goldsmiths of Italy. Some account of their guilds. Statutes and work. London: Hopkinson and company LTD, 1926. P. 182; А б д у л л а Қ о д и р и й. Мехробдан чаён. Тошкент: Шарк, 2007. 51-бет.

¹³ М у к м и н о в а Р. Г. Очерки по истории ремесла... С. 160.

¹⁴ M e h d i K. Artisans and guild life in the later Safavid period. Berlin; Schwarz, 1982. P. 20.

позднее они стали выполнять функции исламских цехов. Согласно сведениям зарубежных исследователей, торговые объединения и ремесленные организации впервые появились на Востоке¹⁵.

Между тем известно, что в Египте еще в период правления фараонов существовали организации торгового и ремесленного характера, базирующиеся на кастовых началах¹⁶. В Греции в IV в. до н. э. были крупные ремесленные мастерские, в которых были заняты десятки рабов¹⁷.

Согласно уставам, цеховые объединения ремесленников можно условно разделить на две категории: 1. Ремесленники, занятые в традиционном ремесле: ткачество, шелкоткачество, кузнечество, гончарное, красильное, ювелирное дело, сапожное и др. 2. Профессиональные корпорации, не имеющие прямого отношения к художественному ремеслу, сюда можно включить музыкантов, изготовителей масла, мыла, канатоходцев, пивоваров, лиц, стирающих белье, земледельцев, скотоводов, гадалщиков и др.

Расселение ремесленников по кварталам было характерным как для Востока, так и для Европы, например, гало-римские коллегии, как и средневековые цеха сосредотачивались в кварталах¹⁸. В Ктесифоне (Греция) также имелся квартал штановщиков¹⁹, а в Англии были ремесленные улицы – сукновалов, щитников, мясников, торговцев²⁰. В Бухаре ремесленники – ткачи, изготовители мыла, кожевники – жили преимущественно на окраинах города, а кузнецы – в центральных кварталах города²¹.

Существенным признаком цехов является наличие мастера, подмастерья (хальфа), ученика. Во всех изученных рисола и европейских уставах фигурируют именно эти персоны, между ними даже составлялся специальный письменный договор о поступлении ученика к мастеру²².

¹⁵ Sidney J. A., Churchill M. V. O., Cyril G. E. Bunt. The goldsmiths... P. 1.

¹⁶ Егиазаров С. А. Городские цехи... С. XXII.

¹⁷ Шифман И. Ш. Александр Македонский. www.bookz.ru.

¹⁸ Егиазаров С. А. Городские цехи... С. 13.

¹⁹ Тревер К. В. К вопросу о ремесленных корпорациях в Сасанидском Иране // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. История и филология / Сборник в честь семидесятилетия Н. В. Пигулевской. М.: Наука, 1967. С. 157-160.

²⁰ Левинский Я. А. Города и городское ремесло в Англии X – XII вв. М.; Л., 1960. С. 149; A Touch-stone for gold and silver wares, or manual for goldsmiths. By W. B. London, 1677. P. 115; Pollard W. Historical Sketch of Preston guilds, including the ordinances, statutes and festivities from 1328-1862. Preston, 1882. P. 61.

²¹ Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX в. (Ремесленная промышленность). Ташкент, 1962. С. 22.

²² Мукуминова Р. Г. Документ об ученичестве // Источниковедческие разыскания. Тбилиси, 1988. С. 271-275; Moscarelli L. The guilds... P. 8.

Согласно сведениям уставов, у мастеров могло быть не более одного ученика. Второй ученик мог быть принят, когда первый был на последнем году учебы²³. В уставе красильщиков тканей (Бристоль) говорится, что мастер может иметь только одного ученика²⁴. Устав ювелиров Парижа гласит, что никто из парижских ювелиров не может иметь больше одного постороннего ученика, но из своей родни он может брать столько учеников, сколько захочет²⁵. Согласно рисола, мастер имеет право обучать ученика, если знает все правила и нормы рисола²⁶.

Анализ уставов Европы и Средней Азии не выявил наличие в них указаний о том, с какого возраста возможен был прием в ученики. Лишь в одной из рисола ткачей сообщается информация об условиях принятия в ученики, где оговорен возраст ученика (4-5 лет)²⁷. В исследовании В. Развадовского приводится утверждение о том, что набор учеников в гончары осуществляется с 17-20 лет²⁸, его данные подтверждает С. А. Егизаров. Согласно им, кузнецы Закавказья принимали в ученики с 15-, 16-, 17-летнего возраста²⁹. Возникает вопрос, почему вышеуказанные сведения такие противоречивые, чем же это обусловлено? Объясняется это, прежде всего, тем, что гончарное и кузнечное дело по сравнению с ткачеством считается наиболее сложной профессией, требующей усиленного физического напряжения.

В современном же ремесле, по словам чеканщика по металлу Усто Абдурауфа, количество учеников может достигать от 3 и более, а возраст учеников, приходящих осваивать ремесло, колеблется от 10 до 12 лет. Буквально за три с лишним года способный ученик самостоятельно изготавливает довольно сложные изделия³⁰. Бесспорно, цеховые корпорации вырабатывали свои правила и нормы, которые были известны всем членам цеха и не требовали вносить их в уставы. Поэтому, возможно,

²³ Spiess A. Statuty Bratislavských cechov. Dokumenty. Vydavateľstvo obzor Bratislava, 1978. S. 497-503.

²⁴ The Little Red Book of Bristol / Ed. by F. B. Brickley. Vol. 2. Bristol: Published under the authority of the council of the city and county of Bristol, 1900. P. VIII; Taylor's manual or Hand book of craft Freemasonry. Entered at stations Hall, 1908. P. 151.

²⁵ Люблинская А. Д. Книга ремесел и торговли города Парижа // Средние века, 1957. № 11. С. 307.

²⁶ Рисола-и бофандаги. Рукопись ИВ АН РУз. Инв. № 758, л. 118.

²⁷ Рисола-и бофандаги. Рукопись ИВ АН РУз. Инв. № 4120, л. 80а.

²⁸ Развадовский В. К. Исследование гончарного и некоторых других кустарных промыслов в Туркестанском крае // Туркестанское сельское хозяйство. Ташкент, 1916. № 6. С. 641.

²⁹ Егизаров С. А. Городские цехи... С. 73.

³⁰ Полевые записи. Центр развития ремесел. Бухара, 2007.

составители рисола и европейских уставов упустили из виду возраст приема в ученики, как маловажный пункт, общеизвестный факт, не требующий акцентирования внимания.

В Средней Азии срок обучения специальности определялся в зависимости от выбранного ремесла, его сложности обычно от года (тканье алачи) до пяти лет (шорное дело)³¹. Согласно европейским уставам, срок обучения колеблется от 2 до 12 лет. Ремесленники сукновалы обучали своих учеников не менее семи лет³².

Несмотря на то, что уставы регламентировали сроки обучения, в действительности это не всегда соблюдалось строго. В силу сложившихся средневековых общественных устоев мастеру было выгодно подольше держать у себя ученика, так как родители ученика вносили плату за обучение и было удобно пользоваться его дешевым трудом.

Статуты Германии, как впрочем и среднеазиатские рисола, запрещали подмастерью, ученику самовольно покинуть мастерскую без разрешения мастера, который контролировал учеников, за их поведение он нес ответственность перед членами цеха. Однако были случаи, когда ученик все-таки покидал мастерскую без согласия мастера, поэтому в рисола оговаривалось наказание непослушного ученика.

Среднеазиатские цеха, подобно европейским, имели выборных старшин, созывались два раза в год и посвящались важным делам, например, наказанию виновных, не соблюдавших устав, утверждению новых членов цеха, выборам должностных лиц, посвящению ученика в мастера³³. Основное условие уставов – обязательное соблюдение их предписаний и подчинение им.

Согласно уставам, на мастеров Европы и Средней Азии возлагался ряд моральных и религиозных обязанностей: трудоустроить ученика после окончания обучения и быть уверенным в том, что тот стал совершенным мастером своего дела, вносить взносы для благотворительных и религиозных целей, проводить необходимые мероприятия в дни религиозных праздников.

Уставы регламентировали одно из важных требований при принятии в цех – знание ремесла, демонстрацию своих изделий и проведение специального ритуала – посвящение в мастера. Например, для цеха сапожников Средней Азии было свойственно демонстрировать на базаре изделие ученика, при этом подчеркивалось, что изделие выполнил

³¹ М у к м и н о в а Р. Г. Очерки по истории ремесла... С. 158.

³² The Little Red Book of Bristol... P. 141-143.

³³ С в а н и д з е А. А. Ремесло и ремесленники средневековой Швеции (XIV – XV вв.). М.: Наука, 1967. С. 227.

ученик такого-то мастера. Но если вдруг обнаруживалось, что изделие выполнено не качественно, старшина цеха прогонял ученика с базара, а иногда и рвал обувь³⁴.

Европейские уставы, прежде чем принять мастера в цех, также требовали осмотра и демонстрации изделия перед цеховыми властями и сведущими людьми³⁵. Например, шпажник должен был изготовить две шпаги, после успешной сдачи экзамена ученик со стороны устраивал угощение для всех членов цеха.

Согласно воспоминаниям бухарского потомственного кузнеца Ш. Камалова, «юноше, принадлежащему к семье потомственных мастеров, не нужно было проходить обряд посвящения»³⁶. Для учеников, которые находились в родстве с мастером, достаточно было лишь разрешительной молитвы – «*фотиха*»³⁷.

В Европе значительная часть учеников также происходила из семей мастеров³⁸. Что касается родственников мастера, то они пользовались при вступлении в цех особыми льготами, жена и дети обязаны были лишь пройти курс ученичества, они не устраивали угощение и не платили взносы. При этом цеховые привилегии, специальность носили наследственный характер, вдова мастера пользовалась цеховыми правами, могла продолжить дело своего мужа³⁹.

Итак, ремесленные уставы являются важным источником по истории ремесленных цехов. Для ремесленников они служили одновременно своеобразным морально-этическим кодексом, регламентировавшим их права и обязанности, сроки обучения специальности, количество учеников и др.

Сопоставительный анализ ремесленных уставов двух регионов показал, что в среднеазиатских уставах именно религиозный аспект выражен наиболее ярко. Это вызвано, прежде всего, тем, что социальная, экономическая, общественная, культурная жизнь населения развивались в соответствии с нормами и принципами ислама. Одно из важных требований уставов – знание ремесла, демонстрация учениками своих изделий перед лучшими мастерами цеха.

³⁴ Джаббаров И. М. Ремесло узбеков Южного... С. 132.

³⁵ The Little Red Book of Bristol... P. XX.

³⁶ Полевые записи. Музей кузнечного ремесла. Бухара, 2007.

³⁷ Рисола-и охангари. Рукопись ИВ АН РУз. Инв. № 12708, л. 1а-33б; Рисола-и тимирчилик. Рукопись ИВ АН РУз. Инв. № 14196, л. 120-142; Пещерев Е. М. Городское гончарное производство... С. 315.

³⁸ Spiess A. Statuty Bratislavskych cechov... S. 508.

³⁹ Сванидзе А. А. Ремесло и ремесленники... С. 244-246.

Д. Отажоновна

Ўрта Осиё ва Европа хунармандчилик рисоалари

Ушбу мақолада Европа хунармандчилик уставлари ва Ўрта Осиё хунармандчилик рисоаларининг қиёсий таҳлили амалга оширилган бўлиб, устахоналарнинг ўзига хос жиҳатлари ва умумий қонуниятларини аниқлаш мақсад қилиб қўйилган. Мақоланинг манбавий асосини хунармандларнинг ҳуқуқ ва бурчларини, ўқиш даври, шогирдлар сони каби масалаларни тартибга солиб турувчи ўзига хос одоб-ахлоқ мезони ҳисобланган Европа ва Ўрта Осиё хунармандчилик рисоалари ташкил этади.

D. Atadjanova

The Handicraft Statutes of Europe and Central Asia

This article attempts to show the comparative analyse of the handicraft statutes of Europe and Central Asia. The main purpose is to reveal the general characteristics which were common for both guilds system. This article is based on original handicraft statutes of Europe and Central Asia. The statutes was used by craftsmens as unique moral code, which regulated obligations of master, his duties in terms of training an apprentice, in his chosen craft, and the length of his apprenticeship.

У. Абдурасулов

О ПУБЛИКАЦИЯХ ОБРАЗЦОВ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ДИПЛОМАТИКИ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПЕРИОДА

Публикация текстов, факсимиле, переводов и комментариев различных образцов среднеазиатской средневековой дипломатики продолжает входить в число приоритетных направлений отечественной исторической науки. Отмечая важность данной задачи, исследователь Ю. Брегель еще в 1969 г. указывал, что «наиболее целесообразный путь такого исследования – публикация всех этих документов ... в виде ре-гест, таблиц, резюме и т. п., с использованием приемов, находящихся в

настоящее время все большее применение в европейском источниковедении»¹.

В предшествующий историографический период в этом направлении была проделана значительная работа. Исследования А. Семенова, П. Иванова, М. Юлдашева, О. Троицкой, О. Чехович, Ю. Брегеля и др. значительно обогатили методологию и инструментарий описания и изучения актовой документалистики. Между тем пик интереса к публикациям актовых материалов прослеживался в 1960-1970 гг., когда в Ташкенте и Москве был издан целый ряд работ, включавших публикацию отобранных документов либо же изучение определенных вопросов, основанных на этих документах. Позднее исследователи в Узбекистане и России не проявляли особого интереса к этим документам, в то время как для западных исследователей они оставались в большинстве своем недоступными².

С установлением независимости рост интереса к различным вехам отечественной истории поставил необходимость в ее источниковой подпитке, в том числе за счет сведений документальных актовых материалов. Важным шагом в данном направлении стала публикация «*Каталога хивинских казийских документов XIX – начала XX в.*»³, в который вошли краткие научные описания 1713 казийских документов Хивинского ханства, датированных 1765-1924 гг., а также факсимиле отдельных из них (29 документов). Как отмечают составители данного каталога, «помимо освещения социально-экономической жизни Хивы, публикуемые документы содержат интересный этнографический материал (название племен, одежды, тканей, женских украшений, предметов быта и т. п.), позволяющий ученым исследовать этнический состав и особенности материальной культуры населения Хорезма»⁴.

Вместе с тем, публикация такого количества описаний документов не могла обойтись без некоторых недостатков, в частности, в вопросах унификации описаний, соответствия алфавитно-тематических указателей основной части каталога, транскрипций юридических терминов, имен, географических объектов и др.

¹ Б р е г е л ь Ю. Э. К изучению земельных отношений в Хивинском ханстве (источники и их использование) // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. 1969. М., 1972. С. 101.

² B r e g e l Yu. Documents from the khanate of Khiva (17th – 19th centuries). Papers on Inner Asia. # 40. Indiana University. Bloomington., Indiana, 2007. P. 1.

³ Каталог хивинских казийских документов XIX – начала XX в. / Составители Урунбаев А., Хорикава Т., Файзиев Т., Джураева Г., Исогай К. Ташкент; Киото, 2001.

⁴ Каталог хивинских казийских документов... С. VIII – IX.

Давние традиции публикации актовых материалов, накопленные сотрудниками Института востоковедения АН РУз, были успешно использованы при подготовке *«Каталога среднеазиатских жалованных грамот из фонда Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан»*⁵, опубликованного в 2007 г. в рамках совместного проекта ИВ АН РУз и Института востоковедения при Университете им. Мартина Лютера в г. Халле (Германия), включающего научные описания более 122 ярлыков, жалованных грамот, указов и распоряжений, охватывающих период с 780/1378-79 по первую четверть XX в.

Предисловие к каталогу авторы снабжают краткой историей изучения исторических документов на территории Узбекистана, приводят общие сведения о видах и типах среднеазиатских актовых материалов позднесредневекового периода.

Принцип подготовки научных описаний, предложенный составителями данного каталога, представляется в значительной степени дополненным и усовершенствованным в плане содержательности и системности в сравнении с описаниями, приведенными в *«Каталоге хивинских казийских документов XIX – начала XX в.»*. В структурном отношении он выглядит следующим образом: 1) порядковый номер документа в каталоге; 2) инвентарный номер хранения; 3) дата составления (в хиджре и григорианском летосчислении); 4) язык написания; 5) тип документа; 6) краткое содержание (в отдельных случаях дана транскрипция личных имен и терминов); 7) сведения о печати: размер, форма, легенда (в кириллице и арабской графике); 8) почерк; 9) тип бумаги; 10) размер документа; 11) количество строк; 12) информация об имеющихся в документе дефектах и повреждениях⁶.

Работу также отличают высокое качество факсимиле документов, грамотно составленные указатели (топонимов, личных имен, оттисков печатей, терминов – в арабографической транскрипции и кириллице), подробный терминологический глоссарий.

Научные описания документов приведены в соответствии с последовательностью инвентарных номеров хранения, хотя, возможно, гораздо уместнее было систематизировать описания по типам, хронологии или географической привязке. Следовало также, на наш взгляд, более

⁵ Каталог среднеазиатских жалованных грамот из фонда Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан / Составители Урунбаев А., Джураева Г., Гуломов С. Халле (Заале). Ташкент, 2007.

⁶ Ср. с формой составления научных описаний, разработанной О. Д. Чехович: «Задачи среднеазиатской дипломатики» // Народы Азии и Африки. 1969. № 4. С. 80-81.

детально оговорить принцип передачи транскрипции отдельных имен и терминов в кириллице⁷.

В 2007 г. в свет также вышла работа, подготовленная Э. Каримовым «Регесты казийских документов и ханских йарлыков Хивинского ханства XVII – начала XX в.»⁸. В нее вошли описания 92 актов Хивинского ханства (а также письмо одного из полководцев Бухарского эмира) из фондов Государственного музея-заповедника Ичан-Кала в г. Хиве, а также из частных коллекций местных жителей Хорезмской области. Автор успешно обобщил весь накопившийся опыт в отечественной документалистике по публикации актовых материалов и труд Э. Каримова, безусловно, стал существенным шагом вперед в развитии отечественной дипломатики. Это, в частности, прослеживается в системности научных описаний, выделении ключевых юридических формул с их оригинальным прочтением в кириллице. Научные описания в данной работе разделены на группы, согласно их типологизации (частные акты, ярлыки), в рамках которых приведены в хронологической последовательности. В отдельных случаях, наряду с научным описанием, автор приводит также собственно тексты документов в арабской графике и их транскрипцию в латинице. Следует также отметить высокое качество факсимиле документов.

Вместе с тем работа не лишена некоторых недочетов. Так, в части I работы автор отмечает, что руководствовался «... побудительным мотивом не только к систематизации публикуемых документов в виде регестов, но и желанием снабдить публикации расширенным введением по тем вопросам, которые недостаточно освещены в исследовательской литературе»⁹, однако в действительности ограничивается лишь некоторыми комментариями, основанными на работах авторов предшествующего (преимущественно колониального) периода. К сожалению, текст данной части не содержит новых выводов относительно института судопроизводства, функций и характера деятельности казиев в позднесредневековой Средней Азии.

В 2007 г. американским проф. Ю. Брегелем в рамках цикла «Papers on Inner Asia» была опубликована работа «Documents from the Khanate

⁷ Составители ограничиваются лишь небольшим упоминанием в предисловии о том, что «при написании восточных имен и терминов составители приняли транскрипцию, приближенную к местному произношению» (С. 6).

⁸ Каримов Э. Регесты казийских документов и ханских йарлыков Хивинского ханства XVII – начала XX в. Ташкент: Фан, 2007. – 224 с.

⁹ Там же. С. 15.

of Khiva (17th – 19th century)»¹⁰, на анализе которой считаем нужным остановиться подробнее. Следует отметить, что автор данного исследования проф. Университета Блумингтона Ю. Э. Брегель известен целым рядом публикаций по истории Центральной Азии постмонгольского периода, изданием ряда источников, географических атласов и библиографических указателей¹¹. В сборник было включено 29 документов из фондов ЦГА РУз, ИВ АН РУз, Хивинского музея «Ичан-Кала», Института восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург), копии которых, по словам самого автора, были вывезены им в период его эмиграции из СССР в 1974 г.¹² Часть этих документов впоследствии была использована Ю. Брегелем в лекциях по чтению чагатайских текстов в Университете Индианы¹³. Позднее в 2005 г. учеником последнего В. Вудом (W. Wood) было опубликовано 8 тарханских ярлыков из данной коллекции¹⁴. Публикация Ю. Брегеля стала продолжением работы, начатой В. Вудом. Она включает публикацию текстов, переводов и факсимиле 10 тарханских ярлыков хивинских ханов (1036/1626-27 – 1277/1861), 9 ярлыков о продаже земли на нужды нукеров (1206/1791-92 – 1261/1845), 3 ярлыков о назначении на должность (1266/1850 – 1259/1843), 4 писем хивинских ханов и 3 ривайата. В характерном для опубликованных Ю. Брегелем работ стиле автор снабдил предисловие к своей работе обстоятельным и глубоко научным введением, в котором приводит ценные сведения о структуре, языке и юридическом статусе описываемых источников.

Весьма полезным, на наш взгляд, представляется осуществленный автором структурный и текстологический анализ документов, в частности структуры разных видов актов, состава документов по входящим в них стереотипным формулам, т. е. аспектов, которые исследователь

¹⁰ Bregel Yu. Documents from the Khanate of Khiva (17th – 19th century) // Papers on Inner Asia. # 40. Bloomington, Indiana, 2007.

¹¹ См. например: Bibliography of Islamic Central Asia. Compiled and edited by Yu. Bregel. Part I-III. Bloomington, Indiana, 1995; Firdaws al-iqbāl, edited by Yu. Bregel. Leiden; New York; Keln, 1988; Firdaws al-iqbāl, translated by Yu. Bregel. Leiden; New York; Keln, 1998; An historical atlas of Central Asia by Yuri Bregel. Brill, Leiden, Boston, 2003. Более подробные сведения о биографии Ю. Брегеля и библиографии его работ см.: Studies on Central Asian history. In honor of Yuri Bregel. Edited by D. DeWeese. Bloomington, Indiana, 2001. Introduction (p. 1-20).

¹² B r e g e l Yu. Documents from the Khanate of Khiva... P. 1-2.

¹³ Ibid. P. 2.

¹⁴ W o o d W. A collection of tarkhan yarliqs from the khanate of Khiva. Bloomington; Indiana, 2005.

А. С. Лаппо-Данилевский относил к приоритетным проблемам такого направления дипломатики, как «документальное построение»¹⁵.

Характеризуя тарханные грамоты, автор отмечает, что по своей внутренней структуре они соответствуют, с одной стороны, практике исламской (и более специфичной персидской) канцелярии, а с другой – практике канцелярии Золотой Орды и ее преемников, как она была развита в течение постмонгольского периода в восточной части исламского мира¹⁶.

В структурном отношении Ю. Э. Брегель подразделяет тарханные грамоты на следующие части: *invocatio* (обращение к Богу), в большинстве случаев выражается в слове «Ху» – «Он», затем титул и имя хана, за которыми шло слово «созумуз» – «приказано нами», букв.: «наше слово». Основной текст ярлыков начинается с *promulgatio* – списка членов династии и чиновников, кого это касается (категории, но не именами, обычно сопровождается более или менее витиеватыми эпитетами).

Arrenga – объясняет специальный статус получателей грантов как потомков Пророка и требование почитать их, тем самым почитать самого Пророка. Обычно все получатели тарханского статуса, как видно из доступных документов, принадлежали к сайидам или к ходжам – членам святых семейств.

Следующая часть *narratio* содержит имена просителей (петиторов) и упоминает их запрос обновления их статуса. За этим следует *dispositio* – решение хана утвердить (или пожаловать) статус тархана персоне или группе персон. После этого идет перечень налогов и повинностей, от которых получатель ярлыка должен быть освобожден.

Ярлык всегда завершается упоминанием места («царственный город Хива») и датой совершения документа. Дата обычно дана в хиджре, зачастую написана цифрами, в более ранних ярлыках – без дня и даты, в более поздних иногда указывается более точная дата. В большинстве случаев также дается соответствующий год по тюркскому животному циклу¹⁷.

Ценные сведения приведены также автором о структуре и юридическом статусе ярлыков о передаче права владения определенными категориями земель как коронных (как в ранних документах) или госу-

¹⁵ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920.

¹⁶ Bregel Yu. Documents from the Khanate of Khiva... P. 2.

¹⁷ Ibid. P. 2-3.

дарственных в частную собственность различных людей¹⁸. Продавцом всегда выступает хан, который продает земли, принадлежащие категории коронных (*khassa*) или государственных (*mamlaka-i pādishāhi*), чиновникам или частным лицам в качестве оплаты военной службы¹⁹. Такие трансакции, по мнению Ю. Брегея, являлись определенно вознаграждением отдельных индивидуумов за их военную службу и они обычно жаловались крупным чиновникам либо другим представителям аристократии. Цель такой продажи всегда указывалась словами «*nuker mavājib-i uchun*» или «*mavājib-i nukeriye uchun*» – «для выплаты оплаты нукерам». Автор отмечает, что такие документы являлись в действительности пожалованием земли. Хотя формально это ярлык, обнаруживающий желание хана со стандартной формулой «*sozimiz*» и выражением ханской печати в начале, в то же время он содержит определенные элементы акта продажи имущества (*vathiqā*) с проставлением печати кази, закрепляющей акт, цену земли и ее границы. Такое описание следует за формулировкой, что с этого времени проданная земля становится частной собственностью, освобожденной от налогов (*milk-i khālisi*) нового собственника, и этот обеленный статус должен быть сохранен далее за будущими собственниками земли (как наследниками, так и покупателями)²⁰.

Фиктивная природа таких продаж, вероятно, передана формой самих документов. В них отсутствуют некоторые важные стандартные элементы, которые присущи всем документам об окончательной продаже имущества (*vathiqā-i batāt*), в частности, декларации продавца в начале документа о совершении окончательной, действительной, необходимой и законной продажи, фразы о том, что продано или куплено «со всем тем, что законно принадлежит ей и приносит выгоду, и ценой», выражающейся в стандартной формуле.

Весьма уместно замечание автора о том, что частные акты в Хорезме в подавляющем большинстве до 1272/1856 г. составлялись на персидском языке, а позднее – на чагатайском²¹. При публикации текстов актов автор приводит собственно текст документа в арабской графике на персидском или чагатайском языке, а затем дословный перевод его содержания на английском языке.

¹⁸ Ibid. P. 4-5.

¹⁹ См. подробнее о подобных трансакциях: Абдураулов У. Земельные отношения в Хивинском ханстве во второй половине XVIII – первой четверти XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2008. С. 90-95.

²⁰ Ibid. P. 4-5.

²¹ Ibid. P. 5. Reference 2.

В целом можно констатировать в последние годы заметный рост числа публикаций текстов, переводов, комментариев и факсимиле различных образцов среднеазиатской позднесредневековой дипломатики, что несомненно способствует повышению качества, методологии, инструментария публикации актовых материалов. Вместе с тем, по-прежнему актуальными остаются задачи среднеазиатской дипломатики, отмеченные исследователем О. Д. Чехович к числу неотложных еще в 1969 г.: 1) учет имеющихся фондов и коллекций, описание (каталогизация всех приведенных документов); 2) выяснение истории возникновения и развития структуры всех разновидностей актов и вариантов, характерных для разных местностей; 3) выработка правил издания среднеазиатских исторических документов; 4) проведение специальных исследований по палеографии, текстологии, сфрагистике, метрологии и т. д.; 5) подготовка корпуса древнейших среднеазиатских документов и серий тематических сборников документов²².

Следует отметить, что в архивах республики имеется целый ряд уникальных коллекций актовых материалов, ждущих своего исследователя. Среди таких коллекций следует назвать такие, как «Архивы кокандских и хивинских ханов», «Канцелярия Кушбеги Бухарского», «Письма» эмиров Хайдара и Алимхана. По-прежнему требуют более глубоких исследований коллекции актовых материалов музеев Бухары²³, Самарканда и Хивы.

У. Абдурашулов

Сўнгни ўрта асрлар Ўрта Осиё дипломатикаси намуналарининг нашрларига доир

Мақолада Ўрта Осиёнинг сўнгни ўрта асрлар даврига оид ҳужжатли манбаларнинг турли намуналари нашр этилган қатор ватан ва хорижий тадқиқотлари таҳлил этилади. Муаллиф ўрта асрлардаги Ўрта Осиё дипломатиясининг келгуси ривожига ва ҳолатига доир масалаларга алоҳида эътибор қаратади.

²² Чехович О. Д. Задачи среднеазиатской дипломатики... С. 82.

²³ В этом отношении весьма примечателен успешный опыт публикации коллекции документов г. Бухары бухарским исследователем Б. Казаковым. См.: Kazakov B. Bukhara Documents. The collection in the District library, Bukhara. Translated from the Russian by J. Paul. Anor, Berlin, 2001.

U. Abdurasulov

**On the publications of various samples of late
medieval documentary sources of Central Asia**

In the article a number of domestic and foreign works in which various samples of the period are published is analyzed. The author also pays attention to questions of a condition and the further development of Central Asian diplomatics.

H. Мустафаева

**МАДАНИЙ ИСЛОҲОТ – ТАРАҚҚИЙ
ВА ТАМАДДУН АСОСИДУР
(жадидларнинг асарларида миллий
маданият ривож масалалари)**

XX аср бошларида мустамлакачилик сиёсати шунингдек, ўлкадаги мутаассиблик Туркистон халқларининг нафақат иқтисодий, балки ижтимоий, маданий, маърифий ва маънавий ҳаётига ҳам мислсиз даражада катта салбий таъсир ўтказди. Натижада Туркистон ўлкаси ривожланишдан анча ортда қолган мамлакатга айланиб, айниқса, унинг маънавий ҳаётидаги қоқоқлик, ижтимоий онгдаги турғунлик каби иллатлар яққол кўзга ташланар эди. Мустамлака шароитида, ҳукмрон сиёсий мафкура доирасида қоқоқликдан қутулишнинг ягона йўли – маданий йўналиш орқали тараққий этиш мумкинлигини тушунган миллий зиёлилар энг аввало, маданий ва маиший ҳаётдаги қоқоқликни тугатиш, миллий онгни ислоҳ этишда тил, тарих, матбуот, анъанавий маданиятни дунё маданияти тизимида қайта кўриб чиқиш заруриятини олиб чиқдилар. Миллатнинг маданий тараққиётини зиёлилар бошқа халқлар тараққиёти билан қиёслашга ҳаракат қилиб, уларнинг ютуқлари сабабларини аниқлашга, намуна олишга даъват этганлар. Улар халқнинг миллийлигини сақлаб қолган ҳолда турмуш тарзини замонавийлаштириш маданиятчилигининг бир белгиси деб ҳисоблар эдилар. Жадидларнинг асар ва мақолаларида «маданият» иборасини кўпроқ «тараққиёт» маъносида ишлатганларини кузатиш мумкин.

Туркистон жадидчилиги йўлбошчиси саналган Махмудхўжа Бехбудий 1906 йилда нашр этилган «Мунтахаби жуғрофияи умумий»¹ асарида ўз даврининг илғор зиёлиси сифатида маданият масаласига алоҳида эътибор беради. Асарда географик ва тарихий маълумотлар билан бир қаторда, жуда содда тарзда осмон жисмларининг жойлашуви ва ҳаракати тушунтирилади, астрономик жадваллар илова тарзида берилди. Шу билан бирга, муаллиф инсоният ва жамият ҳаётини таҳлил қилиб, ваҳшийлик, бадавийлик ва маданийлик босқичларини санаб ўтади ҳамда мутамаддун, яъни маданиятли жамият яратиш учун илм, ҳунар, дин зарурлигини уқтиради. «Ваҳшоният жамиятида, – дейди у, шакллари инсон ва барча ҳаракатдаги ит-кўппакдан бадтардурки, инсонларни бидоят ҳоли ёинки илму адабсизлик мартабасидур»². Иккинчи хил гуруҳ «бадавийлардурки, ваҳшониятдан тараққий ёинки маданиятдан таназзул»дир. «Бу тоифани умрлари мол боқмоқ, емоқ, ётмоқ ила сарф бўлуб, жамияти башарияга керагича ёрдамлари етмайдур. Чунки илмлари камдур»³. Бехбудий учинчи тоифа кишиларни «маданият» тушунчаси остига олиб, «маданий» ёки «шаҳарий» деб атайди ва қуйидаги таърифни беради: «Буларни аксар ишлари тартиб ва тажриба, илм-фан ва қоида бўйича бўладур. Мактаб, мадраса, масжид, маҳкама, руҳоний-уламо, ибодатхона, амир, ҳукмрон, подшоҳлари бордур»⁴. Махмудхўжа Бехбудий илм-фан тараққиётини бевосита маданиятнинг энг муҳим қисми эканлигини доимий такрорлаган. Айникса, табиий фанлар ривожини натижасида европаликлар қўлга киритган ютуқларни у ўқувчига қуйидагича етказди: «Ҳикмати табиия илмини яхши тажриба ила ўқудилар. Они учун ойлик йўлни кунга, йиллик хабарни дақиқага юрмоқга, келмоқга асбоб тайёр қилдилар. Шулар тарика осмондаги нимарсаларни билмоқ учун ажиб асбоблар тайёрладилар, яъни назариёти илмияни тажриба ила бадиҳоти амалияга солиштуруб амалга киргузгонларидан тилгироф, тилифўн, тилгирофи ҳавойи, парахўд, темур йўл, болун, телескўп, микрискўп кабила чиқардилар. Ва ушбу асбоблар сабаби ила Ер юзига бутун ғалаба қилдилар»⁵.

¹ Асарнинг тўлиқ номи «Китоби мунтахаби жуғрофияи умумий ва намунаи жуғрофия» деб номланади. У 1905 йил 24 августда Санкт-Петербург цензурасидан рухсат олинди, 1906 йилда Г. И. Демуров матбаасида чоп этилган. Бу ҳақда тўлиқ қаранг: М. Б е х б у д и й Танланган асарлар. Тошкент: Маънавият, 1999. 20-27-бетлар.

² М. Б е х б у д и й. Танланган асарлар. Тошкент: Маънавият, 1999. 23-бет.

³ Ўша жойда.

⁴ Ўша жойда.

⁵ Ўша жойда. 239-бет.

Жадидлар халқнинг онгида туб бурилиш яшашни истардилар. Хусусан, Махмудхўжа Бехбудий ўзининг машхур «Падаркуш» драмасида зиёли образи орқали халққа миллатнинг юзи бу – илм ва ҳунаридир, деган гоёни етказишга ҳаракат қилди: «Бу замонга илм ва ҳунарсиз халқни бойлиги, ери ва асбоби кундан-кунга қўлидан кетганидек, ахлоқ ва обрўи ҳам кўлдан чиқар, ҳатто, дини ҳам заиф бўлур. Бунинг учун биз мусулмонларни ўқутмоқга саъй қилмоғимиз лозимдур»⁶. Бехбудийнинг фикрича, бу замонда икки синф уламо керак, яъни олими диний ва олими замоний. Биринчи синф: имом, хатиб, мударрис, муаллим, қози, муфти бўлиб, халойиқни диний ва ахлоқий ишларини бошқаради. Олими замоний эса дини ва миллат тилини чуқур билган ҳолда, дорилфунунларда ўқиб, мутахассислар сифатида юқори мансабларда Ватан манфаатини ҳимоя қилувчилардир. Абдулла Авлоний ҳақиқий маданиятлик белгисини уч қисмга бўлади: илм, маиший турмуш ва ахлоқ⁷. Шунинг учун бўлса керак, у ўзининг «Туркий гулистон ёхуд ахлоқ» асарида: «Инсонларни яхшилиқга чақиргувчи, ёмонликдан қайтаргувчи бир илмдур»⁸, – дейди. У илмни диний ва фанний қисмларга бўлади. «Диний киши бўлмак учун улуми диния ўқумак ила баробар ҳисоб, ҳандаса, тарих, ҳикмат, кимё, тиб, зироат илмлари каби фанний илмларни ҳам билмак, чин олим бўлмак лозимдур. Чунки бу илмларнинг иккиси ҳам дунё охиратимиз, ҳаёт ва саодатимиз учун энг керакли нарсалардур»⁹. А. Авлоний ахлоқнинг асосини ташкил этувчи хулқни яхши ва ёмон категориясига бўлади ва «тарбиянинг ахлоққа таъсири йўқ, инсонлар асл яратилишида қандай бўлсалар, шундай ўсарлар, табиат ўзгармас»¹⁰, деган фикрларни инкор этади, тарбиянинг ахлоққа таъсирини очиб берар экан «тарбия бизлар учун ё ҳаёт – ё мамот, ё нажот – ё ҳалокат, ё саодат – ё фалокат масаласи»¹¹ қаторига киритади. Миллий тараққиёт муаммосини инсон тарбияси билан узвий боғлиқликда талқин қилган Холид Саййид ўзининг «Тарбият илму аъзамдур» мақоласида миллат равнақи, юрт тақдири комил инсонлар қўлидадир, тараққий одамларни тарбияламоқ, илм ҳунарга ўргатмоқ орқалигина пайдо бўлади, деган мазмунга урғу беради. Тарбиянинг қудрати ҳақида у ёзади: «Ерда бир қобилият, яъни кўкартирмоқ қобилияти бордур. Лекин бу қобилият, агар ер яхши тарбия қилинмаса

⁶ М. Б е х б у д и й. Падаркуш ёхуд ўқимаган боланинг ҳоли // Танланган асарлар. 43-бет.

⁷ Индамас. Маданият тўлқинлари // Садои Туркистон. 1914. 11 май.

⁸ А. А в л о н и й. Танланган асарлар. 2-жилд. Тошкент: Маънавият, 1998. 34-бет.

⁹ Ўша жойда. 49-бет.

¹⁰ Ўша жойда. 36-бет.

¹¹ Ўша жойда. 38-бет.

майдонга чикмас ёки чикса ҳам мақсадга мувофиқ чикмас. Ҳайдалмаган, чопилмаган бир ерга экин экилса кўкармас, гиёҳ кўкарса ҳам самара бермас»¹². «Адаб ва тарбия» номдаги мақола муаллифи Муҳаммад Саид инсоннинг «комил бўлмоғи учун етти нарса лозимдур. Яъни илм, номус, виждон, саъй-ҳаракат, ғайрат, тарбият ва таълим» зарур ва буларни шакллантиришда ота-она ҳамда муаллим бирдек масъулдирлар¹³, деган фикрда эди. «Маданият» сарлавҳали мақола муаллифи Саид Васлий ўзининг шу номдаги туркум мақолаларида маданият тушунчаси асосларини фалсафий жиҳатдан баён этади. «Маданият инсонларнинг бир-бирлари ила ижтимоий ҳолинда яшамоқларидур, ... маданиятнинг зидди ваҳшат ва бадавият»¹⁴, дейди у. Демак, ёлғиз яшаш, ўзи кабилар билан ижтимоий муносабатларга киришмаган одам – маданиятсиз одамдир. Ижтимоий ишлаб чиқаришни, муаллиф, маданиятнинг биринчи белгиларидан ҳисоблайди. Чунки айнан шу жараёнда одамлар бир-бири билан муносабатга киришадилар. Васлий инсонлар ўртасидаги моддий маҳсулот алмашинувини уч турга бўлади: зироат (деҳқончилик), саноат ва тижорат: «бу уч ишни ҳаёти инсоният ва маданиятни унинг оёғи дерлар». Мана шу муҳим асосий илдизлардан бирортаси бўлмаса ёки эътибордан четда қолса, одамларнинг тирикчилик қилмоқлари мумкин эмас. Шунингдек, мақолада муаллиф маданий турмушнинг муҳим қисми бўлган яна бошқа жиҳатлар – илм-фан, маърифат, санъат каби асосий унсурларнинг ҳар бирига алоҳида махсус тўхталиб, уларга ҳам атрофлича таъриф беради.

Бутун жамиятнинг қоқоқ тарафларини очиш ва тезроқ халққа тушунарли бўлиши мақсадида муаллифлар баъзан ҳажвий усуллардан ҳам кенг фойдаланганлар. Масалан, «Индамас» тахаллуси билан имзолаган Абдулла Авлоний ўзининг «Маданият тўлқинлари» фельетонида маданият муаммолари ҳақида фикр юритар экан, «маданият қонунида фано ва бузук ишлар бўлмаслиги керак», деб ёзади. Айниқса, ёшларга карата «... усти ялтираган, ичи қалтираган бўлуб, бошлариға европача қалпоғини кийиб «маданият!», «маданият!» деб оғизларини кўпиртируб, оз-моз мусулмонча, чала ярим русча сўйлашиб кулгу бўлуб юрмак маданият бўлмай, масхарабозликнинг шабадасидир»¹⁵, дея киноя қилади. Унинг «Эҳтимол бизнинг халқ илм ва маорифни, тарбия ва таълимни, хунар ва саодатни яхши кўрар, деб ўйландурғондирсиз. Йўқ. Бу фикримиз янглиш»,¹⁶ – деб бошланган «Ким нимани яхши кўрар» ҳажвий

¹² Х о л и д С а й й и д. Тарбият илму аъзамдур // Садои Фарғона. 1914 йил 27 апрель.

¹³ М у х а м м а д С а и д. Адаб ва тарбия // Ойина. 1914. № 27.

¹⁴ С а и д В а с л и й. Маданият // Садои Фарғона. 1914 йил 7 сентябрь.

¹⁵ Индамас. Маданият тўлқинлари // Садои Туркистон. 1914 йил 11 май.

¹⁶ Индамас. Ким нимани яхши кўрар? // Садои Туркистон. 1914 йил 7 декабрь.

мақоласида жамиятнинг барча ижтимоий қатламларидаги мавжуд иллатлар қаттиқ танқид остига олинади ва бундай шароитда у ўзининг индамай юрганлигини ҳам кулгу остига олади.

Миллий маданият масаласини назарий жиҳатдан асослашга ҳаракат қилган муаллифлардан бири бу – Рауф Музаффарзодадир. У ўз даврининг етук журналисти сифатида «Садои Туркистон» саҳифаларида маданият муаммоларини ҳал этишнинг турли-туман йўллариини излашга ҳаракат қилган. Чунончи унинг «Миллат краби (кемаси – Н. М.) нима кутар»¹⁷, «Миллий ҳаёт ва Туркистон мусулмонлари»¹⁸, «Маданият ва биз»¹⁹, «Маданий жараён ва миллий тарихимиз»²⁰, уч қисмдан иборат «Маданият нардбони»²¹, «Дин, миллат миллият ила қойимдир»²², «Тил ва имло масаласи»²³ ва бошқа қатор мақолаларида Туркистон мусулмон маданиятининг тараққиёти йўллари, ҳал қилиниши лозим бўлган муаммолар, бартараф этилиши зарур бўлган камчиликларни очишга ҳаракат қилди. Албатта, унинг ғоялари М. Бехбудий, А. Авлоний, М. Абдурашидхонов каби зиёлиларнинг фикр-мулоҳазалари билан ҳамоҳанг эди. «Маълумки, одамнинг вужуди икки нарсдан иборат моддий рухий аъзолар ... ва рух деган маънавий иккинчи бир бадан бор. Одам боласи ақл ва фикри тараққий этмаса албатта, ҳайвондан жузий фарқли бўлиб кўзга кўрила тургон мавжудотдан бошқа ҳар нарсани инкор этмакни ўзига лозим билур. ... Инсон олам ва рух тарбияси илагина инсондир. Рух тарбияси кўрмаган, илм ва маориф ила ақл ва фикрини орттирмаган кишининг сомон ичида ёнуб кун ўткарган ила турли мавжудот ичида тургони орасида ҳеч фарқ қолмайди»²⁴, – деб ёзади муаллиф. Туркистонликларга қарата у «қани бизда илм, қани руҳоният, маданият қани? Биз буларнинг исмларинигина бўлса ҳам яхшилаб билмаймиз ва тушунмаймиз. Ҳатто, тушунмакни хоҳламаймиз. Демак, биз бу тариқа маҳзи илм, маҳзи маданиятдан иборат исломиятни бир тарафга қолдируб, дин ва инсоният душмани бўлган жоҳил, ғафлат ва маданиятсизликни қабул қиламиз», дейди куйиниш билан ва «XX асрда Туркистон миллатининг бошига миниб ўлтургон уламо ва зиёлилар сўнгги инсоф ва виждон кўзи ила

¹⁷ Садои Туркистон. 1914 йил 17 декабрь.

¹⁸ Ўша жойда. 1914 йил 29 июль.

¹⁹ Ўша жойда. 1914 йил 30 май.

²⁰ Ўша жойда. 1914 йил 9 сентябрь.

²¹ Ўша жойда. 1914 йил 5, 20, 28 август.

²² Ўша жойда. 1914 йил 26 ноябрь.

²³ Садои Туркистон. 1915 йил 19 февраль.

²⁴ Р. М у з а ф ф а р з о д а. Тарбияга аҳамият бермабмиз // Садои Туркистон. 1914 йил 7 октябрь.

холимизга назар қилсалар юзлари қизарур, виждонлари ҳаё харорати ила кабоб бўлиб ковурилур эди»²⁵, деб ҳисоблайди. Унинг «Маданият нардобони» (Маданият нарвони – *Н. М.*) номли катта мақоласида «маданият» иборасига бир-икки сўз билан таъриф бериб бўлмаслигини таъкидлайди: «коронғу гўшаларгача ўзининг нурини тушурган маданият офтобининг исми ҳар дақиқада тилларда сўйлануб кўзларга кўрилса ҳам онинг нима эканлиги, бунинг илагина албатта, билуниб битмайдур»²⁶. Рауф Музаффарзода «дунёда ҳеч бир миллат бутун XX аср маданиятидан биргина мартаба қўли ила ҳовучлаб олмаган, ҳар бири тадрижий тараққий эткан. Миллатларнинг тараққий ва тамаддун даврлари ўнлабгина эмас, юзлаб ҳисобланадурлар»²⁷, деган фикрда эди. Миллатнинг маданиятлилик даражасига эришишнинг муҳим зинапоялари сифатида Музаффарзода илм-маориф, матбуот, театр, жамиятлар, наشريёт ширкатлари ва энг асосийси тарихга мурожаат масалаларини кўрсатади. Муаллифнинг сўнгги масаладаги фикри куйидагича: «Ҳозирда ҳар миллатнинг ўзининг маданият тарихини ёзмак учунга қанча жилдлар кораламак лозим бўладир. Маданият!, Маданият! деб ҳар вақт қичқирмак ва ёзмак илагина ҳам маданият нима бўлганини албатта, фаҳмлай олмайдир. Маданият сўзи қандай усулларнинг ва қандай маишатларнинг ҳаёт мажмуасига оталиқ қилганини билувчи ақидалар марҳамат қилуб қаламларни қўлларига олсунлар ва халқимизга тадрижий маишат ва маданият усулларин кўрсата бошласунлар эди. Мана шул вақтда биз ўзимизни (шукрлар бўлсин биз ҳам маданият йўлига қадам босдук) дейур эдик»²⁸. Кўрииб турганидек, Музаффарзода тарих фанининг аҳамияти ҳақида гапириб, инсоннинг камол топишида ва жамиятнинг бошқарувида бу фаннинг ўрни бекиёслигини кўп мартаба таъкидлаб ўтади. Унинг миллий маданий тарих яратишдаги, хусусан «Маданий жараёнлар ва миллий тарихимиз» номли мақоласида куйидаги фикрлар диққатга сазовор: «Маданий жараён инсонларнинг тарихий даврларида энг муҳим миқёсдир. ...Тарихларнинг жиҳозлари миллатларнинг қолдирғон моддий ва маънавий асрорларидир. Маданий жараён эса тарихларнинг манбаларидан олғон маълумот тарихияга марказлик ташкил этуб аларни доимо табдил қилувчи маънавий бир матлаидир. ...Энди бизга ҳам ўзимизнинг боболаримизни халқимизга танитмак ва мактабларимизда миллий тарих дарслари ўқитмак замони келди. Бунинг учун

²⁵ Ўша жойда.

²⁶ Р. Музаффарзода. Маданият нардобони. 1 қисм // Садои Туркистон. 1914 йил 5 август.

²⁷ Ўша жойда.

²⁸ Ўша жойда.

албатта, якинда бир миллий тарих ёзмак лозим эди»²⁹. Албатта, ўша даврда миллий тарихни ёзиш учун тарихчи мутахассислар бўлмаган. Мана шундай шароитда Рауф Музаффарзода «Агар Туркистонда ўзимиздан бу хизматни матлуб даражада фаолиятга чиқарурдай қувват соҳиблари бўлмаса бу кундан эътиборан ҳеч нарсага қарамасдан Туркистондаги машхур шаҳарларнинг ҳар бирида илми тарафидан бирор кичик ҳайъат ташкил қилинса нечук бўлар экан. Бу ҳайъатлар 3-4 зотдан мураккаб бўлуб, бўш вақтларида тарихий музокараларда бўлунарлар ва миллий тарихимиз учун моддий ва маънавий эҳтиёжни битирмак йўлида ғайрат этар эдилар. Бу вақтда қария ва қишлоқлардан ҳам мазкур ҳайъатларга тарихий маълумот бериб турувчилар бўлур эди. Йиғилгон маълумот ва материаллар миллий жаридаларда эълон қилуниб турилса ва қатъий этгач, бир ерға тўплануб муносиб кишилар тарафидан жам ва тартиб қилунур эдилар. Сўнгра буни нашр этуб фойдаси овоз ила маданий ҳожатларимизга сарф қилинур эди. Шулар тарихи бир миллий тарих *фақат асосли бўлгон бир тарих* вужудга келтурур эдик», – деган таклифни ўртага ташлайди. Туркистон миллий тарихини яратиш хусусидаги мунозараларни «Ойна» журналида ҳам кузатиш мумкин. Жумладан, «Туркистон тарихи керак» мақоласининг муаллифи: «Тарих кўп аҳамиятли ва фойдали бир нарсасидир. Тарихнинг фойдаларидан баъзиси ушбунларки: бир миллатнинг на тариқада, қайси йўл ила тараккий этганин ўқуб ибрат олмак ёки бир миллатнинг на сабаблардин таназзул этиб, охири мунқариз бўлиб кетганин ўқиб мундин ҳам истифода этмак мумкиндир»³⁰, деб ҳисоблайди ва «Садои Туркистон» газетасида мурожаат этилган «миллий тарихимизни ким ёзар?» саволга қуйидагича жавоб беради: «Бизнинг фикримизча, мундай тарихни ёзмоқлик ниҳоятда қийин иш бўлуб, ҳозирда бунинг ийфоси бизнинг кўйимиздан келмайдургонга ўхшайдур. Шунинг учун, бу хизматни Туркистон тарихи ила ошно бўла бошлаган ёш муаррихимиз, мухтарам Аҳмад Закий Валидий афандининг қаламидин умид этмақдамиз»³¹. Лекин, дейди муаллиф, тарих бўйича ёзилган китоб йўқ деб бўлмайди. «Туркий, форсий ва арабий тилларда неча китоблар ёзилгандурки, у китоблардан рус ва бошқа епрупоийлар истифода этган ва этмақдадурлар. Тарихий асарлардан биз туркистонийлар истифода этуб, янги муҳокама ва тадқиқот ила ўз шеваимизда мунтазам бир асар вужудга келтурганимиз йўқ»³². Ушбу ҳолатда энг катта айбни

²⁹ Р. Музаффарзода. Маданий жараёнлар ва миллий тарихимиз // Садои Туркистон. 1914 йил 9 сентябрь.

³⁰ Туркистон тарихи керак // Ойна. 1914. № 38.

³¹ Ўша жойда.

³² Ўша жойда.

моддий манфаат топишни мақсад қилган ноширлар зиммасига қўяди. Хожи Мўин Шукрулло қаламига мансуб «Миллий тарих ҳақида» мақолада таҳририятга ва муштарийларга қарата ўн қисмдан иборат тарихий саволлар билан мурожаат этилади. Хусусан, «...Дини исломни қабулидин илгари Туркистон халқлари қайси динда эди? ...Исломиятдин аввал туркистонийлар қайси тил ила сўзлашардилар? Даражаи маданиятлари на тарика эди? ...Ҳозирги Туркистон мусулмонларининг барчаси туркийми? ...Амир Темур даврида илум ва маориф ва адабиёт на кайфиятда эди? ...Турк тарихидин лозиминча истифода этмак учун қайси асарларни мутолаа этмак керак?»³³ каби саволлар шулар жумласидан эди. Жамият ривож ва тараккиётида, жамият онгида тарих фани қандай ўрин тутиши керак, деган муаммога М. Бехбудийнинг «Тарих ва жуғрофия» мақоласида муносабатни кўриш мумкин. Ушбу тадқиқот жиддий масалаларни кўтариб чиққан асарлардан бири саналади. Унинг фикрича, халқлар тарихи, мамлакат тарихи, ислом тарихини билмай туриб, оддий мусулмон фуқаросидан тортиб то давлат арбоби, руҳоний ва уламо, олиму фузалоларгача маърифатли бўла олиши мумкин эмас. Бехбудий ўз мақоласида: «дунёга ишонмоқ учун ва роятлик бўлмоқ учун, комил ва одил бўлмоқ учун тарих ўқумоқ ва билмоқ керак. Дину дунёдан бохабар бўлмоқни хоҳлайдургон ҳар ким учун тарих ўқумоқ керак, чунки ҳар нимаси ва ишнинг асли ва насли тарихдан билинур». Унинг «Сарт сўзи мажҳулдир» мақоласини профессор Д. Алимова «ўз замонасининг илмий изланишларига таянган ҳолда, аҳоли фикрини билишдан тортиб манбаларни ҳам ўрганиб, мавзуга оид қатор адабиётларни тадқиқ қилиш натижасида яратилган илмий асар»³⁴, – деб тўғри баҳолаган. Айниқса, тарихни ўрганишга М. Бехбудий қанчалик катта аҳамият берганини «Бехбудия» кутубхонасида мавжуд ва сотувга чиқарилган китоблар рўйхатининг етмиш фоизи тарихга оид асарлар эканлигидан кўриш мумкин. Умуман, миллий зиёлилар жамият маданий тараккиётининг муҳим омили сифатида Ватан тарихи муаммоси ва уни ўрганишни биринчи ўринга қўйдилар.

Хулоса қилиб шуни айтиш мумкинки, Туркистон жадидларининг асарларида миллий маданият ривож масалалари ҳам моддий, ҳам маънавий замин асосида яратилиши зарур, деган фикр устуворлик қилди. Чунки улар ўз даврининг кишиси сифатида ижтимоий ҳаётдаги ечилиши лозим бўлган муаммо ва камчиликларни ўз кўзлари билан кўрдилар,

³³ Хожи Мўин. Миллий тарих ҳақида // Ойна. 1915. № 10.

³⁴ Алимова Д. А., Рашидова Д. А. Маҳмудхўжа Бехбудий ва унинг тарихий тафаккури. Тошкент: Академия, 1999. 17-бет (китобнинг 17-21-бетларида ушбу мақоланинг тўлиқ таҳлили амалга оширилгани учун бу хусусда тўхталмадик – Н. М.).

жамият таназзулини ҳис қилдилар. Тараққийпарварлар кўп ҳолларда ўз фикр-мулоҳазаларини халққа танқидий руҳда етказишга ҳаракат қилганлар. Чунки жамият маиший турмушида камчиликлар шу қадар етилган эдики, уларни фақатгина танқид қилиш йўли билангина бартараф этиш мумкин эди. Муаллифлар бошқа халқлар билан ижтимоий муносабатга кирмай туриб, жаҳон маданиятига, миллий тараққиётга эришиб бўлмади ва ўзга миллатлар турмуш тарзининг ибратли жиҳатларидан фойдаланишни маданиятлилик белгиси деб ҳисоблаганлар. Шунингдек, улар тараққиётнинг моддий асосини мустаҳкамлаш, яъни, энг аввало, иқтисодий маданиятни яратишга асосий эътиборни қаратган ҳолда, маънавий заминни мустаҳкамлаш масаласини бош ўринга олиб чиқдилар. Улар тарихга мурожаат қилиш орқали миллий маданиятни қайта тиклаш, янада ривожлантириш, ўз даври талабига мослаштириш каби муаммоларни илгари сурдилар ва маданият ривожига тадрижийлик зарурияти масаласига алоҳида эътибор қаратдилар. Зотан, улар маданият ривожини босқичма-босқич амалга ошириладиган жабҳа эканлигини ва бу соҳадаги шошма-шошарлик қутилган натижаларга олиб келмаслигини жуда тўғри англаганлар. Совет ҳокимиятининг «маданий инқилоб» яқунлари эса уларнинг бу фикрлари ҳақиқат эканлигини яна бир қарра исботлади.

Н. Мустафаева

**Культурная реформа – основа прогресса и цивилизации
(вопросы развития национальной культуры в трудах джадидов)**

В статье анализируются взгляды джадидов на развитие национальной культуры. Показано, какое важное значение они придавали изучению отечественной истории, что, безусловно, способствовало развитию культуры.

N. Mustafayeva

**Cultural reform – a progress and civilization basis
(questions of development of national culture in djadids' works)**

In the article djadids' sights on development of national culture are analyzed. The author will pay particular attention to what value gave the representatives of national progressive movement to the history studying.

Ф. Шамукарамова

РОЛЬ В. Л. ВЯТКИНА В ИЗУЧЕНИИ И СОХРАНЕНИИ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ САМАРКАНДА

Исторические памятники одного из древнейших и красивых городов Центральной Азии – Самарканда всегда привлекали и привлекают всех, кто интересуется историей этого региона. В изучении и сохранении этих памятников материальной культуры Самарканда, отличающихся своей величественностью и архитектурными особенностями, огромную роль сыграл историк-востоковед, краевед, археолог Василий Лаврентьевич Вяткин. Более 35 лет своей научной деятельности он отдал изучению и пропаганде истории Узбекистана, особенно Самарканда.

В. Л. Вяткин родился 18 августа 1869 г. в городе Верном (ныне – Алматы) Семиреченской области в семье казака-переселенца. После окончания учительской семинарии в Ташкенте он некоторое время работал учителем в г. Ош, затем перебрался в Самарканд, любовь к истории которого сохранил до конца своей жизни. Со временем имя В. Л. Вяткина стало неотъемлемой частью истории изучения Самарканда и его окрестностей, охраны и описания местных памятников старины, коллекционирования предметов древности и восточных рукописей.

18 апреля 1903 г. состоялось назначение В. Л. Вяткина смотрителем всех памятников Самарканда «как лица, изучающего историю Средней Азии по мусульманским источникам и, попутно, вопросы по истории памятников строительного искусства, а главное, как лица, знающего разговорный и письменный язык местных»¹. В обязанности В. Л. Вяткина входил надзор за состоянием сооружений, организация ремонтных мероприятий. Свою деятельность на данном поприще он, не теряя времени, начал с докладной записки на имя Военного губернатора Самаркандской области² о состоянии исторических памятников Самарканда. В ней он поставил вопрос о необходимости обращения «с соответствующими ходатайствами одновременно к 1) правительству, 2) к Самаркандскому городскому хозяйственному управлению, 3) к Императорской Археологической Комиссии и 4) к частной благотворительности, испросив разрешение на открытие подписки для пополнения специального фонда на

¹ Письмо Туркестанского генерал-губернатора Археологической комиссии от 29/31 марта 1903 г. № 3756. Архив Археологической комиссии, д. № 693, 1895 г. (В Институте археологии АН СССР) // Ш и ш к и н В. А. Василий Лаврентьевич Вяткин (К тридцатилетию со дня смерти) // ИМКУ. Вып. 4. Ташкент, 1963. С. 145.

² ЦГА РУз, ф. Р-1591, оп. 2, д. 58, л. 9.

реставрацию и ремонт памятников древности в г. Самарканде между населением Туркестанского края и Бухарского ханства». «Мне кажется, – писал В. Л. Вяткин, – что частная благотворительность при отзывчивости мусульман на дела, связанные с «савабом» (награда в будущей жизни), к числу каковых именно и относится поддержание их святынь – памятников древности при умелом распространении, через администрацию и почетных, уважаемых лиц, среди населения подписных листов с соответствующим воззванием, должна дать благоприятные результаты»³.

За год до этого в 1902 г. в печати появилась статья В. Л. Вяткина, в которой автор сетовал на плачевное состояние самаркандских памятников и призывал официальные власти к ответственности за их сохранение. В ней, в частности, отмечалось: «...Мы ... не можем не признать, что забота о поддержании величественных памятников древности, ценных в культурно-историческом отношении, даже независимо от того, обладали они ранее вакуфною поземельной податью или нет, а единственно в силу значения их для науки, – должна лежать на правительстве»⁴.

Главное свое профессиональное предназначение В. Л. Вяткин видел в изучении и заботе о сохранности архитектурных памятников города. Все свое время он посвящал тщательному исследованию источников, в которых они упоминались. Этому способствовало знание восточных языков, изучение вакфных документов и постоянное общение с местным населением. Благодаря этим знаниям он оценивал культурное и историческое наследие Туркестана, неизмеримо глубоко переживал за состояние самаркандских памятников, требующих безотлагательной реставрации. В своей статье он был вынужден с прискорбием констатировать: «Время идет; молчаливые свидетели старины, вызывающие в нас восторг и удивление, продолжают ветшать и разрушаться: увеличиваются щели, появляются новые трещины, отваливаются карнизы, обсыпаются изразцы, вываливаются кирпичи, утрачиваются архитектурные линии. Работа по поддержанию и реставрации из года в год становится труднее и сложнее»⁵.

Кражи отдельных фрагментов исторических памятников, которые впоследствии оказывались в музеях и частных коллекциях за рубежом, он считал вандализмом. Так, в частности, в 80-х годах XIX в. французская супружеская чета Уйфальви, путешествующая по городам Туркестана с целью сбора представляющих историческую ценность предме-

³ Там же, л. 9 об.

⁴ Вяткин В. Л. К вопросу о поддержании памятников древности в Самарканде // Туркестанские ведомости. 1902. № 85.

⁵ Там же.

тов старины, будучи в Самарканде, наняла ничего еще не понимающего подростка для снятия со стен исторических памятников цветных изразцов с помощью топорика. После чего изразцы были размещены в семи ящиках и увезены во Францию⁶.

Не менее грубым нарушением прав туркестанцев и культурным ханжеством он считал снятие изразцов со зданий ансамбля Шах-и-Зинда царской администрацией для хранения их в музее Штиглица в Петербурге и с возмущением писал: «...Какое же чувство будет вызвано у мусульман надруганием над их святыней, привлекающей ежедневно даже из отдаленных мест паломников? Вправе ли мы вызывать это чувство? Наконец, один увезет двери, другой – надгильный камень, третий – облицовку с купола зданий, четвертый пожелает перетащить гробницу Тамерлана и конец этому расхищению может наступить только тогда, когда тащить нечего будет. Мы надеемся, что не только содействия, но и разрешения не последует на такое постыдное для нас дело, как варварское калечение доставшегося нам от былых времен художественного наследия»⁷.

Будучи зрителем самаркандских памятников, он из года в год вел постоянную переписку с административными органами, обращаясь с просьбой о выделении денежных средств на ремонт и реставрацию того или иного исторического здания. В частности, в мае 1912 г. В. Л. Вяткин написал докладную записку Военному губернатору Самаркандской области о необходимости производства ремонтных работ мавзолея Гур-Эмир и медресе Надир-Диван-беги⁸. В записке он в деталях описывал характер повреждения зданий, предлагал конкретные мероприятия по их реставрации и указывал точные суммы, необходимые для этого. «...Мавзолей Тамерлана, – писал В. Л. Вяткин в письме, – нуждается в неотложном ремонте, именно в заделке и замазке щелей в куполе, происшедших во время большого землетрясения 1907 года...

В этот же мавзолей крайне необходимо устроить покрытие взамен бывшего арочного свода над лестницей у главного входа с наружной стороны, так как лестница эта и высокие стены по сторонам постоянно сыры, будучи доступны для дождя и постоянно находятся в тени и никогда не просыхают, что влечет разрушение этих стен...

В медресе Надир-Диван-беги, построенной триста лет тому назад и представляющей прекрасный памятник древностей, произошли раз-

⁶ Тарих шохидлиги ва сабоклари. Тошкент: Шарк, 2001. 376-бет.

⁷ ЦГА РУз, ф. Р-1591, оп. 2, д. 58, л. 6-6об.; Ш и ш к и н В. А. Василий Лаврентьевич Вяткин (К тридцатилетию со дня смерти) // ИМКУ. Вып. 4. С. 147.

⁸ ЦГА РУз, ф. Р-1591, оп. 1, д. 11, л. 1-1об.

рушения, верх фронтона обвалился, одна стена упала до основания, ... крыша местами провалилась и покособилась, облицовка стены местами сползла. Приведение здания в сколько-нибудь приличный вид потребует крупного расхода...»⁹.

Не ограничиваясь обращением в административные органы и не дожидаясь ответа, В. Л. Вяткин искал помощи и среди местных предпринимателей и мастеров. Так, в той же записке он писал: «Для производства этой работы (ремонт купола Гур-Эмир. – Ф. Ш.) мною совместно с муттаваллием мавзолея и при участии муттаваллия мадрасы Шир-Дор наняты опытный туземный мастер за 350 рублей...

...Для исполнения этой работы (ремонт арочного свода Гур-Эмир. – Ф. Ш.) мною подыскан благотворительный туземец Мааруф-бай, которым в течение предстоящего лета будет устроено очень приличное покрытие над указанным местом...

... Ремонт взялся выполнить (медресе Надир-Диван-беги. – Ф. Ш.) самаркандский купец Мараим-бай при условии, если ему будет оказана денежная помощь со стороны администрации. Им уже для ремонта заказано жженного кирпича 50 тысяч...»¹⁰.

Судя по сохранившимся архивным документам, переговоры по данной проблеме велись в течение нескольких лет, так как помощь со стороны царской администрации поступила не сразу. Имеется письмо Императорской Археологической Комиссии, датированное 19 апреля 1916 г. за № 605¹¹, в котором, в частности, указывалось, что: «...Военным Министерством внесено в установленном порядке представление об открытии кредита в размере десяти тысяч (10.000) рублей на общее поддержание памятников старины в Туркестане, в том числе и мечети Гур-Эмир»¹².

Еще одно обращение В. Л. Вяткина касалось медресе Мирзо Улугбека, спасение и сохранение которого имеет длинную и многолетнюю историю, а начало свое, как оказалось, берет не с 1918 г., как отмечал в своей брошюре М. Е. Массон¹³, а с 1916 г. В частности, в январе 1916 г. он написал рапорт на имя Военного губернатора Самаркандской области по поводу ухудшения состояния здания медресе Улугбека в Самарканде¹⁴, в котором просил «назначить комиссию для освидетельствования

⁹ Там же.

¹⁰ ЦГА РУз, ф. Р-1591, оп. 1, д. 11, л. 1-1об.

¹¹ Там же, д. 17, л. 1-1об.

¹² Там же.

¹³ М а с с о н М. Е. Падающий минарет. Ташкент, 1968.

¹⁴ ЦГА РУз, ф. Р-1591, оп. 1, д. 15, л. 1.

минарета..., которая должна определить степень устойчивости минарета, возможность его фактического сохранения путем каких-либо приспособлений или необходимость снятия верха и до какой высоты».

Из содержания данного рапорта становится ясно, что еще в 1916 г. обнаружилась угроза падения северо-восточного минарета медресе Мирзо Улугбека, и уже тогда В. Л. Вяткин забил тревогу и начал прилагать усилия для сохранения исторического памятника, который в настоящее время составляет часть неповторимой целостной картины площади Регистан в Самарканде.

После установления советской власти в Туркестане В. Л. Вяткин наряду с другими обязанностями продолжает работу по охране памятников Самарканда и избирается председателем Самкомстариса, входившего в состав Туркомстариса¹⁵ (Комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы Туркестанской АССР). Все исследователи, приезжавшие в Самарканд с археологической или историко-архитектурной экспедицией, или с какой-либо другой научной целью, в первую очередь обращались к В. Л. Вяткину, так как он был ведущим специалистом по памятникам Самарканда.

Именно по его инициативе в 1918 г. была составлена комиссия, в состав которой вошли инженеры М. Ф. Мауэр и Б. Н. Кастальский, по оказанию «скорой помощи» минарету медресе Мирзо Улугбека, построенного в 1417-1420 гг.¹⁶

В Государственном архиве Республики Узбекистан сохранилось множество документов, протоколов, писем, обращений, свидетельствующих о том, какие невероятные практические и научные усилия были приложены для сохранения сегодняшнего облика площади Регистан в Самарканде в сложное для Узбекистана время. Как писал М. Е. Массон, «члены комиссии отчетливо сознавали, что знаменитое медресе Улугбека является памятником большого научного и художественного значения, и что главный его фасад без одного углового минарета окажется недопустимо обезображенным», так как и без этого в 1870 г. рухнул один из четырех минаретов медресе, чуть позже и – второй. Почти каждое заседание комиссии, отдельные из которых проходили прямо на площади Регистан, сопровождалось бурными спорами, касающимися скорейшего спасения и выпрямления минарета медресе. Работы велись в течение

¹⁵ Историография общественных наук в Узбекистане. Библиографические очерки / Составитель Луний Б. В. Ташкент: Фан, 1974. С. 142.

¹⁶ М а с с о н М. Е. Падающий минарет. Ташкент: Узбекистан, 1968; Ш а м у к а р а м о в а Ф. Из истории спасения минарета медресе Мирзо Улугбека // Ўзбекистон тарихи. 2006. № 1. С. 16-23.

1918-1932 гг. и были завершены успешно. Это был беспрецедентный случай в истории реставрационной практики.

Наряду со служебными обязанностями и научно-исследовательской работой в Самарканде В. Л. Вяткин со стороны Средазкомстариса откомандировывался и в разные регионы Узбекистана для ведения археологических раскопок, обследования архитектурных памятников региона и наделялся всеми полномочиями, касающимися своей деятельности¹⁷. Где бы он не работал, тем не менее всегда возвращался в родной для него Самарканд¹⁸. Этот неутомимый разносторонний ученый находился в постоянном научном поиске.

После упразднения предшественника Туркомстариса – Средазкомстариса В. Л. Вяткин был также первым председателем Узкомстариса, находившегося в Самарканде.

Трудно переоценить роль В. Л. Вяткина в изучении и сохранении бесценных культурных памятников Самарканда. Не имея специального образования, он в высшей степени состоялся как талантливый исследователь, превосходный организатор, большой энтузиаст, бескорыстно увлеченный своим делом. За открытие в 1908-1909 гг. остатков обсерватории Мирзо Улугбека В. Л. Вяткин по праву был удостоен золотой медали имени акад. В. Р. Розена. Но, пожалуй, главным критерием признания его деятельности можно считать огромное уважение среди местного населения Самарканда.

Таким образом, научная и практическая деятельность В. Л. Вяткина в изучении и сохранении историко-культурных памятников Самарканда и ее результаты служили научной базой для более глубоких и разносторонних научных исследований ученых последующих поколений.

Ф. Шомукарамова

Самарканд ёдгорликларини ўрганиш ва асрашда В. Л. Вяткиннинг роли

Мақолада тарихчи-шарқшунос, ўлкашунос ва археолог В. Л. Вяткиннинг Самарканд моддий маданият ёдгорликларини ўрганиш ва асрашдаги роли ёритилган. Мақола Ўзбекистон Республикаси Марказий

¹⁷ ЦГА РУз, ф. Р-1591, оп. 2, д. 7, л. 1, 3, 4, 7, 8.

¹⁸ Судя по одному архивному документу, В. Л. Вяткин большую часть служебной и научной работы предпочитал выполнять дома. В этой связи председателем Облгорисполкома было подписано удостоверение на выделение ему дополнительной жилплощади в размере 20 кв. аршин. См: ЦГА РУз, ф. Р-1591, оп. 2, д. 7, л. 2.

Давлат архивида сақланаётган «В. Л. Вяткиннинг шахсий фонди» нинг бой маълумотлари ҳамда нашр этилган адабиётларга асосланган холда ёзилган.

F. Shamukaramova

V. L. Vyatkin and his role in studying and preservation of the Samarkand monuments

The present paper discusses the work of V. L. Vyatkin, the historian and orientalist, regional ethnographer and archaeologist, and his role in studying and preservation of the Samarkand monuments. The paper is written both on the basis of the rich archival material available in the personal V. L. Vyatkin's archival fund from the Central State Archives of the Republic of Uzbekistan, and on reviewing the previously published literature.

А. Ходжаев

СВЕДЕНИЯ О ТАШКЕНТЕ В КИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ ДРЕВНЕГО ПЕРИОДА I. Сведения «Шицзи» (Исторические записки)

Побывавших в Ташкенте китайских путешественников – дипломатов, военных чиновников, буддийских монахов и торговцев немало. Но оставивших за собой письменные сведения об этом городе немного. Одним из таких дипломатов является Чжан Цян (张骞 – время его рождения неизвестно, но время смерти датируется 114 г. до н. э.). Как известно, он дважды побывал на территории современных республик Центральной Азии. Первый раз посетил Фергану (Дайюань, Давань 大宛), Кангкия (康居 современное чтение (далее – совр. чт.) Канцзюй) и Дайрузие (大月氏 сов. ч. Даюэчжи). В то время южная граница владений Кангкии доходила до Амударьи, а ее столица была расположена вблизи современного Ташкента¹. Второй раз он посетил царства Усуэн (Asuэн,

¹ Ходжаев А. Сведения китайских источников о южных границах государства Кангкия (Канцзюй) // Ўзбекистон этнологияси: янгича қарашлар ва ёндашувлар. Тошкент, 2004. С. 67-75; Егуже. Сведения китайских источников о государстве Кангкия (Канцзюй) // Shygys Kazakhstan. 2005. № 2. С. 96-108.

Usuən 烏孫совр. чт. Усунь), Ямтсай (奄蔡 совр. чт. Яньцай). В те страны, которые он посетил ранее, отправил своих представителей. Выполняя дипломатическую миссию о заключении союза с дайрузийцами против империи хуннов (сюнну 匈奴), Чжан Цянь достаточно хорошо изучил страны Центральной Азии, разногласия между ними, а также их оборонную способность. Собранный им информация была доложена императору У-ди династии Западной Хань (Сихань – 206 до н. э. – 8 н. э.). Его докладные записки не сохранились, но их содержание было кратко отражено в известной «Шицзи» (Исторические записки), автором которой считается Сима Цянь (司馬遷 время рождения относится к 145-135 гг. до н. э., дата смерти неизвестна) и «Хань шу» (История династии Хань), написанной дворцовым историком Бан Гу (班固 32-92). Время написания первого источника относится к 104-91 гг. до н. э., а второго – к 85-92 гг. н. э.

В первом источнике говорится лишь о существовании на Западе Памира и Тангригога (Тянь-Шань)² царств Кангкия (Канцзюй) наряду с указанными царствами Дайюань (大宛 Давань), Усуэн (烏孫 Усунь), Ямтсай (奄蔡 Яньцай), Дайджа (Daija 大夏 Дася), Дайрузие (大月氏 Даюэчжи) и Диеуджие (Dieu-jie 條枝 Тяочжие), их связей с империей хуннов, отдаленность от китайской столицы Чанъань (современный Сиань). Во втором источнике имеются более подробные сведения об этих странах. Из них сведения о царстве Кангкия имеют непосредственное отношение к современной Ташкентской области, так как здесь была расположена его столица. В частности, в разделе, посвященном царству Кангкии «Хань шу», отмечается:

«康居国王冬治樂越匿地 (師古曰樂音來各反) 到卑闐城去長安萬二千三百里不屬都護至越匿地 (師古曰闐音徒千反) 馬行七日至王夏所居蕃內九千一百四里 (師古曰王每冬寒夏暑則徒別居不一處) 戶十二萬口六十萬勝兵十二萬人東至都護治所五千五百里與大月氏同俗東羈事匈奴師古曰爲匈奴羈所也»³.

Перевод:

«Правитель (ван) государства Кангкия зимой живет на земле Лэкакциватниек (совр. чт. Лэюэни) в городе Пиедакянь. Шигу⁴ говорят: Лэ

² Китайский топоним Тянь-шань (天山) является переводом тюркского топонима Тангригог, означающего Небесные горы или Высокие горы. В уйгурской исторической литературе КНР используется тюркское название этих гор. Однако в русскоязычной литературе используется китайское название, а эта традиция продолжается в трудах многих узбекских авторов.

³ Б а н ь Г у. Хань шу // Эршиси ши. Т. 2. С. 2371(1163).

⁴ Шигу, полностью Янь Шигу 顏師古 – китайский историк, живший в 581-645 гг.

произносится Лайгэ⁵ [Расстояние от Пиедакянь] до Чаньяня составляет 12300 ли [7084.8 км]. [Государство Кангкия] не подчиняется [ханьскому] духу [представителю]. *Шигу говорят: Тянь произносится дакянь*⁶. [От Пиедакянь] до района Лайгэни верхом 7 дней езды. [Расстояние от Чаньяня] до летнего места жительства Пиванней 9104 ли [около 5243.9 км]. *Шигу говорят: каждую холодную зиму и знойное лето правитель меняет место жительства.* Население [государства] состоит из 120 000 семейств, 600 000 душ; численность воинов 120 000 человек. [Расстояние] до места пребывания духу на востоке составляет 5550 ли [3196.8 км]. [Жители царства Кангкия] имеют одинаковые обычаи с большими рузийцами. [Царство] Кангкия подчиняется хуннам, [расположенным] на востоке [от него]⁷.

Комментарий:

1. Название царства Кангкия (Kangkia 康居)⁸ на современном китайском языке произносится Канцзюй, в переводах Н. Я. Бичурина оно написано Кангуй, что является искаженной транскрипцией. К сожалению, все авторы, которые опирались и опираются на работы этого русского ученого, использовали и продолжают использовать его транскрипцию. Эта практика имеет место в трудах крупных узбекских ученых Ю. Ф. Бурякова, М. И. Филанович и др., которые занимаются изучением истории Ташкента. Во многих статьях, опубликованных в сборнике «Материалы Международной конференции «Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет», также можно найти множество примеров использования топонима «Кангуй», который не соответствует ни современному, ни древнему произношению иероглифов.

Обычно иероглиф kang (康) используется в значении радость, здоровье, спокойствие, пространство. В древности он был использован также в значении перекрестка дорог, места пересечения дорог, ведущих во все четыре стороны⁹. С древних времен его произношение не изменилось. Иероглиф jü (居) произносится также ji, его древнее про-

⁵ Во время династии Хань иероглиф «лэ» произносили «лайгэ». Следовательно, Лэюэни в древности произносили как «Лайгэ-юэни» (Лайгюэни) [См. Комментарий Шигу. Бань Гу. Хань шу // Эршиси ши. Т. 2 (24 история). Пекин; Шанхай, 1958. С. 2371 (1163)].

⁶ В древности иероглиф «тянь» 天 произносился «дакянь».

⁷ Бань Гу. Хань шу // Эршиси ши. Т. 2. С. 2371 (1163).

⁸ Для определения древних китайских иероглифов мы пользуемся китайским словарем «Ханьцзы гуэин шоуцэ» (Справочник древних произношений китайских иероглифов). Пекин, 1986. Данный словарь составлен на основе обобщения всех трудов древнекитайских историков, посвященных чтению и этимологии иероглифов.

⁹ Ханьюй дацзыдянь. Т. 2. С. 891-892.

изношение *kia, kio*. В первом чтении он означает место жительства, место расположения кого-то или чего-то, нахождение на одном месте, захватывание или занятие места, а во втором чтении – слово, вопросительный знак. Его использование во втором чтении относится к древнему периоду¹⁰.

Происхождение топонима Кангкия как название царства может быть связано с названием древнего города Канка, расположенного в 70 км к югу от современного Ташкента¹¹. Как отмечают Ф. Максудов и Г. Бобояров, по мнению некоторых европейских историков, слово *kānk* на тохарском языке означало камень или породу камня¹². Основываясь на данном мнении, можно предположить, что китайский иероглиф *kang* является транскрипцией *kānk* (камень). Отсюда следует понимать, что слово *kang-jü* означает место расположения камня или драгоценного камня. Такое объяснение этимологии топонима Кангкия является новым и выглядит весьма обоснованным.

2. Иероглиф *лэ* (*lè, le* 樂) в древности произносился *лэаук* и *лэк*. Однако, как отмечается в первом комментарии Шигу (полностью Янь Шигу), его нужно произносить *лайге* 來各. Но поскольку этот китайский ученый жил в 581-645 гг. и в то время иероглифы еще не приобрели современного произношения, следует использовать их древнее чтение. В древности первый иероглиф *лай* произносился *лэ*, второй – *как*. Следовательно, *лайге* нужно произносить как *лэкак* (*lèkak*). Древнее чтение иероглифа *ни* (匿) было *ниек* (*nièk*). На этой основе можно прийти к выводу, что имеющийся в «Хань шу» топоним *Лэюэни* (樂越匿) нужно транскрибировать как *Лэкакцзиватниек* (*lèkak-jíwat-nièk*). В приведенном фрагменте данного источника этот топоним использован как название области или района, где был расположен столичный город *Пиедакянь* (Битянь).

3. В современном китайском языке иероглиф «би» (*bì* 卑) читается также *бей* (*bei*), имеет значение низкий, подлый, маленький, мягкий, пренебрежение, посланник. На древнекитайском языке использовался также в качестве местоимения – я, мой покорный слуга¹³. В древности этот иероглиф произносился *пие* (*piè*). Иероглиф «тянь» (*tiān* 闕) в древ-

¹⁰ Там же. Т. 2. С. 969.

¹¹ Ф и л а н о в и ч М. И. Ташкент: зарождение города и развитие городской культуры в древности и средневековье // Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет. Труды Международной конференции. Ташкент, 2009. С. 48.

¹² М а к с у д о в Ф., Б о б о я р о в Г. К этимологии топонима Чач // Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет. Труды Международной конференции. С. 204.

¹³ Ханьюй дацзыдянь. Т. 1. С. 63.

ности произносился дянь (dien) и использовался в значении большой и цветущий, полный. Но поскольку во втором подстрочном комментарии Янь Шигу указано, что его нужно произносить как тучянь (徒千), что в древности произносилось как дакянь (da-kian), на этой основе мы считаем, что Битянь нужно произносить Пиедакянь (Piedakian). В китайском языке иероглифы da и kian вместе не составляют какое-либо целое слово. Поэтому можно считать, что Пиедакянь использован для транскрипции местного топонима, который по звучанию напоминает Паркент, Бинакет, Баткент.

4. Встречаемый в фрагменте термин духу (都護) является должностью, учрежденной в период императора Сюань-ди (73-47 до н. э.) династии ранний Хань (220 до н. э. – 8 н. э.) с целью слежения за событиями в тех странах, которые имели связь с Китаем или рассматривались династией Хань как «шугу» (屬國) – входившие в сферу влияния государства или страны. Ханьские императоры включали в понятие этой категории все страны, которые установили торгово-дипломатические связи. По значению иероглифов этот термин означает главный защитник, контролер и надзиратель. На эту должность назначались представители местной знати, имевшей симпатию к Ханьской империи, и связывали свои интересы с ней. Лица, назначенные на эту должность, должны были следить за событиями в этих странах, за передвижением караванов, дипломатов и своевременно сообщать всю информацию ханьскому двору. Лица, занимавшиеся такими делами в Восточном Туркестане и странах, расположенных западнее этого региона, назывались «Сиюй духу» (西域都護)¹⁴.

Во второй половине I века резиденция первого ханьского представителя (духу 都護) Чжэн Цзи была расположена в городе Улэй¹⁵, который соответствует современному городу Бугур в Восточном Туркестане¹⁶. Он расположен восточнее Кучара (Гуйцзи, Куча), слишком далеко от Пейдакяня (Бейтяня). Поэтому расстояние 7-дневной верховой езды нельзя отнести к интервалу между Улэй (Бугур) и Пиедакянь.

5. В китайских источниках этнопоним Большое рузие (современное произношение Большое юэчжи) встречается в двух значениях: 1) название рузийцев (юэчжи), переселившихся из Восточного Туркес-

¹⁴ Чжунго лидай гуаньчжи цыдянь (Словарь китайских исторических административных должностей). Хэфэй, 1991. С. 812-813.

¹⁵ Там же. С. 2064 (856).

¹⁶ Фэн Чэнцзюнь. Сиуй димин (Топонимы западных стран). Предисловие. Место изд. не известно. 1929. С. 56.

тана к берегам Амударьи во второй половине II века до н. э. 2) наименование царства, созданного рузийцами на южном побережье этой реки. В приведенном фрагменте «Хань шу» он использован в первом значении.

6. Комментируя предложение «[Жители царства Кангкия] имеют одинаковые обычаи с большими рузийцами», следует отметить, что древнекитайские авторы его понимали по-разному. Одни считали, что в понятие сродства обычаев (тунсу 同俗) включается также сродство языка, другие исключают такое сродство. Возникает естественный вопрос о том, какое мнение в данном примере является предпочтительным. Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, уместно обратить внимание на следующие сведения китайских источников.

Например, в разделе «Повествование о западных странах» (Сиюй чжуань), аналогичном разделе истории династии Вэй («Вэй шу») отмечено: «Государство Яйпань (Yiwatpuan-guo, Jiwatpuan-guo 悦般国, совр. ч. Юэбань-гуо) расположено на северо-западе Усуня (烏孫)... Его традиции и язык одинаковы с гаочэ (高車同)»¹⁷. Далее в этом источнике написано: «Гаочэ является частью потомков читиек (赤狄 совр. чт. чиди), в начале они назывались тиеклэ (狄歷 совр. чт. дили), на севере их называли Чилэ (敕勒), китайцы (諸夏) – гаочэ-динлин (高車丁零). Их язык в целом не отличается от языка хуннов, имеется лишь небольшая разница»¹⁸.

В этом источнике также написано «Государство Персия (波斯国). было древним государством Тяочжи (條支国). ... язык и письменность сильно отличаются от гузских (胡书)»¹⁹.

В 191-й главе сочинения «Тундянь» написано: «Обычаи у Большого Рузие одинаковы с хунскими»²⁰, «Усунь и хунны имеют одинаковые обычаи»²¹, «предки тюрков были смешанные гузы (заху 杂胡) в Пинляне²², ... их обычаи не отличаются от хунских, их письменность одинакова с гузскими²³... Гаочэ являются потомками древних южных тюрков (赤狄) ... их язык в целом не отличается от хунского, имеется лишь небольшая разница»²⁴ ... яйпанцы (悦般) ... составляли

¹⁷ Вэй шу // Эршиси ши. Т. 8. С. 9700 (1318).

¹⁸ Там же. С. 9721 (1339).

¹⁹ Там же. С. 9702 (1320).

²⁰ Тундянь. Т. 3. С. 2734.

²¹ Там же. С. 2724.

²² Название местности в Хэсиском коридоре.

²³ Тундянь. Т. 3. С. 2814.

²⁴ Там же. С. 2810; Тайпин хуаньюй цзи. Цзюань (глава) 194. С. 4.

племя Тангри-кута северных хуннов ... их обычаи и язык одинаковы с языком гаочэ²⁵. В «Чжоу шу» отмечается: «Основатели государства Яда были потомками больших рузийцев, жили на западе Хотана (于阗), их законы и обычаи были одинаковы с тюрками (突厥)»²⁶. В «Суй шу» отмечено: «Предками телэ (鐵勒 – тюрклер) были потомки хуннов, в их составе было очень много родов, которые имели свое название, но носили общее название телэ (тюрклер), их обычаи в целом одинаковы с туцзюэ (突厥 – тюрками)»²⁷. В 217-й главе «Синь Тан шу» написано: «Предками хуэйхэ (回纥 – уйгуров) были хунны, ... В период Юаньвэй (元魏 – первый Вэй)²⁸ они назывались гаочэ»²⁹. В 194-й главе «Тайпин хуаньюй цзи» отмечено: «Гаочэ относятся к южным тюркам (赤狄) ... их язык в целом одинаков с языком хуннов»³⁰. Подобных примеров можно привести целое множество. Но они в достаточной степени могут быть аргументами тюркского происхождения рузийцев.

Комментируя эти сведения, можно отметить: 1. Время существования государства Яйпан относится ко второй половине V в. Оно было создано потомками северных хуннов. Иероглифы, с помощью которых китайцы писали термин Яйпан, в наше время читаются Юэпань, в древности они читались Йетпуань, Йиватпуань (Yiwatpuan, Jiwatpuan)³¹. 2. Тиек (ди) является наиболее ранней китайской транскрипцией этнонима тюрк. Его появление в китайских письменных памятниках относится ко второму тысячелетию до нашей эры. В древности читиек (чиди) означал южные тюрки, так как иероглиф чи (赤 – красный) древними китайцами был использован для обозначения юга. 3. Чилэ (敕勒) является разночтением этнонима тиетлэ (телэ – тюрклер) периода III – V вв., который также служит китайской транскрипцией этнонима тюрклер.

²⁵ Тундянь. Т. 3. С. 2749; Ли Яньшоу. Бэй ши (История северных династий) // Эршиси ши. Т. 9. С. 13848 (1292); Тундянь. Т. 3. С. 2749.

²⁶ Линху Дэфэн. Чжоу шу (История династии Чжоу) // Эршиси ши. Т. 9. С. 10868 (424).

²⁷ Ли Яньшоу. Суй шу (История династии Суй) // Эршиси ши. Т. 9. С. 11718 (840); Ли Яньшоу. Бэй ши // Эршиси ши. Т. 9. С. 13881 (1325).

²⁸ Юань Вэй – другое название династии Северный Вэй, просуществовавшей в 386–535 годах.

²⁹ Оу Янсю, Сун Ци. Синь Тан шу (Новая история династии Тан) // Эршиси ши. Т. 13. С. 16934 (1520).

³⁰ Тундянь. Т. 3. С. 2810; Тайпин хуаньюй цзи. Цзюань. 194. С. 4.

³¹ Ходжаев А. Сведения китайских источников о царстве Яйпан // Ўзбекистон этнологиясининг долзарб муаммолари. Тошкент; Наманган, 2007. С. 59–63.

4. Дайрузие (даюэчжи) является китайским названием рузийцев³², переселившихся из Восточного Туркестана к берегам Амударьи. 5. Туцзюэ является китайской транскрипцией тюрклер периода после V в. Вначале данный этноним появился в качестве названия племени тюрк, в состав которого входили потомки Ашины. Позже тюцзюэ стал общим названием всех тюркских племен³³.

Сопоставительный анализ приведенных сведений древнекитайских источников показывает, что рузийцы (юэчжи), хунны, усунь, гаочэ (канли) и племя тюрк – потомки Ашины имели одинаковые обычаи и использовали одинаковый язык – тюркский. Следовательно, в понятие «одинаковые обычаи» (тунсу) в приведенном фрагменте «Хань шу» включали и сходство языка.

7. По поводу подчинения царства Кангкия хуннам в 94-й главе «Хань шу» отмечено: «Крувран (Лоулань), Усун, Угузы (Хуцзе) и все окружающие их 26 царств оказались в подчинении хуннов (сюнну), все люди, умеющие пользоваться луком, стали одной семьей»³⁴. Это событие происходило вскоре после прихода Батур-тангрикута (Маоду, Маодунь 冒頓) к власти в 209 г. до н. э.

8. Приведенный фрагмент «Хань шу» Н. Я. Бичурином был переведен следующим образом.

³² В течение нескольких лет до середины II века до н. э. рузийцы жили на пастбищах, расположенных в восточной части Танритага (Тянь-Шань), т. е. горных равнинах, и пастбищах в районах Урумчинской и Карашарской областей Восточного Туркестана до верховьев реки Хуанхэ в провинциях Ганьсу и Цинхай. Использованные для написания термина юэчжи иероглифы вошли в оборот с III в. В древности они читались Рузие, Рутзие, Руцье. Автор данной работы, опираясь на древнее чтение иероглифов юэчжи (月氏), счел нужным произносить их Рузие [Х о д ж а е в А. О трансформации «юэчжи» из топонима в этноним // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 3. Уральск, 2004. С. 68-77; Е го ж е. О трансформации «юэчжи» из топонима в этноним // O'zbekiston tarixi. 2005. № 1. С. 3-14; Е го ж е. Сведения китайских источников о тюркском происхождении Кушанского царства // АРАИС – специальное приложение к журналу «Аранс». Казань, 2006. С. 8-17].

³³ Х о д ж а е в А. О самой ранней китайской транскрипции этнонима тюрк // Актуальные проблемы китаеведения: Вопросы филологии, политики, экономики и философии. Ташкент, 2006. С. 12-17; Е го ж е. Сведения китайских источников о тюрках II и I тыс. до нашей эры // Взаимодействие Казахстана с сопредельными странами в XVIII – начале XX в. Современный взгляд на проблемы. Актюбинск, 2004. С. 16-22; Е го ж е. Древнейшая китайская иероглифическая транскрипция этнонима тюрк // Shygys Kazakhstan. 2008. № 1. С. 7-26.

³⁴ Б а н ь Г у. Хань шу // Эршиси ши. Т. 2. С. 2322 (1114).

«Кангюй. Кангюйский владетель пребывание имеет в стране Лоюэни, в городе Битянь, за 12 300 ли от Чан-ань. Он не зависит от наместника. От Лоюэни семь дней пути до летнего владетелева местопребывания. Окружность земель его составляет 9140 ли. Народонаселение состоит из 120 000 семейств, 600 000 душ; строевого войска в 120 000 человек. На восток до местопребывания наместника 5550 ли. Обыкновения одинаковые с Большой Юэчжы. Кангуй на востоке подчинен хуннам»³⁵.

В переводе Н. Я. Бичурина в начале первого предложения пропущено слово «зимой», а предложение «Расстояние [от столицы Ханьской империи Чанъань] до места летнего пребывания правителя Фаньней составляет 9140 ли» – им переведено «Окружность земель его составляет 9140 ли». Пропущены также первые два комментария, в которых речь идет о древних чтениях иероглифов лэ (樂) и тянь (闕).

Л. А. Боровкова перевела первую часть этой информации следующим образом:

«Зимняя ставка правителя в земле Лэюэни, в г. Битянь, от Чанъань 12300 ли... До земли [Лэ]юэни семь дней конной езды, до летнего местопребывания правителя в Фаньней – 9104 ли»³⁶.

На первый взгляд, данный перевод сделан более точно и дословно. Тем не менее, он оставляет ряд вопросов. Прежде всего, не понятно, откуда до Чанъань 12300 ли, до Лэюэни 7 дней верховой езды. По переводу Л. А. Боровковой трудно понять точную мысль автора оригинала.

Более правильный по содержанию перевод этой части осуществлен на уйгурский язык (с арабской графикой) сотрудниками Научно-исследовательского института Центральной Азии при Синьцзянском университете. В переводе на русский язык она выглядит следующим образом:

«Зимняя столица ханства Канга Лэюэни, отсюда можно добраться до города Бийтянь. Расстояние от Бийтянь до Чанъаня составляет 12300 ли, не подчиняется учреждению наместника. От Битяня до Лэюэни верхом 7-дневная езда. Летняя столица город Фаньни находится на расстоянии 9140 ли. Население – 120 тысяч семей, 600 тысяч душ, годные для военной службы 120 тысяч человек. На востоке до резиденции духу 5550 ли. Обычай похожи на тохарские. Ханство Канга существует под контролем хуннов на востоке»³⁷.

³⁵ Б и ч у р и н Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3 т. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 184.

³⁶ Б о р о в к о в а Л. А. Запад Центральной Азии во II в. до н. э. – VII в. н. э. М., 1989. С. 63.

³⁷ Х а н н о м а (Хань шу). Урумчи, 1994. С. 873-874.

Однако в данном переводе с целью точной передачи смысла текста оригинала авторы без использования соответствующих знаков от себя добавили некоторые слова, которые отсутствуют в оригинале, и допустили пропуск. Например, в первом предложении пропущено слово «ди» (地) земля, или местность, а в последнем – добавлены слова «От Битянь» и «город» (城) перед топонимом Фаньней. Этим добавлением слово «Фаньней» превращено в название города, окруженного стенами, что искажает содержание оригинала.

9. Дайрузие (даюэчжи) переведен как тохри, что является уйгурским произношением этнонима тохар. Идентификация дайрузие с тохарами будет неправильной. Мы в своих исследованиях доказываем, что этимология этнонима рузие (ручжи, юэчжи) связана с их тотемом огуз (бык) – символ могущества. Этноним тохар был названием одного из сакских племен, переселившихся к южным берегам Амударьи задолго до переселения сюда рузийцев. Лишь позднее в индийских источниках они назывались *тохарами*³⁸. На этой основе европейские ученые считают, что тохары являются собственно этническим названием *юэчжи*³⁹.

10. На наш взгляд, термин «Фаньней» нельзя воспринять как название города. Если обратить внимание на значение двух иероглифов «фань+ней», то они означают местность, насыщенную лесом и дикими растениями. К тому же в оригинале после иероглифов «фаньней» нет определения, т. е. не указано, являются ли они названием города или местности. В подстрочных комментариях к данному тексту отмечено, что «правитель [царства Кангкия] в холодную зиму и знойное лето жил в разных местах»⁴⁰. Это дает основание полагать, что термин «фаньней» следует понимать как место летнего отдыха – «яйлов» («джайлов»), т. е. стойбище. Как правило, на пастбищах не строили города, а жили в юртах. Видимо, по этой причине в китайской справочной литературе «фаньней» отсутствует как топоним.

11. В указанных трех переводах при написании китайских топонимов использовано современное чтение иероглифов.

³⁸ Сиюй тунши. С. 49; Ван Чжилай. Чжунъя шиган. С. 91- 94.

³⁹ Там же. С. 90; Чжунго дабайкэ шоаньшу. Чжунго лиши. С. 736.

⁴⁰ Б а н ь Г у. Хань шу (История династии Хань) // Эршиси ши (24 история). Т. 2. Пекин-Шанхай, 1958. С. 2371 (1163). Хань шу часто называют Чянь Хань шу. Она была написана большой группой дворцовых историков. Бань Гу является последним автором, которому суждено было довести ее до завершения. Поэтому ему приписывается авторство. Позже посвященная астрономии часть сочинения была написана после смерти Бань Гу.

Приведенное сведение «Шицзи» показывает, что зимняя столица царства Кангкия была расположена рядом с современным городом Ташкент.

Первое упоминание города Ташкент имеет место в «Хань шу». Об этом было отмечено К. Шаниёзовым⁴¹. В этой истории династии ранней Хань приводятся весьма интересные сведения о 5 городах, где были резиденции 5 удельных правителей. Один из этих городов имеет отношение к Ташкенту. Например, в первой части главы «Сиюй» («Западные страны») [4]) «Хань шу» отмечено:

«康居有五小王 … 三曰罽匿王治罽匿城»⁴²

«В Кангкие имеются 5 малых правителей... Третьего звали Кеангниекский правитель, [его резиденция] находилась в городе Кеангниек».

Перевод данной информации имеет место также в работе Н. Я. Бичурина⁴³. Однако он не обеспечен нужными комментариями. Кроме того, в его переводе топоним Кеангниек использован в современном произношении как «Юни» и «Юйни». В настоящее время данная традиция продолжается в трудах историков, которые использовали перевод ученого. Она демонстрировалась также в выступлениях ученых, на международной конференции (26-27 мая 2009 г.), посвященной 2200-летию Ташкента. Эта традиция имеет место также в опубликованном сборнике материалов этой конференции⁴⁴.

Согласно словарю «Ханьюй гуйин шоуцэ» (Словарь древних произношений китайских иероглифов), иероглиф ю (yu 罽) в прошлом произносился uīwa, а иероглиф ни (匿) – niék. На этом основании Юни можно было бы произносить Йиваниек. Однако в размещенном в указанной информации подстрочном комментарии китайского историка Янь Шигу (сокращенно Шигу), жившего в 581-645 гг., указано: «Шигу говорит [иероглиф] «ю» произносится как «гэн» (師古曰罽音庚)». Иероглиф гэн (geng) в древности произносился кеанг (keang)⁴⁵. Поэтому в своем переводе мы сочли нужным использовать этот вариант произношения иероглифа ю. Кеангниек очень близок к топониму Канха или Канка, который локализуется в современном Аккурганском районе Ташкентской области.

⁴¹ Шаниёзов К. Қанғ давлати ва қанғлилар (Государство Канг и канглицы). С. 43.

⁴² Бань Гу. Хань шу (История династии Хань) // Эршиси ши. Т. 2. С. 2371 (1163).

⁴³ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. С. 186.

⁴⁴ Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет // Труды Международной конференции. Ташкент, 2009.

⁴⁵ Бань Гу. Хань шу // Эршиси ши. Т. 2. С. 2371 (1163).

По значению иероглиф *keang* (ю 罽) означает разбитая посуда, испорченный, дряхлый, а иероглиф *niek* (ни 匿) – скрытый. Вместе они означают «тайна старения» или «испорченная посуда». Поэтому трудно говорить, что они имеют отношение к драгоценным или обычным камням. Однако существует мнение, что на тохарском языке «*kanq*» означает «камень»⁴⁶. На этом основании можно считать, что иероглиф *keang* является китайской транскрипцией этого тохарского слова, а *keang-niek* вместе означает скрытые камни, т. е. залежи камней.

Весьма важным моментом является то, что, используя указанные сведения «Хань шу», необходимо определить время существования города Кеангниек как центра удельного владения. Но для этого в китайских источниках нет прямого указания. Имеются некоторые косвенные данные, которые позволяют считать, что во II в. до н. э. город Кангниек существовал как центр одного из пяти удельных владений в составе царства Кангкия. Так, написание истории династии Хань (Хань шу) было начато дворцовым историком Бань Бяо (3-54) и продолжено его сыном Бань Гу (32-92) и дочерью Бань Чжао (49-120). Время завершения написания источника относится к третьей четверти первого века нашей эры. При написании данной истории использованы сведения из написанного в 50-91 гг. до н. э. сочинения Сыма Цяня «Ши цзи» (Исторические записки). Включенные в это сочинение сведения о странах Центральной Азии базируются на не дошедшей до нас докладной записке первого китайского посланника Чжан Цяня, побывавшего в царствах Дайюань (Давань), Кангкия (Канцзюй), Дайрузие (Даюэчжи) и др. в 129-128 гг. до н. э. Этот посланник смог пройти в царство Дайрузие, которое было расположено на южном побережье Амударьи, с помощью правителя Древней Ферганы (Дайюан, Давань), так как в то время территории современных ныне Кашкадарьинской, Самаркандской, Бухарской и Ташкентской областей входили во владения царства Кангкия (Канцзю)⁴⁷.

В написанной в 1044-1060 гг. «Новой истории династии Тан» (Синь Танг шу), авторами которой являются дворцовые историки Оу Янсю и Сун Ци, указано:

«王姓石治柘折城姑康居小王罽匿城地»⁴⁸. Данный фрагмент переводится как:

⁴⁶ Максудов Ф., Бабаяров Г. К этимологии топонима Чач // Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет. С. 201.

⁴⁷ Сведения китайских источников о южных границах государства Кангкия (Канцзюй) // Узбекистон этнологияси: янгича қарашлар ва ёндашувлар. Ташкент, 2004. С. 67-75.

⁴⁸ Оу Янсю, Сун Ци. Синь Тан шу // Эршиси ши. Т. 13. С. 16969 (1555).

«Фамилия правителя называется Ши, правит страной в городе Чячат (современное произношение Чжэчжэ), расположенном на месте древнего города Кеангниек (Юни), где находилась резиденция малого правителя Кангкии (Канцзюй)».

При внимательном чтении данной информации можно выделить ее важную часть о том, что город Чячат (Чжэчжи) расположен на месте древнего города Кеангниек (Юни) 柘折城姑窳匿城地. По древнему чтению можно определить, что Чячат – китайская транскрипция топонима Чач, который является названием города. Уместно отметить, что последний иероглиф ди (地) обычно используется в значении земля, территория. Но в древности этот иероглиф использовался также в значении месторасположения чего-то или что-то⁴⁹.

Сопоставление приведенных сведений «Хань шу» и «Синь Тан шу» позволяет считать, что город Чячат (Чжэчжэ-чэн 柘折城) периода Танской империи (618-907) был расположен на месте города Кеангниек (Юни 窳匿), существовавшего еще во втором веке до нашей эры в качестве центра удельного владения в рамках царства Кангкия (Канжюй-го 康居国).

Однако здесь, по меньшей мере, возникают два вопроса: когда и по какой причине город Кеангниек переименован в Чач или он исчез в последствии стихийных бедствий, после чего рядом построен новый город под названием «Чач». В китайских источниках нет сведений, которые могли бы внести ясность в эти вопросы.

В согдийской надписи, найденной в Культобе в долине реки Арысь Чимкентской области и относящейся ко II в. н. э., учеными Н. Симсом-Вильямсом и Ф. Грене выявлен топоним Чач⁵⁰. Топоним Чач упомянут также в надписи, относящейся к 262 г. Сасанидского царя Шапура-1 в Иране⁵¹. Эти факты показывают, что переименование города Кангниек в Чач произошло не позднее второго века нашей эры.

Существует мнение о том, что Чач трансформирован от древнетюркского слова таш (таш) и чеч (сеч), означающего камень⁵². В последнее

⁴⁹ Ханьюй дацзыдянь. Т. 1. С. 421.

⁵⁰ Максудов Ф., Бабаяров Г. К этимологии топонима Чач // Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет. С. 201.

⁵¹ Филанович М. И. Ташкент: зарождение города и развитие городской культуры в древности и средневековье // Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет. С. 48.

⁵² Исхаков М., Камалиддин Ш., Бабаяров Г. Титулатура доисламских правителей Чача. Ташкент, 2009. С. 39-40; Алимова Д. А., Филанович М. И. Тошкент тарихи / История Ташкента (с древнейших времен до наших дней). Ташкент, 2009. С. 25

время, ссылаясь на работу Ю. Ф. Бурякова, некоторые узбекские ученые считают, что Чач означал драгоценный камень – бирюза⁵³.

Приведенные в «Синь Танг шу» сведения Н. Я. Бичурином были переведены на русский язык следующим образом:

«Владелец прозывается Ши; пребывание имеет в городе Чжеси. Это место принадлежало городу Юйни малого кангюйского владетеля»⁵⁴.

Перевод русского ученого имеет некоторые недостатки. Во-первых, в этом переводе иероглиф синь (姓), имеющий значение фамилия, переведен как «прозывается». В Древнем Китае фамилию связывали с божественным даром и на название фамилии правителя обращали серьезное внимание, ее не путали с именем человека, которое он получает при рождении от родителей. Поэтому иероглиф синь нельзя переводить как глагол.

Во-вторых, в переводах Н. Я. Бичурина иероглиф уи (羸) использован в разных чтениях. Например, как указывалось, при переводе сведений «Хань шу» иероглиф уи (羸) транскрибирован как «ю», а в переводе сведений «Тан шу» – «юй». В Китайско-русском словаре, составленном под руководством И. М. Ошанина, этот иероглиф дается во втором чтении⁵⁵. Не посмотрев на иероглиф, трудно узнать, что «ю» и «юй» являются одним иероглифом. В большом китайском иероглифическом словаре указано, что он произносится уи⁵⁶. Человек, не знающий китайского языка, может перепутать ю (羸) с другим иероглифом юй (玉), имеющим значение «нефрит» и «драгоценный камень».

В-третьих, в этом переводе второе предложение «Это место принадлежало городу Юйни малого кангюйского владетеля» не отражает точного содержания оригинала. В оригинале нет слова, означающего принадлежность. В нем речь идет о нахождении города Чач на месте древнего города Кеангниек (Юни).

Приведенную выше информацию «Истории династии Хань» (Хань шу) также можно отнести к сведениям Чжан Цяня.

⁵³ Алимova Д. А., Филанович М. И. Тошкент тарихи /История Ташкента (с древнейших времен до наших дней). С. 25; Эшов Б. Қадимги Чочдаги урбанистик жараёнлар тарихига доир айрим мулоҳазалар (Отдельные суждения по истории процесса урбанизации Древнего Чача) // Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет. С. 113 и др.

⁵⁴ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. С. 313.

⁵⁵ Китайско-русский словарь. М., 1952. С. 262.

⁵⁶ Ханьшуй дацзыдянь. Т. 4. С. 2738.

A. Xўжаев

**Қадимги давр Хитой манбаларида
Тошкент ҳақидаги маълумотлар**

Мақолада қадимги давр Хитой манбаларидаги Тошкентга оид кам ўрганилган маълумотлар аслият ёзувида, русчага таржима қилинган ва шарҳлар билан таъминланган ҳолда қелтирилади. Ушбу маълумотларнинг аксарият қисми турли даврларда Туркистонга келиб кетган Хитой дипломатлари ва Ҳиндистонга мазкур минтақа орқали бориб қайтган будда дини роҳиблари ҳамда 751 йилда Талас (Тараз) дарёси бўйида содир бўлган араб-хитой урушида асирга тушиб қолган ҳарбий амалдорлар хотираларига асосланган. Улар рус тилига илк бор керакли шарҳлар ва таҳлиллар билан ўгирилиб, илмий муомалага киритилди.

A. Khodjaev

**The information from the ancient
Chinese sources about Tashkent**

This article brings up weakly studied information of ancient Chinese sources about Tashkent, also in Chinese language with Russian translation. They are based on the notes of Chinese diplomats, military officers which were involved in Arab-Chinese wartime at the Taraz (Talass) river in 751 and also the Buddhist monks which were heading to India by crossing the lands of Turkistan. The big part of the information is translated to Russian language and for the first time has been given the necessary comments and analysis.

Ёш тадқиқотчи минбари

А. Турсунметов

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О СОЦИО-КУЛЬТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТУРКЕСТАНСКИХ ДЖАДИДОВ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Движение джадидов, оформившееся в конце XIX в. как социокультурное явление, явилось результатом пробуждения мусульманских обществ Востока и Российской империи. Анализ трудов англо-американских историков позволяет нам определить некоторые их основные подходы и акценты в изучении деятельности туркестанских джадидов. В этих работах исследователи, отмечая различия стратегий джадидизма в Российской империи, в то же время усматривали ряд общих черт: реформу традиционной системы образования и появление местной периодической печати¹.

Издание местной периодики (газеты и журналы) и книгопечатание было, по мнению некоторых англоязычных историков, одним из основных видов общественно-политической деятельности джадидов, посредством которой последние пытались изменить взгляды и устои мусульманского общества. В монографии Адиба Халида «Политика мусульманской культурной реформы» прослеживается мысль о том, что местные джадиды более всего проявили себя в культурной и социальной сферах, а их деятельность была направлена на модернизацию мусульманского общества Туркестана². Того же мнения придерживаются и другие англоязычные исследователи – Оливер Рой и Джон Андерсон. В своей работе «Новая Центральная Азия, Зарождение Наций» Оливер Рой пишет, что джадидизм «...сначала и прежде всего представлял собой культурное движение, которое задалось целью подвести сообщество российских мусульман к осознанию своей идентичности и силы. Вектором их кампании была пресса и школа»³.

Джон Андерсон замечает, что до 1914 г. мусульманские интеллектуалы были склонны принять эволюционный подход, ориентированный на просвещение, нежели формирование открытой политической орга-

¹ Khalid A d e e b. The Politics of Muslim cultural reform. Berkeley. Los Angeles, 1999. P. 92-93.

² Там же.

³ R o y O l i v i e r. The New Central Asia. The Creation of Nations, London, 2000. P. 36.

низации⁴. Это утверждение перекликается с представлениями Адиба Халида, который критикует советских (российских) и зарубежных исследователей за их склонность рассматривать джадидов прежде всего как политический феномен. По его мнению, в Туркестане не существовало каких-либо институциональных рамок, в которых местные политические интересы могли быть чётко сформулированы. Кроме того, как утверждает А. Халид, «джадидизм не смог преодолеть оппозицию в мусульманском обществе»⁵. Между тем, другой американский исследователь Э. Олворт в своей работе «120 лет Русского влияния в Центральной Азии»⁶ больше останавливается на политических инициативах джадидов и анализе материалов их газет. Он даёт схематичное описание критики царских властей и представителей уламо в крае, а также исследует участие мусульман в политических объединениях.

Включённость представителей Центральной Азии в политические процессы империи просматриваются, как отмечает автор, в их самостоятельных попытках участвовать в работе мусульманских конгрессов 1905 и 1906 гг., артикуляции требований о своих правах в крае и выборах в Ташкентскую городскую думу. Однако эти усилия по изменению существующего положения конечного успеха не имели. Э. Олворт отмечает, что «в революционные годы политическая активность мусульман Российской империи проявлялась через два новых аспекта: усилий по созданию исламского объединения и участия мусульман в Думе. В каждом из этих случаев роль центральноазиатских представителей оставалась сильно ограниченной»⁷.

Оценивая издательскую деятельность туркестанских джадидов, исследователь подчёркивает, что на страницах своих газет прогрессисты много места уделяли вопросам духовной жизни, высказывались о необходимости реформирования ислама и колониальной политики царизма. Критическая направленность газет «Хуршид», «Шухрат», а также их интерес к политическим событиям послужили поводом к их закрытию.

Э. Олворт в целом заключает, что победа над мусульманским духовенством для движения джадидов, вероятно, была первостепенной, а критика духовенства в прессе причисляла их к противникам уламо

⁴ Andersen John. The international politics of Central Asia. Manchester and New York, 1997. P. 20.

⁵ Khalid Adeb. The Politics of Muslim cultural reform. Berkeley; Los Angeles, 1999. P. 229.

⁶ Allworth Edward. 120 years of Russian influence in central Asia. Durham and London, 1989. P. 186.

⁷ Ibid.

и русского официоза (на примере критики духовенства Абдурауфа Фитрата: «Описывая признаки упадка страны, он обращается к его причинам, имеющим религиозное содержание»⁸). Э. Олворт подчёркивает, что колониальная администрация поддерживала представителей духовенства и запрещала прессу джаидов, которая в 1908 г. перестала выходить.

Адиб Халид, детально изучавший весь спектр социо-культурной работы туркестанских прогрессистов, в свою очередь отмечает, что, помимо выпуска газет и журналов, к важнейшим компонентам деятельности джаидов следует отнести их инициативы по распространению новометодных школ, литературное и театральное творчество, а также общественную благотворительность. Вероятно, здесь можно согласиться с этим микроисторическим уровнем исследования вопроса, где содержание социо-культурных попыток прогрессистов становится объектом непреодолимых мировоззренческих противоречий, переходящих в политическую сферу. Эта сфера, рассматриваемая историком как основа будущего антагонизма между прогрессистами и традиционалистами, отражена им в социологическом концепте «культурного или символического капитала», призванного раскрыть как природу реформ джаидов, так и поведенческую логику их противников.

По мнению исследователя, этот подход отличался от интерпретаций как советских, так и зарубежных исследователей, не акцентировавших на этом особого внимания. В своём подходе Адиб Халид использует социологический концепт французского социолога Пьера Бурдьё, рассматривает жизнь туркестанского общества как социальную игру или социальное «поле», в рамках которого акторы (в данном случае джаиды и представители духовенства) используют стратегии социального характера, где одни стремятся изменить положение вещей в свете современных реалий, а другие сохранить статус-кво. А. Халид пишет: «Я доказываю, что борьба между джаидами и их оппонентами велась за обладание и переопределение того, что Пьер Бурдьё называл культурным капиталом. Джаиды стремились обозначить культуру, которой их общество должно было дорожить, помещая в полемику вопрос об их доступе к новым интеллектуальным технологиям и формам общения»⁹. Их оппоненты попытались адекватно ответить на этот вызов. Они начали достаточно яростно защищать традиционные ценности, которые прежде гарантировали им их статус и престиж. Ставка, за которую

⁸ Ibid. P. 205.

⁹ K h a l i d A d e e b. Op. cit. P. 5.

старая элита (духовенство) оказывала упорное сопротивление идеям джадидов, была не чем иным, как её социальное выживание в качестве элиты. Следуя этой логике, исследователь делает акцент на содержание культурной продукции: прессу предвоенного и послевоенного периодов, литературу, театр и публичную мораль (как основной или один из наиболее важных объектов полемики оппонентов), подвергая её обстоятельному анализу.

Тем самым автор стремится представить, согласно своей исследовательской ориентации, сравнительный анализ основных компонентов социо-культурных ценностей туркестанских джадидов и клерикалов, приводя фактические данные существовавшего политико-идеологического антагонизма, проблему социального равнодушия (на которое он часто ссылается), что, разумеется, не могло не отразиться на темпах и характере общественного развития. В последовательном изложении многовекторной деятельности джадидов, сквозь призму изменения социо-культурного устройства мусульманского общества, автор стремится отобразить уровень социального и культурного характера инициатив джадидов, что в конечном итоге трансформировало в последующем само движение в политическое русло. Необходимость обновления мусульманского общества, реформирования образования, проблемы женской эмансипации, критика многих положений традиционного мировоззрения и негативных проявлений публичной морали – частое содержание джадидской журналистики и литературы в начале XX в.

Оппоненты джадидов – представители уламо в этом противостоянии не остались в стороне. Так, Саид Ахмад Васли, самаркандский мударисс, писал, что одним из главных недостатков проекта джадидов является их постоянная критика уламо: «Новометодные учителя, обычные преподаватели чтения и письма, весьма невежливо критикуют преподавание уламо (*bu yuk adabsizlik*), особенно, когда большинство из них никогда не посещало этих занятий»¹⁰. Несмотря на некоторые различия в стиле написания и исследовательского подхода англоязычных авторов, можно отметить схожесть их точек зрения в отношении оценок поведения представителей движения джадидов и той политической позиции, которую они занимали на небольшом отрезке времени (до февральской революции 1917 г.). Это, прежде всего, как отмечают А. Халид и Э. Олворт, – стремление и желание главных акторов движения видеть участие Туркестана в политической жизни России. И, как пишет А. Халид, «только с появлением мусульманского голоса среди

¹⁰ Ibid. P. 150.

русской общественности политические требования могли артикулироваться на государственном уровне»¹¹. Тем не менее, автор предлагает весьма своеобразную картину политического действия и намерений туркестанских прогрессистов.

Как уже отмечалось, данные инициативы объясняются особой стратегией джадидов, смысл которой, по мнению А. Халида, был заключён в поддержке действий властей: благоприятное отношение к рекрутированию новобранцев на тыловые работы (Убайдулла Ходжаев председательствовал в ташкентской городской призывной комиссии, серия народных песен Хамзы, опубликованная в ноябре 1916 г., также была посвящена поддержке военных усилий), позитивное отношение джадидов к участвовавшей в военных действиях царской России, а также сотрудничество с умеренными русскими политическими объединениями. В частности, как пишет А. Халид, «союз между У. Ходжаевым и социал-революционером Чайкиным представляет один из немногих примеров политического сотрудничества дореволюционного Туркестана между членами русской и национальной общин и это очень наглядный пример стратегии джадидов в эту беспокойную пору»¹². Однако эти инициативы, как замечает автор, в целом своей цели не достигли.

Возлагаемые надежды прогрессистов на политические уступки со стороны колониальной администрации за поддержку военных усилий и дистанцирование от кровавых событий в Семиречье не оправдались (благоклонное отношение прогрессистов к войне администрацией было забыто, либо по замечанию А. Халида рассматривалось как оппортунизм амбициозных индивидуумов). Это относится и к стремлению джадидов участвовать во всероссийском мусульманском движении (оформившимся в Союз мусульман России) и Государственной думе, в которых, как примечает автор, туркестанские прогрессисты играли крайне незначительную роль. Это объясняется не только репрессивным официальным режимом, налагавшим большие ограничения на участие туркестанцев в политической жизни (рассматривавшимся как проявление «сепаратизма»), но также и серьёзным недостатком политического капитала и языкового барьера.

Грянувшая февральская революция ещё более усилила акценты политической борьбы в Туркестане. И, прежде всего, это относится к новым формам соперничества среди мусульманских элит. Как отмечал А. Халид, «теперь мысли о государстве занимают центральное место

¹¹ Ibid. P. 235.

¹² Ibid. P. 242.

в отношении будущего, и политика предостережений (увещеваний) уступает дорогу политике мобилизации, предоставляя её выборам»¹³. Особенности этого периода, по его мнению, объясняются самой природой разногласий и противоречий среди элит за национальное, и как следствие, политическое лидерство в крае. Источникам противоречий исследователем даётся недвусмысленное определение: противостояние социо-культурных ценностей. Возобновляется борьба за политическое влияние в обществе посредством участия в работе мусульманских съездов и национальных организаций: «Шурай-Исломия» и «Шурои-Уламо». На первом Туркестанском мусульманском конгрессе, проходившем в апреле 1917 г. в городе Ташкенте, где среди прочих вопросов повестки дня обсуждалась и тема предоставления Туркестану территориальной автономии, достичь единства между двумя течениями в национальном движении не удалось. Расхождения в том числе касались некоторых либеральных нововведений и главенства мусульманской юрисдикции в крае. Летом 1917 г. прошли выборы в Ташкентскую городскую думу, в которой представители уламо одержали убедительную победу. Надежды прогрессистов на помощь со стороны российских джадидов в суматохе политических событий не оправдались, а призыв уламо упразднить все существующие партии и создать новый Союз мусульман, по мнению А. Халида, мог означать одно – исчезновение организационной инфраструктуры джадидов Туркестана. Борьба двух элит за лидерство в крае, выражавшаяся в их участии на различных собраниях, конгрессах и поисках новых сторонников (нередко в лице официальной администрации), продолжалась и накануне октябрьских событий 1917 г.

В своих работах А. Халид и некоторые другие англо-американские исследователи констатируют, что к исходу 1917 г. противоречия между двумя главными политическими течениями в национальном движении всё же остались неразрешимыми.

В целом туркестанским прогрессистам на политическом уровне не удалось преодолеть оппозицию мусульманского духовенства, как и получить поддержку (благосклонность) политической системы царизма в крае. Тем не менее, англо-американские исследователи, такие как А. Халид и Э. Олворт, отмечают большую значимость именно социо-культурных усилий джадидов (благодаря их стремлениям трансформировать социальные практики и коллективные габитусы туркестанского общества), сделавших возможным их участие в политических событиях.

¹³ Ibid. P. 253.

A. Tursunmetov

**Инглиз-америка тарихшунослари
Туркистон жадидларининг XX аср бошидаги
ижтимоий-маданий ва сиёсий фаолияти тўғрисида**

Мақолада инглиз-америка тарихшунослигидаги Туркистон жадидларининг сиёсий фаолиятига тегишли баъзи илмий ишлар таҳлил қилинган. Мазкур тадқиқотларда жадидлар ижтимоий-маданий ташаббусининг моҳияти ва жамиятда мавжуд бўлган мафкуравий зиддиятларнинг жиҳатларига алоҳида урғу берилган.

A. Tursunmetov

**Anglo-american researches about
socio-cultural and political activity of turkestan
jadids at the beginning of XX-th century**

Analysis of some publications and views of anglo-american authors about political activity of turkestan jadids are shown in the article. A special attention in these works were paid to the research of the origin of the jadids' socio-cultural initiatives and some aspects of world-outlook confrontation in society.

Танқид ва тақриз

ИККИ ТАРИХИЙ ШАХСНИНГ НОЎРИН МУТОБИҚАСИ*

Тарихий воқеаларни ёритишда кўп ҳолларда тадқиқотчилар ўз ишларида турли хил таҳлил усулларидан фойдаланадилар. Шулардан бири мутобиқа, яъни параллел ўтказиш усули бўлиб, унда тарихий маълумотлар асосида воқеа-ҳодисалар ёки шахслар ўртасида қиёсий таҳлил олиб борилади. Бу усул турли даврлардаги у ёки бу тарихий муаммо ёхуд шахслар ўртасида ўзаро ўхшашликни кўрсатиш, шунингдек, бир-бирига зид томонларини таққослаш имконини беради. Шу ўринда алоҳида таъкидлаш зарурки, ушбу услубдан фойдаланган тадқиқотчининг энг биринчи вазифаси, ўзидан аввалги босқичларда яратилган илмий асарларни замонавий билимлар нуқтаи назаридан ўрганиш, уларнинг ижобий ёки салбий жиҳатларини кўрсатишдан иборат бўлади. Чунки илмий холислик кўплаб манбаларни қиёсий усулда чуқур ва ҳар томонлама ўрганиш, кенг таҳлил этишни тақозо этади. Тарихий холисликдан чекиниш эса нафақат фанга балки, жамиятга ҳам ўзининг бирдай салбий таъсирини кўрсатиши мумкин. Алоҳида қайд этиш лозим, тарихий ўтмишда содир бўлган воқеа-ҳодисаларни холисона ёритиш, теран мушоҳада ва талқин қилиш тарихий мавзулар билан шуғулланувчи барча ижтимоий фан вакилларига жамиятнинг тарихий тафаккурини тўғри шакллантиришдаги жавобгарлик масъулиятини юклайди.

Аммо, кўпинча муаллифлар ўз қарашларидан келиб чиқиб, мавзуси ёки мантикига кўра бир-бирини такрорламайдиган, баъзан ўхшаш бўлмаган икки тарихий ҳодиса ёхуд шахсларни сунъий равишда бир қаторда ёнма-ён қўйишга уринадилар ва натижада субъектив фикр-мулоҳазалар ҳамда эҳтиросларнинг ўзаро қоришувини юзага келтириб, назарий ҳатолликка йўл қўядилар. Шу ўринда Ж. Джабборовнинг «**Мусулмон дунёсида икки исёнчи ва уларнинг мақсадлари (Муқанна ва Ваҳҳоб ҳақида)**» мақоласи¹ VIII асрнинг 70-80-йилларда Ўрта Осиёда бўлиб ўтган Муқанна – Ҳошим ибн Ҳаким бошчилигидаги озодлик ҳаракати билан XVIII асрда Арабистон ярим оролида пайдо бўлган диний-сиёсий оқим асосчиси Муҳаммад ибн Абдулваҳҳоб (1703-1787) ҳаракатларини ўзаро қиёслашга қаратилган бўлиб, муаллиф бу икки шахс ўртасида мутобиқа ўтказишга ҳаракат қилади. Айтиш жоиз, бу икки шахс ўртасида параллел ўтказиш на тарихий ва на илмий жиҳатдан ўзини оқламайди. Зотан, муаллиф бу икки ҳолатни турли тарихий давр ва тамомила бир-биридан йироқ сиёсий, иқтисодий, ижтимоий асосларда ва географик минтақа-

* *Мутобиқа* – параллел.

¹ «Фалсафа ва ҳуқуқ» журнали, 2009. 1-сон.

ларда рўй берганлигини эътиборга олмаган ҳолда, уларни сунъий равишда боғлашга уринади.

Энг аввало, мақоланинг ёзилиш услуби ҳақида. Маълумки, илмий мақола бирламчи манбалар, илмий адабиётларга суянган ҳолда яратилади ва улардан фойдаланганда албатта, иқтибос берилиши шарт. Иқтибослар орқали мақолани шакллантириш унга қўйиладиган асосий илмий талаблардан биридир. Айниқса, илмий-назарий мақомни олган журнал саҳифаларида бу нарсага алоҳида эътибор берилиши зарур. Муаллиф Муқанна шахси ҳақидаги фикрларини баёнчилик услубида тақдим қилар экан, ўрта аср тарихчилари Наршахий, Йаъқубий номларини мақолада келтирса-да (34-б.), уларнинг қайси асарларига таянганини кўрсатмайди. Бу ўринда муаллифнинг ушбу асарларга бўлган муносабати, позицияси манбалардаги маълумотларни киёслаш, танқидий ёндашиш усулларига асосланган бўлиши керак эди, чунки ўрта аср муаррихлари Муқанна ва у яшаган даврга бир неча асрдан кейин, ўз тасаввур ва мушоҳадалари, ёндашувларидан келиб чиқиб баҳо берганлар.

Муаллиф мақоланинг биринчи қисмида мусулмон дунёсидан чиққан бир исёнчи сифатида Муқанна шахсини, исёнлар тизимида у раҳбарлик қилган ҳаракат мазмуни, мақсади, моҳиятининг бошқа исёнлардан фарқини кўрсатишни мақсад қилган. Ж. Джабборов Муқанна Ҳошим ибн Ҳаким бошчилигидаги халқ ҳаракатини эътироф этган ҳолда, уни «исёнлар» қаторига қўшади ва «мазмуни, мақсади, моҳияти билан бошқа исёнлардан фарқ қилади» (34-б.) деб ёзади. Бироқ, муаллиф бу исён моҳиятини асосламайди ва бошқа исёнлардан фарқини кўрсатмайди. Бу воқеалардан минг йил кейин, умуман бошқа ғоявий йўналишда, XVIII асрда амалга ошган Абдулваҳҳоб ҳаракати билан киёслаши орқали муаллиф, Муқанна ғояларининг ҳам терроризм шаклланишида аҳамият касб этган ғоялар қаторига қўйиб, мантиқан нотўғри хулоса чиқаради.

Маълумки, VIII аср сўнгги чорагида рўй берган Муқанна ҳаракати, Ўрта Осиёда ислом дини ҳали батамом қарор топмаган ва унинг моҳияти тўла англаб етилмаган бир вақтда кечган бўлса, Муҳаммад ибн Абдулваҳҳоб ҳаракати орадан минг йил ўтгач, XVIII асрда вужудга келиб, ислом динини фундаментализм ғоялари асосида тафтиш қилишга қаратилган. Қолаверса, Ўрта Осиё ва Арабистон ярим ороли халқлари менталитети ҳам айнан бир хил эмас. Хусусан, Ўрта Осиё азалдан турли маданиятлар ва динлар кесишган минтақа бўлгани боис, бу ҳудудда миллий ва диний бағрикенглик доимо устувор бўлган.

Муқанна шахси ҳақида маълумот берадиган манбаларни уч гуруҳга бўлиб ўрганиш мумкин. Булар: 1) фақатгина кўзголон қайд этилган манбалар; 2) Муқанна шахси ва унинг таълимотини ёритган манбалар; 3) кўзголоннинг боришини ёритган манбалар.

Биринчи гуруҳ манбаларда аҳамиятли, кўзғолонга ойдинлик киритувчи бирор-бир аниқ маълумотлар мавжуд эмас, улар фақатгина айрим воқеаларнинг санасига муайян аниқлик киритиши мумкин.

Иккинчи гуруҳга эса ал-Жоҳиз, Мутаҳҳир ал-Мақдисий, Беруний, Низом ул-мулк, Ибн Халлиқон, Абул Фидо ва бошқа муаллифлар² асарлари киради. Уларнинг муаллифларини биринчи навбатда Муқаннанинг шахси ва ғоялари қизиқтирган, холос.

Учинчи гуруҳ адабиётлар – ал-Йаъқубий, ат-Табарий, Наршахий, Балъамий, Гардизий ва Ибн ал-Асир³ каби муаллифларнинг асарларида Муқанна кўзғолони атрофлича ёритилган. Масалан, Муқанна ҳаракатига ат-Табарий шундай таъриф беради: «Бу йилда бўлган воқеалар ичида Марв кишлоқларининг бирида бошланган Муқанна Ҳаким ал-Муқанна ҳаракати аҳамиятга моликдир. Маълумот беришларича, у таносух (руҳларнинг кўчиб юриши) ҳақидаги таълимот тарафдори бўлган. У ўз атрофига кўп аҳолини эргаштириб, Мовароуннаҳрга келиб жойлашган. Унга қарши курашиш мақсадида халифа ал-Маҳдий бир неча лашкарбошиларни жалб этган. Улар ичида ўша пайтда Хуросон ноиби бўлган Муъо бин Муслим, у билан бирга Уқбо бин Муслимни, Жаброил бин Яҳъё ва ўзининг мавлоси Лайс кабиларни жўнатган. Сўнгра ал-Маҳдий Муқанна билан курашни Саид ал-Харошийга топшириб, уни юқорида номлари кўрсатилган лашкарбошиларга бошлиқ этиб тайинлаган. Муқанна ҳам

² Motahhar ben Tahir al-Maqdisi. Le livre de la creation et de l'histoire. Paris. Editions Ernest Leroux. 1919; Сиасат-наме. Книга о правлении везира XI века Низам ал-Мулька / Перевод, введение и изучение памятника и примечания проф. Заходера Б. Н. М.; Л., 1949; Бируни Абу Рейхан (973-1048). Памятники минувших поколений // Избранные произведения. Перевод с арабского и примечания Салье М. А. Ташкент, 1957. Т. 1.

³ Ibn Wadhil qui dicitur al-Jaqubi. History, ed. M. TR. Hautsma. Lugduni. Batavorum, 1833; Аҳмад бин Абу Йаъқуб Исҳоқ бин Жаъфар бин Ваҳб бин Возиҳ ал-Котиб ал - А б - б о с и й. Таърих ал-Йақубий. Байрут. Дор Содир. 1987; А т - Т а б а р и й, Абу Жаъфар Муҳаммад бин Ж а р и р. Тарих ар-русул ва-л-мулк. 10 жилдли. Муҳаммад Абул Фазл Иброҳим таҳрири остида. Ал-Қоҳира. 1976; Annales quos scripsit Abu Djafar Muhammed ibn Djarir at-Tabari, ed. M. D. de Goeje, Lugduni Batavorum, ser III, 1879; Description topographique et historique de Boukhara par Mukhammad Narchakhy, publ. Ch. Schefer, Paris. 1892; Абу Заид Г а р д и з и й. Зайн ул-ахбор. Техрон. 1955; Ibn el-Athiri. Chronicon quod perfestissimum inscribitur, ed. S. J. Tornberg. Vol. VI. Lugduni Batavorum, 1871; И б н а л - А с и р. Ал-Камил фи-т-тарих. Полный свод истории / Перевод с арабского языка, примечания и комментарии Булгакова П. Г. Дополнения к переводу, примечаниям и комментариям, введение и указатели Камолиддина Ш. С. Ташкент: Ўзбекистон, 2006; Ибн ал-Асир, Абу ал-Ҳасан Али бин Абу-л-Карам Муҳаммад бин Муҳаммад бин Абду-л-Карим бин Абду-л-Воҳид аш-Шайбоний ал - Ж а з а р и й (т. 630 х. / 1232 м.). Ал-Камил фи-т-тарих. 2-нашр. 11 жилд. Байрут. Дар ал-Кутуб ал-ъилмийа. 1995.

бу урушга жуда кучли тайёргарлик кўриб, камалда жон сақлаш учун озиқ-овқат маҳсулотларини йиғишга киришган»⁴.

Юқоридаги маълумотдан кўриниб турибдики, араблар зулмидан қутулишни истаган халқ Муқаннага эргашган ва у арабларнинг ҳукмронлигига хавф сола оладиган кучга айлана олган. Унинг ҳаракатларида озодлик учун кураш ғояларини кўриш мумкин.

Дастлаб Муқанна, Ибн ал-Асирнинг маълумотига кўра, зайдийлик таълимоти намояндаси бўлиб, у Яхъё бин Зайд вафотини тан олмаган, кейинчалик у ризомийлик таълимотига кириб, бир қатор кўзғолонларда иштирок этган, бироқ, у бу кўзғолонларни бошқармаган⁵. Шу кўзғолонлардан кейин у Марвга қайтиб келиб, ўз тарафдорларини йиға бошлаган. Муқанна таълимоти Сўғда кенг тарқалган⁶ ва ҳудудий жиҳатдан Кеш, Бумижкат, Наршах, Самарқанд ва бошқа жойларни қамраб олган. Муқанна шахсига нисбатан тарихий манбаларда муаллифларнинг турлича ёндашувлари мавжуд бўлса-да, бу ҳаракатни озодлик ҳаракати, деб баҳолашда барча муаллифлар яқдил эдилар.

Муқанна кимга қарши чиқди? Бу ўринда ўрта аср муаллифларининг Муқанна таълимотининг исломга қарши қаратилгани ҳақидаги фикрлари анча бўрттириб кўрсатилганлигини таъкидлаб ўтиш зарур. Муқаннанинг ўзи мусулмон бўлгани ва Абу Муслимнинг издоши сифатида фаолият юритганини таъкидлаб ўтиш зарур. Буни археолог нумизмат олим Б. Д. Кочнев томонидан топилган Муқанна чиқарган танга ҳам тасдиқлайди. Унинг бир томонида куфий ёзув билан «Оллох содиклик ва одилликни буюрди», орқа томонида эса «Hashim, wali Abi Muslim هاشم ولي ابي مسلم», яъни «Хошим – Абу Муслимнинг ҳаммаслаги»⁷, деган ибора кайд этилган.

Муқанна шахси ва ғояларининг тарихда тутган ўрнига баҳо беришда Ж. Джабборов юқоридаги ҳолатларни ҳисобга олиши лозим эди. Унинг бу шахс ва воқеалар талқинига бир ёқлама, субъектив нуқтаи назардан ёндашгани мақоланинг асл мақсади нима эканлигига ўқувчида шубҳа уйғотади. Шунингдек, муаллиф манбаларда келтирилган Муқаннанинг жисмоний камчиликларини бўрттиради. Манбаларда

⁴ Annales quos scripsit Abu Djafar Muhammed ibn Djarir at-Tabari, ed. M. D. de Goeje, Lugduni Batavorum, ser III, 1879. – S. 484.

⁵ Ibn el-Athiri. Chronicon quod perfestissimum inscribitur, ed. S. J. Tomberg. Vol. VI. Lugduni Batavorum, 1871. – S. 23.

⁶ Description topographique et historique de Boukhara par Mukhammad Narchakhy, publ. Ch. Schefer, Paris. 1892. – S. 65-66; Ibn el-Athiri. Chronicon quod perfestissimum inscribitur, ed. S. J. Tomberg. Vol. VI. Lugduni Batavorum, 1871. – S. 26, 37.

⁷ Кочнев Б. Д. Монеты Муканны // Археология и художественная культура Центральной Азии. Тезисы докладов. Вып. 2. Ташкент, 1995. С. 32-33.

унинг юзи жуда хунук бўлганлиги тасвирланса-да, юзига ҳарир шойи парда тўсиб юриши оркали бу хунуклик билинмаганлиги ёзилади⁸. Муаллифнинг Муқанна ташқи қиёфасига бу қадар эътибор қаратиши мақоланинг мақсадига қай даражада тааллуқли? Шунингдек, Ж. Джабборов Муқанна таржимаи ҳолини ёритган қисмида «Юқорида қайд қилингандай, у илгари кудунгарлик (матоларга оҳор берувчи) касби билан шуғулланган эди, кейин эса илм ўрганишга машғул бўлди», деб ёзаркан «ҳар хил илмларни: кўзбўямачилик, сеҳр ва тилсим илмларини ўрганди», дея фикрини давом этади (34-б.). Муаллифнинг ушбу фикри, бир томондан, Муқаннани ҳам хунарманд, ҳам илмга қизикқан шахс сифатида тасвирласа, иккинчи томондан, илмлар қаторида «сеҳргарлик», «кўзбўямачилик» ва «тилсим» деган тушунчалар санаб ўтилганлигидан мақсад нима эканлигини тушуниш қийин.

Муаллиф «У ҳали Марвда турган вақтидаёқ кўп жойларга хабар юборди ва халқни йўлдан оздирди» (34-б.) дейди. Муаллиф бу «йўлдан оздириш» босқинчиларга қарши озодлик учун ҳаракат эканлигини наҳотки тушунмаган? Ваҳоланки, Муқаннадан олдин ҳам Ўрта Осиёда, хусусан, 720 йилда Самарқанд ихшиди Ғурак ва Панжикент ҳокими Диваштич бошчилигида Сўғд аҳолиси, 723 йилда Фарғона аҳолиси, 725 йилда Хутталонда, 736-737 йилларда Тохаристонда араб халифалигининг зулмига қарши қўзғолонлар бўлиб ўтган эди. Ушбу қўзғолонлар моҳиятига кўра озодлик ҳаракатлари ҳисобланиб, бу халифалик томонидан маҳаллий аҳоли кадриятлари, иқтисодий ҳаётига зид тарзда олиб борилган сиёсатнинг инъикоси эди. Шу сабабли араб халифаларининг ўзлари ҳам Ўрта Осиёдаги вазиятни юмшатиш мақсадида турли ислохотлар ўтказиб турганлар. Буни халифа Умар ибн Абдулазиз (717-719), Хуросон ноиб Наср ибн Сайёд (738-739) лар ҳукмронлиги даврида ўтказилган молиявий ислохотлар мисолида ҳам кўриш мумкин. Араб халифалиги томонидан минтақага ислом динининг кириб келиши ва ёйилиши, унинг аҳамиятини юқори баҳолаган ҳолда, бу даврда айрим араб халифалари юритган нотўғри сиёсатга қарши қўзғолонларга ўша даврда нафақат Ўрта Осиё аҳолиси, балки арабларнинг ўзи ҳам бошчилик қилганлигини қайд этиш лозим. Бу ўринда араблар зулмига қарши 736-737 йилларда Ҳорис ибн Сурайж ва 806 йилда Рофе ибн Лайс бошчилигидаги қўзғолонларни мисол келтириш мумкин.

Муқанна бошлаган миллий озодлик ҳаракати унинг ўлиmidан сўнг XII асрга қадар ҳам давом этди.

Муқаннанинг араб маъмуриятига қарши курашда қўллаган усуллари у яшаган давр шароитига мос бўлиб, исломгача бўлган Ўрта Осиё халқлари мафқураси ва дунёқараши асосида шаклланганини эътиборга

⁸ Абу Заид Гардизий. Зайн ул-аҳбор. Техрон, 1955.

олиш керак эди. Муқанна илгари сурган маздакийлик ғоялари VIII асрнинг 2-ярмида маҳаллий халқ орасида ҳали ўз мавқеини сақлаб тургани туфайли, унга эргашувчилар, ислом динини қабул қилган аҳолига нисбатан салмоқли ўрин тутган эди. Шунинг учун ҳам унинг тарафдорлари бу ҳаракатнинг дастлабки йилларида муваффақиятга эришганлар.

Мақолада қўлланилган «мусулмонлар билан сулҳ тузиб», «мусулмонлар қайтиб кетгач», «мусулмонлар...» каби иборалар ҳақида сўз борар экан, муаллиф мусулмон тушунчаси остида кимларни назарда тутган, араб халифалиги маъмуриятиними, арабларними ёки исломни қабул қилган маҳаллий аҳоли вакиллариними ўқувчига номаълум бўлиб қолган. Айтиш жоизки, бугунги кунда бизгача сақланиб қолган араб тилидаги манбаларнинг аксарияти Бағдод ва бошқа йирик шаҳарларда ёзилган ҳамда улар маҳаллий ҳукмдорлар томонидан қўллаб-қувватланган. Шунингдек, бу асарларнинг вужудга келиши IX – X асрдан бошланиб, бу даврда ислом қоидалари анча мустаҳкамланган ва тизимлаштирилган. Бундай шароитда ўз-ўзидан Муқанна ҳаракати бу асарларда бир ёқлама, субъектив баҳоланган. Шу боисдан, бу маълумотларга эҳтиёткорлик билан холис ёндашиш зарур. Хусусан, манбалардаги маълумотларни асл ҳақиқат сифатида қабул қилмасдан, уларни танқидий-қиёсий тадқиқ этиш бугунги кун ижтимоий фанларнинг асосий методларидан бири ҳисобланади.

Муқаннанинг музокаралари ва қаршиликлари араб маъмурияти, араб гарнизонлари, зодагонлари ва уларни қўллаб-қувватлаганларга қарши қаратилган эди. Юқорида таъкидланганидек, тарихий маълумотлардан маълумки, араб халифалигининг дастлабки йилларида ислом дини минтақада ҳали кенг ёйилмаган, аҳолининг маълум қисмигина исломни қабул қилган ва ўзларини мусулмон ҳисоблай бошлаган эди. Фақатгина диннинг моҳиятини тушуниб етгач, уни қабул қилиш оммавий тус олган. Ислом дини тамойиллари ва қадриятлари айнан бизнинг минтақамизда таълимот сифатида кенг тарқалиб, ривожланган. Ўзбекистон заминидан бутун ислом оламининг юксак эътирофига сазовор бўлган ислом ҳуқуқшунослиги ва ҳадисшунослиги бўйича Ҳаким ат-Термизий, Имом Бухорий, Бурҳониддин ал-Марғиноний каби йирик мутафаккирларнинг етишиб чиққанлиги бунинг ёрқин далилидир.

Бундан ташқари мақолада «Муқанна хотинлари билан овқатланар ва шароб ичарди», «шахсий эгоизми», «ўзини кўзбўямачи, қарокчи, авлиё ва пайгамбар шаклида кўрсатиш», «ахлоқий-маънавий жиҳатдан хайвоний-шайтон хирсларига мойил одам эканлиги тарихда қолди» (35-б.) каби ҳақоратомуз талқинларни қандай тушуниш мумкин? Бу мақола илмий ва кенг жамоатчиликда мавжуд бўлган Муқанна ҳақидаги тасаввурларни тубдан ўзгартиришга қаратилган, деган фикрни

келтириб чиқаради. Муаллиф шов-шув кетидан кувишни мақсад қилганмикин? Маълумки, адабиёт соҳасида ҳам Муқанна шахсига бўлган муносабат Садриддин Айнийнинг «Муқанна исёни» тарихий-адабий очеркида, Ҳамид Олимжоннинг «Муқанна»⁹ драмасида халқ озодлик ҳаракатининг типик вакили сифатида талқин этилади.

Муқанна Ғарб адиблари томонидан ҳам қаҳрамон шахс сифатида талқин қилинган. Хусусан, 1871 йилда Томас Мурнинг (Thomas Moore, 1779-1852) «Lalla Rookh: an Oriental Romance» (Лала Рух: Шарқ романи) асарида Муқанна образи ҳам тасвирланган. Томас Мур ўз асарида Муқаннани Veiled Prophet of Khorassan «Хуросоннинг пардага ўралган пайғамбарни» сифатида таърифлайди. Ғарбий европалик бошқа бир муаллиф Чарльз Стенфорд (Charles Villiers Stanford, 1852-1924) эса Муқанна ҳақида опера ёзган. XIX асрдан бошлаб, Муқанна АҚШда сахналаштирилган бир катор асарларнинг қаҳрамонига айланган, Сент-Луисда (St. Louis, Missouri) «Парда билан ўралган пайғамбар» (The Order of the Veiled Prophet) ордени ташкил топган эди.

Муқанна шахсига Ғарб олимлари ҳам муносабат билдириб, уни озодлик ҳаракати раҳбари ва Ўрта Шарқ ҳамда Ўрта Осиёнинг қаҳрамони сифатида ўз тадқиқотларида қайд этиб ўтадилар¹⁰.

Умуман, мақола Муқанна билан Абдулваҳхобни бир хиллаштиришга уриниш бўлиб, мантиқан даврлар бўйича ҳам, ислом анъаналари жиҳатидан ҳам таққослаш учун асос бўла олмайди. Алоҳида қайд этиш лозим, Муқанна ҳаракатининг тарихий қиймати шундаки, у халқ озодлик ҳаракати мақомида бўлиб, истибдодга, зулмга, тенгсизликка қаратилган эди. Ваҳхобийлик ғоялари эса тараққиётга, бағрикенгликка, фикрлар хилма-хиллигига зид бўлиб, унинг асосида диний фундаментализм ётади. Шунингдек, бу исён тариқасида эмас, балки диний оқим сифатида баҳоланади. Муқанна ҳаракатининг ғоявий жиҳатларини ва Абдулваҳхобнинг исломни янгиликлардан (бидъатдан) тозалашга уринишининг мохиятини чуқур англамаслик муаллифни бу шахсларнинг ислом тарихида тутган ўринлари ҳақида асоссиз хулосалар беришга олиб келган. Тарихимизда озодлик курашчиси сифатида қаҳрамон ҳисобланган шахс-

⁹ С. Айний. Исёни Муқаннаъ, Очерки таърихи-тадқиқи, Сталинобод, 1944; Ҳамид Олимжон. Муқанна // Ўрик гуллаганда. Тошкент, 1990. 173-291-бетлар.

¹⁰ Қаранг: The flowering of Muslim theology By Josef van Ess, Jane Marie Todd; Persian historiography to the end of the twelfth century By Julie Scott Meisami; A History of Iran: Empire of the Mind by Michael Axworthy; The Venture of Islam, Volume 1: The Classical Age of Islam by Marshall G. S. Hodgson; An Introduction to Shi'i Islam: The History and Doctrines of Twelver Shi'ism by Moojan Momen; Religions of the Silk Road: Overland Trade and Cultural Exchange from Antiquity to the Fifteenth Century by Dr. Richard C. Foltz; The Arabs in History by Bernard Lewis; A History of Inner Asia by Svat Soucek.

ни, ўтмишда ўрни ноаниқ бўлган ва фаолияти Британия жосуслик хизматларининг қўллаб-қувватлаши билан боғлиқ бўлиб, минтақада Усманийлар таъсирини синдириш учун курашган қандайдир киши билан бир ўринга қўйиш илмий этикага ҳам, тарих ҳақиқатига ҳам тўғри келмайди. Бундай ёндашув тарихга қизиққан, матбуот сўзини ҳеч бир эътирозсиз қабул қиладиган ўқувчи, айниқса, ёшларга қандай таъсир этиши мумкин? Ўзбекистон Республикаси Президенти И. Каримов таъкидлаганидек, «Ким бўлишидан қатъи назар, жамиятнинг ҳар бир аъзоси ўз ўтмишини яхши билса, бундай одамларни йўлдан уриш, ҳар хил ақидалар таъсирига олиш мумкин эмас. Тарих сабоклари инсонни хушёрликка ўргатади, иродасини мустаҳкамлайди»¹¹. Неча йиллардан бери мактаб ўқувчилари ва олий таълим муассасалари талабаларига тавсия этилган, Халқ ва Олий таълим вазирликлари томонидан тасдиқланган дарсликларда Муқанна озодлик ҳаракати вакили сифатида кўрсатилган ва бу ёшларнинг Ватан ҳимоясига жавобгарлик ҳиссини тарбиялашда муҳим омил саналади. Мақола муаллифи томонидан бир ёқлама талқин қилинган Муқанна ҳақидаги ушбу маълумотлар ўқувчида нотўғри тасаввурларнинг шаклланишига олиб келмайдими? Мақоланинг рус тилидаги резюмесиде «В статье рассматривается значимость идей Муқанны и Ваххаба в формировании терроризма» деб берилиши, мазмунан Муқаннанинг ғоялари ҳам Ваххоб каби терроризмнинг шаклланишида аҳамиятга эга бўлган, деган фикрни акс эттиради. Мақолада илмий услубга хос бўлмаган «ин курди», «зийрак фикри», «бадарга қилишди», «аёвсиз, қонли, ваҳший излари ёритилган», «чўнтақларига олтинларни тўлғазиб», «ғиж-ғижлаб қарши қўйди» ва бошқа шу каби иборалар қўлланилганлиги таҳририятнинг матни нашрга тайёрлаш жараёнига масъулиятсизлик билан қараганлиги натижасидир.

Ҳар қандай тарихий билимлар фалсафий асосга таянганидек, фалсафий мушоҳада ҳам тарихий билимлар билан курулланган бўлиши керак. Афсуски, мақолада мазкур тамойилларга риоя қилинмаган. «Халқимизнинг миллий туйғусини, миллий ғурурини уйғотадиган тарихий-илмий хулосалар»¹² талаб қилинаётган бир вақтда, бу каби мақоланинг чоп этилиши ажодлари тарихи, миллий қахрамонлари ҳақидаги тасаввурлари ва тарихий онги шаклланаётган ўқувчини чалғитиб қўйиши мумкин. Зеро, тарихий холислик бу жамиятдаги барқарорлик омилларидан биридир.

*т. ф. д. Э. Каримов, т. ф. д. Г. Аззамова, фил. ф. н. А. Отахўжаев,
т. ф. н. Ш. Асадова, т. ф. н. Н. Мустафаева.*

¹¹ Каримов И. А. Тарихий хотирасиз келажак йўқ / Биз келажакимизни ўз қўлимиз билан курашимиз. 7-том. Тошкент: Ўзбекистон, 1999. 137-бет.

¹² Ўша жойда. 150-бет.

Тарихчи кутубхонасига

Рецензия на монографию Н. Р. Махкамовой «Социальная структура общества на территории Узбекистана: традиции и трансформации (конец XIX в. – 30-е годы XX в.)»

За годы независимости историки Узбекистана уже многого достигли в своей работе по воссозданию правдивой истории богатого прошлого узбекского народа, возрождению его исторической памяти и национального самосознания. Но остается еще целый ряд незатронутых проблем, требующих нового научного осмысления. Одна из них – история социальных отношений на территории Узбекистана и особенно трансформаций социальной структуры его общества. Сегодня, когда в республике идет активный процесс формирования социальной структуры, базирующейся на рыночной экономике, выявление реальной картины истории развития социальных процессов в регионе может не только способствовать углублению знаний о прошлом нашего народа, но и содействовать решению задач его национального возрождения. Тот факт, что эта важная проблема пока еще оставалась вне поля зрения отечественной историографии, обуславливает актуальность обращения к ней в монографии Н. Р. Махкамовой.

Рецензируемую работу отличают научная новизна, многообразная богатая источниковая база и глубокая аналитичность. Автор впервые в отечественной исследовательской практике рассматривает трансформации социальной стратификации общества на территории Узбекистана в течение длительного исторического периода с совершенно новых концептуально-методологических позиций теории социальной стратификации, комплексно и в большом объеме вводит в научный оборот и всесторонне анализирует такие ценные источники, как материалы первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., переписи городского населения ТАССР 1923 г., всесоюзных переписей населения 1926 г., 1937 г. и 1939 г., а также документы ЦГА НТМД РУз и Государственного архива г. Ташкента и др.

Привлечение обширного и разнообразного круга источников позволило Н. Р. Махкамовой дать глубокий анализ социальной структуры общества на территории Узбекистана в течение длительного исторического периода (с конца XIX в. и до конца 30-х годов XX в.), исследовать все произошедшие трансформации в условиях различных политических

режимов, на качественно новом уровне осветить ранее искаженные либо нераскрытые страницы отечественной истории.

Несомненным вкладом в отечественную историографию проблемы являются новый подход автора к изучению социальной структуры общества на территории Узбекистана, которую он рассматривает как динамично меняющуюся категорию, многообразную совокупность различных взаимосвязанных между собой социальных страт, а также предпринятая им попытка определить роль и место каждой из них в обществе, выявить этапы их развития и факторы, воздействующие на динамику этого развития. Особенно следует отметить тот факт, что автор рассматривает эти процессы в тесной взаимосвязи с происходившими в обществе общественно-политическими и социально-экономическими событиями.

В монографии объективно раскрыта историческая обстановка, в которой осуществлялись преобразования социальной сферы общества на территории Узбекистана вначале в условиях колониального, а затем советского режимов. Несомненный интерес представляет поднятая Н. Р. Махкамовой проблема средних собственников, как активной производительной силы общества и гаранта его стабильности. Приведенные многочисленные материалы убедительно свидетельствуют о том, что этот слой, обладая большими потенциальными возможностями, успешно функционировал в Туркестане в условиях свободного рынка до октябрьских событий 1917 г. и даже при советской власти после введения новой экономической политики.

С позиций нового методологического подхода в работе переосмысливается сущность политики советской власти по отношению к различным социальным стратам населения, раскрывается репрессивный характер ее мероприятий по социальной стратификации общества в ходе политических и социальных преобразований в 20-30-е годы XX в., показывается процесс уничтожения в Узбекистане исторически сложившихся страт коренного населения по традиционным видам профессиональной деятельности и его трагические последствия. Факты, приведенные в монографии, убедительно свидетельствуют о том, что массированное наступление советской власти на имущие слои населения в 30-е годы XX в. не было результатом созревших в советском обществе социально-экономических предпосылок для перехода к качественному скачку в экономике и социальном конструировании. Поэтому партия добивалась решения своих задач исключительно принудительными волюнтаристскими методами.

В монографии также раскрыты позитивные и негативные стороны формирования новых социальных страт советского общества – промыш-

ленных рабочих и новой интеллигенции, которое не было подготовлено предыдущим развитием местного общества, а являлось следствием революционного скачка и осуществлялось экстремистскими методами на жесткой классовой основе.

Особого поощрения заслуживает широкое использование Н. Р. Махкамовой обширных статистических данных, которые поданы в работе в виде разработанных ею таблиц. Это создает наглядность в изложении материала и облегчает восприятие многочисленных цифр. Особенно четко это проявляется в последней главе монографии, где автор подводит итоги социального конструирования в Узбекистане к концу 30-х годов XX в. и аргументированно обосновывает несостоятельность попыток советского правительства создать в стране к середине 30-х годов XX в. равноправное и однородное общество.

Вместе с тем работа не лишена некоторых недостатков. В частности, автором недостаточно полно использована литература и особенно периодическая печать советского периода; схематично показана созидательная деятельность местной национальной буржуазии; не дается анализ социальной структуры общества с учетом специфики хозяйственной жизни в регионе – деления населения на кочевое, полукочевое, оседлое.

Однако в целом монография Н. Р. Махкамовой оставляет хорошее впечатление. Она аналитична, написана хорошим языком и, несмотря на высказанные замечания, безусловно, способствует существенному восполнению пробелов в отечественной историографии. Сделанные в работе базовые выводы и теоретические обобщения могут быть использованы не только в дальнейшем изучении социальной истории, но и в реализации задач современных преобразований в социальной сфере общества.

д. и. н. Г. Ахмеджанов

*Илмий ҳаёт***АКАДЕМИК ЯХЁ ҒУЛОМОВ НОМИДАГИ «ЎЗБЕК ХАЛҚИ
ВА УНИНГ ДАВЛАТЧИЛИГИ ТАРИХИ» РЕСПУБЛИКА
ИЛМИЙ СЕМИНАРИНИНГ «ХОРАЗМ ЦИВИЛИЗАЦИЯСИ
ШАКЛЛАНИШИ ВА РИВОЖЛАНИШИНИНГ ТАРИХИЙ
ЖИҲАТЛАРИ» МАВЗУСИДАГИ ЙИҒИЛИШИ ҲАҚИДА**

Ўзбекистон худуди қадимдан инсоният цивилизацияси шаклланган ўчоқлардан бири ҳисобланади. Бу ерда тарихий тараққиётнинг турли босқичларида нафақат маҳаллий, балки минтақавий аҳамиятга эга бўлган тарихий-маданий ҳудудлар, давлатлар, давлат бирлашмалари шаклланган ва ривожланган. Бундай ҳудудлардан бири Хоразм ҳисобланиб, бу ерда қадимдан фаол цивилизация жароёнлар кечган. Айнан мана шу масалалар 2009 йил 5 июнда ЎзР ФА Тарих институти Хоразм Маъмун академияси, Олий ва ўрта махсус таълим вазирлиги, Халқ таълими вазирлиги, Ал-Хоразмий номидаги Урганч давлат университети ҳамкорлигида ўтказилган Яхё Ғуломов номидаги «Ўзбек халқи ва унинг давлатчилиги тарихи» республика илмий семинарининг 56-йиғилишида муҳокама қилинди. «Хоразм цивилизацияси шаклланиши ва ривожланишининг тарихий жиҳатлари» мавзусида Мухаммад Ризо Огаҳийнинг 200 йиллигига бағишлаб, Хоразм Маъмун академиясида ўтказилган ушбу анжуманда олимлар, республика олий ўқув юртлари, ўрта махсус таълим тизими, ўрта мактаблар ўқитувчилари иштирок этди. Анжуманни кириш сўзи билан Яхё Ғуломов семинари раиси, ЎзР ФА Тарих институти директори т. ф. д., профессор Д. А. Алимova очди. ЎзР ФА Хоразм Маъмун академияси раиси, Урганч давлат университети ректори б. ф. д., доц. Р. А. Эшчонов семинарнинг Хоразм тарихини ўрганишдаги аҳамияти ҳақида гапириб, унинг ишига муваффақият тилади. Семинарда Хоразм цивилизация тарихининг турли жиҳатларига бағишланган маърузалар тингланди.

Ф. ф. н. А. М. Отахўжаев «Африғийлар даврида Хоразм тарихий тараққиётининг ўзига хос хусусиятлари» мавзусида маъруза қилди. Хоразм тарихида муҳим ўрин тутган 305-995 йиллар оралиғида мавжуд бўлган Африғийлар давлатининг ўзбек давлатчилиги тарихида тутган ўрнига эътиборини қаратган маърузачи, бу давлатнинг вужудга келиши, тараққиётининг асосий босқичлари, давлат ҳукмдорлари юритган ички ва ташқи сиёсат масалаларига тўхтаб, улар ҳукмронлик қилган давр оралиғида Хоразмнинг тарихий тараққиёти ва унинг ўзига хос хусусиятларини кўрсатиб берди.

Академик А. А. Ҳақимов ўз маърузасида Хоразм маданияти ва санъати ривожининг тарихий динамикаси масалалари ҳақида фикр юритди. Турли манбалардаги маълумотлар ва музейлар экспонатлари асосида у Хоразмда маданий ҳаёт ва санъат тараққиётининг эволюциясини кўрсатиб, мавзуга оид фикрларини бой иллюстратив материаллар билан асослаб, Хоразм маданияти ва санъати тарихий ривожининг ўзига хос хусусиятларини очиб берди.

Т. ф. д. Г. А. Агзамованинг маърузаси «Хонликлар даврида Хоразмдаги урбанизацион жараёнлар» деб номланиб, унда маърузачи XVI – XIX асрнинг ўрталарида Хива хонлигида янги шаҳарларнинг вужудга келиши ва тараққиёти, бу жараёнга ижобий таъсир кўрсатган объектив ва субъектив омиллар масаласига семинар қатнашчиларининг эътиборини қаратди. Маъруза давомида намойиш этилган кўргазмали материаллар асосида маърузачи томонидан Хоразмда XVI – XIX асрнинг ўрталари оралигида кечган урбанизацион жараёнларнинг асосий хусусиятлари, бу жараёнларда давлатчиликнинг тутган ўрни кўрсатиб берилди.

«XIX – XX аср бошларида Хива хонлигидаги ижтимоий-сиёсий жараёнлар» мавзусида маъруза қилган т. ф. д. Д. Ҳ. Зияева Хива хонлигида Россия империяси протекторати ўрнатилганидан сўнг (1873 йил) кечган сиёсий жараёнлар, уларнинг характерли хусусиятлари ҳақида фикр юритиб, бу жараёнларнинг ижтимоий ҳаётга кўрсатган таъсири, юз берган ўзгаришлар ҳақида гапирди. У ўз маърузасида XIX – XX аср бошларида ижтимоий-сиёсий ҳаётда юз берган ўзгаришларни бошқа хонликлар билан қиёсий таҳлил этиб, бу жараёнларнинг айнан Хивага хос хусусиятларини очиб берди.

«Огаҳийнинг тарихий асарлари ва уларда давлатчилик масалаларининг ёритилиши» мавзусида Хоразм Маъмур академиясининг кичик илмий ходими М. С. Абдуллаев маъруза қилди. Унда маърузачи Хоразм тарихнавислик мактабининг йирик намояндаси Муҳаммад Ризо Огаҳийнинг ҳаёти, ижоди, тарихий асарлари, уларнинг Хоразм тарихини ўрганишдаги ўрни хусусида гапирди. Маърузада Огаҳийнинг тарихий асарлари давлатчилик тарихи нуқтаи назаридан таҳлил этилиб, уларнинг илмий аҳамияти кўрсатиб берилди.

Шундай қилиб, академик Яҳё Ғуломов номидаги «Ўзбек халқи ва унинг давлатчилик тарихи» республика илмий семинарининг муваффақиятли якунланган илмий семинарининг навбатдаги 56-йиғилиши Ўзбекистоннинг тарихий-маданий ҳудудларидан бири ҳисобланган Хоразмда кечган цивилизацион жараёнлар, уларнинг тадрижий характерга эга эканлиги ва қадимдан Ўзбекистон ҳудудида шаклланган давлатчилик тараққиётида алоҳида аҳамиятга эга бўлганлигини намойиш этди.

т. ф. д. Г. Агзамова

«ЎЗБЕКИСТОН ПОЙТАХТИ – ТОШКЕНТ 2200 ЁШДА» МАВЗУСИДАГИ ХАЛҚАРО ИЛМИЙ КОНФЕРЕНЦИЯ ҲАҚИДА

2009 йил 26-27 май кунлари Тошкент шаҳридаги шаҳар ҳокимлиги биносида «Ўзбекистон пойтахти – Тошкент 2200 ёшда» мавзусида халқаро конференция бўлиб ўтди. Мазкур конференцияда жаҳон эксперт олимлари томонидан тасдиқланган Тошкент шаҳрининг 2200 йиллиги ва унинг ҳар бир даври тарихи, шаҳарсозлик анъаналари ҳамда ўзбек халқи давлатчилик тарихида

тутган юксак ўрни каби масалалар илмий маърузалар асосида кенг жамоатчиликка тақдим этилди.

Конференцияда 50 дан ортиқ Ўзбекистон ва хорижий мутахассис олимлар ўз маърузалари билан иштирок этдилар. Анжуманда Ўзбекистон Республикасидаги дипломатик корпус ва халқаро ташкилот вакиллари, илмий ва ўқув муассасалар: Фанлар академияси, Бадий академия, Олий ва ўрта махсус таълим вазирлиги, Халқ таълими вазирлиги тасарруфидаги ташкилот вакиллари, профессор-ўқитувчилари ва бошқа меҳмонлар қатнашдилар.

Анжуман Ўзбекистон Республикаси Бош вазирининг ўринбосари Р. Қосимов, Тошкент шаҳар ҳокими А. Тўхтаев ва ЮНЕСКОнинг Ўзбекистондаги вакили Хорхе Эспеналларнинг табрик сўзлари билан очилди.

Конференциянинг ялпи мажлисида Тошкент шаҳрининг 2200 йиллик ёшини сўнгги йилларда олиб борилган тадқиқотларда қўлга киритилган илмий натижалар асосида яна бир бор исботлаб берувчи маърузалар тингланди. Жумладан, т. ф. н. М. И. Филанович Шоштепа, Мингўрик, Оқтепа ва Қанқа ёдгорликларида олиб борилган археологик қазилмалар натижасида олинган янги далиллар ва маълумотлар асосида Тошкентнинг шаҳар сифатида шаклланиш тарихи, шаҳарнинг қадимги ва ўрта асрлардаги хусусиятлари ва Марказий Осиё худудида тутган ўрни ҳақида маъруза қилди. Шу билан бирга ялпи мажлисида Тошкент шаҳрининг энг қадимги археологик ёдгорликлари, уларни ўрганилиши, шаҳар тарихига оид моддий ёдгорликлар тўғрисида (академик У. Исломов), нумизматик ва эпиграфик манбалар ҳақида (академик Э. Ртвеладзе), Тошкентнинг Буюк ипак йўлида тутган ўрнига бағишланган (академик Ю. Буряков) маърузалар тингланди. Д. Алимованинг маърузасида қадимий маданий қатламга асосланган ҳолда янги шарт-шароитларга мослаб ўзгартирилган ва модернизациялаштирилган Тошкент шаҳри тараққиётининг маданий эволюцияси, пойтахт ижтимоий мақомига мос келувчи замонавий архитектураси, унинг маънавий хусусиятлари очиб берилди.

Конференцияда иштирок этган хорижий олимлар қаторида Марказий Осиёни тадқиқ этиш Француз институти (IFEAC) вакили Хулио Бендезу-Сармиенто Тошкент шаҳрининг илк темир асри тарихи, қадимги Чочнинг қўшни худудлар, жумладан, Хоразм маданиятига ўзаро таъсири каби масалалар бўйича маъруза қилди.

Франциянинг «Коллеж де Франс» университети профессори машҳур тарихчи, санскрит ва буддизм бўйича етакчи мутахассис Жерар Фуссман ўз маърузасида Тошкентнинг қадимий шаҳарсозлик маданиятининг аста-секин замонавий мегаполисига айланиши жараёнларини кўрсатиб, Тошкентнинг урбанизация тараққиёти шонли анъанавий меросни замонавий урбанизация масалалари билан мувофиқ тарзда кўрсатиб берди.

Конференция уч йўналишда иш олиб борди: 1. «Қадимги ва ўрта асрларда Чоч – Тошкент шаҳрининг археологияси ва тарихи»; 2. «Тошкент тарихи манбашунослиги ва тарихшунослиги»; 3. «Тошкентнинг янги ва энг янги давр тарихи».

«Қадимги ва ўрта асрларда Чоч – Тошкент шаҳрининг археологияси ва тарихи» шўъбасида шаҳар тарихига оид археологик тадқиқотлар, шаҳар

худудидан топилган қоятош суратлар, сопол буюмлар, кўчманчи ва ўтроқ маданиятлар ўртасидаги ўзаро алоқалар, ирригация масалалари, бошқарув, савдо, ишлаб чиқариш, кадимги диний эътиқодлар, шаҳарнинг кадимги даврдаги қўшни худудлар билан ўзаро алоқалари каби масалалар бўйича олиб борилган сўнгги йиллардаги тадқиқот натижалари асосида тайёрланган 18 та илмий маърузалар тақдим қилинди.

«Тошкент тарихи манбашунослиги ва тарихшунослиги» деб номланган шўъбада шаҳар тарихига оид манбалар, уларнинг ўрганилиши, шаҳар топоними этимологияси, шаҳар тарихи бўйича бугунги кунгача олиб борилган тадқиқотлар ва уларнинг тарихшунослиги, шаҳар тарихининг хорижий тадқиқотчилар томонидан ўрганилиши, шаҳар аҳолисининг этник таркиби ва тарихи, Тошкент олимларининг илм-фан ривожига қўшган ҳиссаси каби масалаларни ўз ичига олган 18 та маъруза тингланди.

«Тошкентнинг янги ва энг янги давр тарихи» деб номланган шўъбада мутахассис олимлар шаҳарнинг XIX асрдан бугунги кунгача бўлган тарихи, маданияти, ижтимоий-иқтисодий ривожланиши, этнодемографик хусусияти, саноат, матбуот, аҳолининг миллий таркиби, урф-одатлар, меъморий ёдгорликлар тарихига оид 16 та илмий маърузани тақдим этдилар. Айниқса, Тошкент шаҳрининг мустақиллик йилларида туб сиёсий, иқтисодий ва маданий ислохотлар марказига айланганлиги, улкан бунёдкорлик ишлари натижасида пойтахт ташқи қиёфасининг тубдан ўзгарганлиги, йирик маданий ва илмий соҳаларда аввалги даврлар билан таққослаб бўлмайдиган даражада ютуқларга эришилганлиги алоҳида қайд этилди.

Конференция иштирокчилари томонидан қилинган илмий маърузалар кенг жамоатчиликка Тошкент шаҳрининг 2200 йиллик ёшининг тўғри белги-ланганлигини яна бир қарра исботлади ва унинг шонли ўтмишидаги кўпгина янги қирраларни очиб берди. Ҳар бир шўъбада қизғин илмий мунозаралар бўлиб ўтди, турли фикр-мулоҳазалар билдирилди. Мунозаралар давомида берилган саволлар, тақлиф ва тавсиялар, фикр ва мулоҳазалар асосида аниқ жавоблар берилди, илмий хулосалар қилинди.

Конференциянинг якуний ялпи мажлисида ҳар бир шўъба бўйича қилинган илмий маърузалар ва музокаралар бўйича раисларнинг тахлилий ҳисоботлари тингланди. Конференция иштирокчилари томонидан яқдиллик билан резолюция қабул қилинди. Мазкур конференция юқори даражада ўтказилганлиги учун анжуман иштирокчилари анжуман ташкилотчиларига, масъул мутасадди ташкилот вакиллариغا, Тошкент шаҳар ҳокимлигига миннатдорчилик билдирдилар.

Конференция якунлангандан сўнг анжуман иштирокчилари ЎзР Бадий академияси, Тошкент шаҳар ҳокимлиги, ЎзР Маданият ва спорт ишлари вазирлиги ҳамкорликда Тошкент фотосуратлар кўргазмаси уйида ташкил қилинган «Тошкент кеча ва бугун» деб номланган фотоқўргазмага ташриф буюрдилар. Шунингдек, меҳмонлар учун Тошкент шаҳрининг тарихий ёдгорликлари, диққатга сазовор жойларига саёҳат уюштирилди.

т. ф. и. С. Тиллабоев

О МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «МИРЗО УЛУГБЕК И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ МИРОВОЙ НАУКИ»

Среди огромной плеяды ученых и мыслителей Востока имя ученого-энциклопедиста и государственного деятеля Мирзо Улугбека занимает особое место. Его научное наследие вот уже несколько столетий изучается во многих странах мира, а памятники материальной культуры, созданные благодаря ему, украшают древний и вечно молодой Самарканд. Мировая научная общественность и отечественные ученые (историки, востоковеды, астрономы, математики) находятся в постоянном поиске в определении тех или иных спорных вопросов в изучении его научного наследия и государственной деятельности. Именно эти аспекты были освещены на Международной научной конференции 9-11 июня 2009 г. в Самарканде на тему: «Мирзо Улугбек и его вклад в развитие мировой науки», посвященной 615-летию Мирзо Улугбека и Международному году астрономии, проходившей под эгидой ЮНЕСКО. На этом международном форуме, совместно организованном Академией наук Республики Узбекистан, Министерством иностранных дел Республики Узбекистан, Национальной комиссией Республики Узбекистан по делам ЮНЕСКО, Международным институтом центральноазиатских исследований ЮНЕСКО, хокимиятом Самаркандской области, наравне с отечественными учеными приняли участие исследователи из Франции, Италии, Турции, Ирана, Индии, Японии, КНР, Бангладеш, России, Азербайджана.

Знаменательно то, что торжественное открытие международного форума проходило в медресе Мирзо Улугбека, построенном в 1420 г., имеющем свою историю жизни и вот уже несколько столетий украшающем в едином ансамбле с двумя другими медресе знаменитую площадь Регистан в Самарканде.

Открыли Международную конференцию Президент академии наук Республики Узбекистан академик Ш. И. Салихов, хоким Самаркандской области У. Барноев и Представитель ЮНЕСКО в Узбекистане Хорхе Иван Эспинал, которые в приветственных словах подчеркнули роль и значение в развитии мировой науки и цивилизации величайшего мыслителя и государственного деятеля Мирзо Улугбека.

На пленарном заседании были заслушаны доклады ученых, ведущих свои исследования в разных направлениях в изучении наследия Мирзо Улугбека. Д. и. н. А. Ахмедов в своем докладе ««Зидж» Улугбека и его роль в истории астрономии», раскрывая содержание «Зиджа» и историю его изучения в других странах, констатировал, что «значение «Зиджа» Улугбека для истории астрономии трудно переоценить. Будучи наиболее совершенным астрономическим сочинением средневековья в отношении движения планет, Солнца, Луны, звездного каталога и использованных в нем математических методов, «Зидж» оказал огромное влияние на развитие астрономии».

Французский исследователь, редактор журнала «La Temurid» Фредерик Бопертюи-Бресан посвятила свой доклад культуре и искусству Мавараннахра в период правления Улугбека. Она подчеркнула, что «Улугбек – принц-астроном

в своей научной деятельности покровительствовал утонченному искусству, придав особый импульс взлету темуридской культуры не только в Самарканде. В его эпоху искусство с его особым стилем процветало не только в Мавараннахре, но и в других регионах империи...». Директор Института астрономии АН РУз Ш. Эгамбердиев в своем докладе «Изучение наследия Улугбека: достижения и перспективы» отметил основные направления творческого наследия Улугбека, «на которых необходимо сосредоточить основные усилия исследователей» на сегодняшний день, и предложил «построить реально действующую модель (скажем, в масштабе 1:5) обсерватории и путем проб и ошибок попытаться понять, как же она все-таки была устроена».

Международная конференция продолжила свою работу в трех секциях: 1. Астрономическая школа Улугбека и ее роль в развитии мировой науки; 2. Улугбек и его время; 3. Образование и культура в эпоху Улугбека.

Среди зарубежных гостей и ученых, принимавших участие в работе Международного форума, следует отметить таких, как Франсуаз Леги-Тюли (Франция), Дарио Джорджетти (Италия), Исахая Ёичи, Тсуко Накамура (Япония), Ши Юнли (Китай), Ихсан Фазлиоглу, Феза Гунергун, Аттила Озгун (Турция), Мохаммад Багери, Али Ажабширизаде (Иран), Разауллах Ансари (Индия), Александр Воскобойников, Сергей Туркин (Россия), Элчин Бабаев (Азербайджан), которые поделились новыми научными достижениями в изучении наследия Мирзо Улугбека и его астрономической школы. В работе конференции принимали участие представители Института истории, Института востоковедения имени Абу Райхана Беруни, Института астрономии Академии наук Республики Узбекистан, а также ученые-профессора крупных вузов Узбекистана, в докладах которых были раскрыты отдельные аспекты проблемы.

Секционные заседания проходили в медресе Улугбека, Тилля-Кори и Президент-Отеле города Самарканда. Среди заслушанных выступлений хотелось бы отметить доклады российского ученого А. Э. Воскобойникова «Небо у нас одно: феномен Улугбека в мировой и российской культуре», директора Института истории АН РУз, профессора Д. А. Алимовой «Научная деятельность Мирзо Улугбека в контексте общественной ситуации в Мавараннахре в период его правления», азербайджанского ученого Э. Бабаева «Астрономические академии Насириддина Туси и Улугбека: виртуальный мост от Мараги к Самарканду», отечественного востоковеда О. Буриева «Административно-территориальное положение Мавараннахра при правлении Улугбека», итальянского исследователя Д. Джорджетти «Обсерватория Улугбека в Самарканде как археологический объект: что сделано и что еще предстоит осуществить». В частности, А. Э. Воскобойников отметил: «...Восток и Запад плодотворно обогащали друг друга. Учитывая тему нашей конференции, хотя бы напомним, что исламская культура внесла неопределимый вклад в формирование западной и мировой астрономии. ... Улугбек был предтечей мыслителей такого масштаба, как интеллектуальные титаны и герои Возрождения». В докладе Д. А. Алимовой, посвященном анализу общественной ситуации в Мавараннахре в период правления Мирзо Улугбека и влияния этой ситуации на его научную деятельность, было отмечено: «Благодаря уникальным научным исследованиям Улуг-

бек стал известен всему миру, и мы не стали бы резко отделять его деятельность на троне и в науке, потому что, будучи именно верховным правителем, он смог обеспечить и свою научную деятельность, и существование своей школы с точки зрения материального обеспечения и безопасности».

Заседания всех трех секций проходили в бурных дискуссиях и обсуждениях, касавшихся многогранной жизни и деятельности Мирзо Улугбека, будь то его научная деятельность, или непростое, наполненное сложными противоречиями сорокалетнее его правление Мавараннахром.

На заключительном итоговом заседании был заслушан доклад проф. Мохаммед Шамшер Али из Бангладеша «Абу Райхан Беруни и дух познания», в котором отмечались значение и влияние исторических и научных трудов Беруни на формирование научных взглядов Улугбека и на исследования самаркандской научной школы.

Председатели секций подытожили их работу и отметили наиболее заслуживающие внимания доклады.

Проведенная Международная конференция является ярким свидетельством уникальности феномена Мирзо Улугбека, сочетавшего в себе столько граней, что исследования его наследия продолжают на протяжении нескольких столетий.

к. и. н. Ф. Шамукарамова

Муаллифлар хақида маълумот

Ю. Буряков – ЎзР ФА Тарих институти етакчи илмий ходими, т.ф.д., академик.

Н. Зиёмов – ЎзМУ тадқиқотчиси, т.ф.н.

Д. Отажонова – ЎзР ФА Тарих институти тадқиқотчиси.

У. Абдурасулов – ЎзР ФА Тарих институти катта илмий ходими, т.ф.н.

Н. Мустафаева – ЎзР ФА Тарих институти катта илмий ходими, т.ф.н.

Ф. Шомукарамова – ЎзР ФА Тарих институти катта илмий ходими, т.ф.н.

А. Хўжаев – ЎзР ФА Шарқшунослик институти етакчи илмий ходими, т.ф.д., профессор.

А. Турсунметов – ЎзР ФА Тарих институти аспиранти.

Э. Каримов – ЎзР ФА Тарих институти етакчи илмий ходими, т.ф.д.

Г. Агзамова – ЎзР ФА Тарих институти етакчи илмий ходими, т.ф.д.

А. Отахўжаев – ЎзР ФА Тарих институти катта илмий ходими, ф.ф.н.

Ш. Асадова – ЎзР ФА Тарих институти катта илмий ходими, т.ф.н.

Ғ. Аҳмаджонов – ТДШИ «Марказий Осиё халқлари тарихи» кафедраси профессори, т.ф.д.

С. Гиллабоев – ЎзР ФА Тарих институти илмий котиби, т.ф.н.

Журнал муқовасида мил. VII – VIII асрларга оид қумуш лаган тўширилган.

На обложке журнала изображено серебряное блюдо VII – VIII вв. н. э.

ISSN 2010-7234. O'zbekiston tarixi, 2009. № 3

Индекс 1027